

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

16 МАРТА — ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Плакат художника В. Воликова. Издательство «Советский художник».

Плакат художников В. Корецкого и Ю. Кершина. Издательство «Советский художник».

Башкирия — республика нефтехимии. Ново-Уфимский нефтеперерабатывающий завод. Фото Л. Шерстенникова.

Первый секретарь Башкирского обкома КПСС
Зия Нуриевич НУРИЕВ

Интервью «Огонька»

ДЕНЬ И ГОД

23 МАРТА — 50 ЛЕТ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ БАШКИРСКОЙ АССР.

Вопрос. Башкирии исполняется полвека. Какой год был для республики самым трудным?

Ответ. 1919 год, поскольку это был первый шаг молодой республики в будущее и самое сильное, чем она располагала, были мечты, энтузиазм и решимость рабочих и крестьян это будущее завоевать. Против нас были голод, разруха, банды белых и кулаков, гражданская война. Но помощь российского пролетариата, забота и внимание партии большевиков к нашему народу, решимость бедняков защищать завоеванную свободу помогли выстоять.

Вопрос. Сейчас весь мир знает, что «фамильной» гордостью Башкирии является нефть. Почему же ее не смогли открыть до революции и как сумел край, в котором удельный вес промышленности в общей продукции составлял лишь 13 процентов, достигнуть поистине поразительных успехов в развитии индустрии?

Ответ. Начну издалека. В то давнее время, когда конники вольнолюбивого Салавата Юлаева были разбиты, славный его соратник Хайдар надолго скрылся от царской расправы на таежной реке Ишим. Вернувшись в родные края, Ишим-бай, как он назвался, обнаружил однажды в ручье «земляное масло». Никому не сказал старый Хайдар о находке. Только перед смертью открыл он тайну своим сыновьям и завещал им верно хранить ее. Одно поколение сменялось другим, но крепко хранил тайну род Ишимбаевых. Ни царским промышленникам, ни заморским не удавалось обнаружить «земляное масло». Но вот прогнал народ всех богатеев, всех баев, и молодой красноармеец рассказал тайну «земляного масла» самому Ленину. Такова легенда. А вот жизнь. В городе Ишимбае, в небольшом парке, есть скромный обелиск-надгробье. Под ним покоится прах первооткрывателя башкирской нефти геолога А. А. Блохина. Если ехать по улице Блохина и все дальше на юг, то увидите вышку — «бабушку» под но-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
15 МАРТА 1969
№ 11 (2176)

Мустай КАРИМ,
народный поэт Башкирии

Руки, глаза, мысли

Часы эпохи Завтра пробили —
Звон по Вселенной лить им и лить.
Космос и Время — о них говорили...
Я о руках хочу говорить.

Руки эти порвали оковы,
Брали винтовку, знамя несли.
Ил, что остался еще от потопа,
Эти руки убрали с земли.

Руки эти меня поднимали,
Воду и хлеб они дали мне.
Эти руки мне счастье ковали,
Словно сталь на большом огне.

Твердые руки, руки в мозолях...
Сколько в них нежности и огня!
Раз погрозят лишь пальцем — не боле,
Дважды потом приласкают меня.
Знайте, люди заводов и пашен,—
Это же руки Партии нашей!

Земные часы Завтра пробили.
Уносятся в Космос стрелы ракет.
Космос и Время — о них говорили...
Я — о глазах, излучающих свет.

Это не божьи глаза, что на землю,
Словно шпионы, смотрят тайком:
Зло и добро равнодушно приемля,
Страшным судом пугают потом.

Нет, эти глаза открыто судят,
Их лишь кривда боится да мгла,
Дар и расплата каждому будет
Здесь, на земле, за мирские дела.

Через Пространство и через Время
Эти глаза далёко глядят:
Под проницательным этим взором
Вдруг просыпаются даже горы,
Степи немые — и те говорят,

Первыми проблеск зари заметят,
След от тучи, где зреет гроза.
Сердце мое оттого и светит,
Что видят всё на огромной планете
Зоркие
Партии нашей глаза.

Наши куранты
Завтра пробили —
Звон по Вселенной лить им и лить.
Пусть здравствует солнце!
О нем говорили...
Хочу о разуме говорить.

Этот разум,
Как ветер с луга,
Живой, как текучие воды вдали,
Как пламя, как дерево юга
Или как щедрость самой земли.

Мысли твои, о Партия наша,
Знай, навеки впитала душа.
«Здравствуй, Завтра! —
говорю с бесстрашьем.—
Пусть же легким
будет
твой шаг!»

Перевел Василий ТРУБИЦЫН.

Моторостроители-артисты. Фото Л. Шерстенникова.

ТРИ

мером 702, которая вот уже тридцать семь лет дает «земляное масло» — нефть. Это первая в Башкирии вышка. Теперь их у нас сотни. Недаром по добыче нефти республика занимает второе место в СССР и первое — по нефтепереработке, производству кальцинированной соды и гербицидов.

Башкирская земля так щедро раскрыла свои кладовые именно в советское время потому, что только после Октябрьской революции стало возможно комплексное исследование всех ее природных богатств на научной основе. Кстати, в Ишимбае начинали свою деятельность академик А. А. Трофимук и нынешний министр нефтедобывающей промышленности СССР В. Д. Шашин. Сильно развились и другие центры нефтяной промышленности: Туймазы, Салават, Белебей, Октябрьский, Нефтекамск и другие. Всем известно, какой большой вклад внесла башкирская нефть в дело победы над фашизмом, когда враг преградил путь к Баку и Грозному.

Башкирия может похвастаться и старейшей отраслью нашей промышленности — металлургией, центром которой является Белорецк. В Стерлитамаке вот-вот войдет в строй вторая очередь громадного завода синтетического каучука. Лабораторные пробы показали, что этот каучук по качеству не уступит натуральному.

Если вы были в нашей республике, то заметили, очевидно, что большая ее часть покрыта лесами. Мы ежегодно можем добывать до 11 миллионов кубометров древесины, и в ближайшем будущем это позволит нам развить лесохимическую и деревообрабатывающую отрасли промышленности. Этому поможет окончание строительства железной дороги Магнитогорск—Белорецк — Уфа—Чишмы, что, в свою очередь, откроет выход производительным силам Казахстана и Урала.

Всему миру известна советская автомашина «Москвич-412». На ней стоят наши двигатели, надежность и высокие качества которых подтвердило недавнее ралли Лондон—Сидней. Я помню, что сказал после марафона капитан советской команды Александр Ипатенко: «...моторы работали безотказно, не подвели ни разу ни на одной машине. Это мотор высокого класса...»

Не могу не привести еще две цифры: объем промышленной продукции возрос к нынешнему году по сравнению с 1913 годом в 414 раз; Башкирия выпускает ныне промышленной продукции на большую сумму, чем вся царская Россия, и продукция эта экспортируется в 67 стран мира.

Вопрос. Из вашего ответа ясно, что Башкирия стала страной высокоразвитой промышленности. Но при въезде в Уфу я видел большой плакат «Башкирия — республика сельского хозяйства»...

Ответ. Этот плакат свидетельствует о гармоничном развитии республики. Я сам помню, да и мать моя еще рассказывала, как певцы-сэсэны ходили по деревням и пели о нужде крестьян и батраков, об их худых хибарках, о бедности, о жизни, «на смерть похожей», как вспоминал писатель Н. А. Крашенинников. А сейчас загляните, скажем, в среднее село Киргиз-Мияки — прекрасные дома, газификация, сады, завод сухого молока, который отправляет свою продукцию на Кубу и в Югославию, свой кирпичный завод. Я подчеркиваю: это среднее село среднего района. Очень высоко поднялась культура земледелия, в чем сыграла свою роль и промышленность. Разве появились бы без нее совершеннейшие сельскохозяйственные машины? Вы порасспрашивайте в тех же Мияках старейшего агронома района Шакира Сатыева. Он вам расскажет. Теперь по производству валовой продукции сельского хозяйства республика занимает третье место в РСФСР. Не удивитель-

Ю. ЛУШИН

ВСТРЕЧИ

СПРОСИТЕ СТАРОГО ШАКИРА...

Старший сержант связи Шакир Сатыев увидел близкий взрыв и уж больше ничего не помнил. Только потом ему объяснили, что его рацию запеленговали в 110 километрах от Берлина и ударили по ней жестоким прицельным огнем. Шакиру оторвало выше локтя левую руку, а осколок пропорол весь бок.

Это случилось 13 февраля 1945 года. С тех пор ежегодно вот уже более двух десятков лет, как только наступает февраль, Шакир Сатыев не может две-три ночи подряд уснуть. Почему-то сильнее начинают ныть старые раны еще той, давней гражданской войны и раны войны последней, тоже не близкой. Их боль вызывает в памяти картины прошлого, и они проходят перед ним без всякой последовательности, но всегда начинаются воспоминанием о ночи под Берлином. И тогда он шепчет про себя: «Эх, жаль...» А чего жаль, и сам толком не поймет. То ли того, что так и не удалось ему войти в логово фашизма, то ли ушедшей молодости, то ли еще чего.

Он вспоминает, как вез его санитарный поезд

но, что у нас очень сильно развита мясо-молочная промышленность. Надеюсь, на прилавках наших магазинов вы могли найти все, что хотели. Уж не говорю о знаменитом башкирском меде. Родина наградила Башкирию орденами Ленина в 1935 и в 1957 годах как раз за совокупность успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства. Так что с полным правом можно сказать, что Башкирия — республика высокоразвитой промышленности и передового сельского хозяйства.

Вопрос. И высокой культуры, не так ли?

Ответ. Да, и культуры. Я приведу несколько цифровых сравнений, потому что в данном случае цифры поистине кричащие. Ведь башкиры до 1923 года не имели даже своей письменности, и в том году впервые были изданы 4 книги на башкирском языке общим тиражом 8 500 экземпляров. Теперь ежегодный тираж наших изданий — 3,5 миллиона экземпляров. Смешно сказать, но у башкир не было профессионального искусства. Нам сейчас это представить трудно. Мы настолько привыкли, что, скажем, в национальном театре оперы и балета ставятся балеты башкирского композитора, заслуженного деятеля искусств Наримана Сабитова «Гульназира» или «Я люблю тебя, жизнь», оперы народного артиста РСФСР, лауреата национальной премии имени Салавата Юлаева Загира Исмагилова «Салават Юлаев» или «Шаура», что нам кажется, будто так было всегда.

Наши писатели Мустай Карим, Анвер Бикчентаев, Сайфи Кудаш и многие другие известны не только народам Советского Союза, но и во многих странах мира. Конечно же, для башкир эти полвека по своему значению в исторических судьбах башкирского народа не могут сравниться со многими столетиями прошлого. В 1910 году в школу ходили всего 12 башкир. Сейчас Башкирия — республика сплошной грамотности. В Буздякской волости, Белебеевского уезда, работала врачом двоюродная сестра Ленина Анна Ивановна Веретенникова. Она одна обслуживала 185 деревень. Сейчас только Уфимская больница № 13 имеет медицинских работников больше, чем вся дореволюционная Башкирия. До революции здесь было всего 4 города, и об одном из них говорили: «Кто в Уфе не побывал, тот и грязи не видал». Ныне в республике 17 городов. А в Уфе ежегодно строится и заселяется 350—375 тысяч квадратных метров жилья. По генплану к 1980 году население столицы превысит миллион жителей.

Но не достаточно ли цифр? Лучше просто выйти на улицы современной Уфы и оглядеться вокруг. Красивые дома, театры, Дома культуры, кинотеатры, памятники.

Пройдите по прекрасному семикилометровому Октябрьскому проспекту, который соединяет старый город с новыми районами и который можно назвать дорогой из прошлого в будущее. Полюбуйтесь великолепным Дворцом Славы, «поболейте» в новом Дворце спорта, загляните в универмаг, посмотрите новые жилые районы, посетите филиал Академии наук, институты, швейную фирму «Мир», способную одеть полреспублики,— это все Октябрьский проспект. И тогда старая поговорка покажется вам курьезом.

...Есть в истории нашего народа, как и других советских народов, особенный день — 25 октября 1917 года. Этот день предопределил образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики да и других автономий. А потом... потом был трудный, но очень дорогой для нас 1919 год. Потому что именно тогда народ наш обрел самостоятельность и уверенность в будущем. И потому, что мы победили и выстояли в том году, наш нынешний юбилей радостен нам вдвойне.

на восток. Ехал почти теми же местами, где жаркая молодость водила его в бои на махновцев вместе с конницей Буденного, на штурм Перекопа... Его вдруг удивляло, что он, самый мирный человек на земле — хлебороб, агроном-селекционер, добрую часть жизни был солдатом. Но если бы я не был солдатом, размышлял он, и другой не был, и третий, то кто бы защитил меня и всех остальных? Нет, все правильно. Другой судьбы не нужно. А то, что он не успел, пусть сыны успевают. Они у него люди ученые: Узбек — кандидат сельскохозяйственных наук, а Рид — ассистент на кафедре физики в Башкирском государственном университете.

Он тихонько засмеялся, вспомнив, как ошарашил приезжего корреспондента: дрова для печки колют, мол, мне ученые. Специально из Уфы приезжают. Вот это да! Конечно, больше всего ему нравятся летние приезды сыновей в Мияки. Тогда они с Узбеком и внучонком Азатом уезжают на машине в дальние поля — смотреть хлеба. Мнут в пальцах землю, считают зерна в колосе, прикидывают — центнера по 22 даст нынче это поле.

А сон все не идет, и знает старик: в эту ночь ему уж не уснуть. Он включает свет, подходит к столу, привычно раскрывает одну из тетрадей. Строчки, столбцы цифр... «Пригодится ли это кому-нибудь?» — думает он. Сколько у него таких тетрадок и блокнотов? Сотня, наверное, наберется. И где-то там первая запись еще неумелой рукой: сын пастуха без малого пятьдесят лет назад с трудом научился писать. С той первой записи и начался его дневник. Он, конечно, не писатель. Он агроном, первый агроном с институтским образованием в районе. Это в Миякax каждый знает. У себя на участке он получал по 50 центнеров проса с гектара, по 36 — пшеницы, по 42 — ржи и считал, что такие урожаи будут обычными. И теперь радуется, что слова его начинают осуществляться на деле...

В какой-то из тетрадей есть запись о первой сельскохозяйственной выставке в Москве в 1923 году. Шакир Сатыев встречался и говорил на ней с Иваном Владимировичем Мичуриным и стал с тех пор преданным его последователем. Уже после войны, когда учительствовал в школе, занялся он со своими школьниками разведением садов, вывел смородину нового сорта и любил удивлять внука и приезжих людей необыкновенной яблоней в своем саду — на ее ветках зрели яблоки более десятка различных сортов. Это воспоминание снова заставляет его улыбнуться, и он сидит так некоторое время, позабыв даже о ноющей руке. Нет, что ни говори, а он, Шакир Сатыев, все-таки принес людям кое-какую пользу. И если бы не война...

Он хотел стать ученым и, наверное, стал бы им. Его вызвали в Москву для защиты кандидатской диссертации, но на полпути его встретила весть о войне. «Кому сейчас нужна моя диссертация?» — решил он, вернулся в Мияки и записался добровольцем на фронт.

Да, если бы не война, он стал бы ученым. Пусть теперь сыновья продолжат его дело... Они и их дети. Так уж повелось на земле. А у него сейчас есть другое дело. Не может он сидеть просто так. Вот и восстанавливает по старым книгам, преданиям и легендам историю родного села.

Старый Шакир уже не думает о сне. Он ждет утра. Тогда постучится в дверь семиклассница Флюра Хафизова и спросит его, как спрашивает каждый день: «Шакир Абдурахманович, писать будем?» «Будем, дочка, будем», — ответит он и начнет диктовать главу «Истории села Киргиз-Мияки»...

БЕДНЫЙ МИСТЕР ЛАЙОНЗ

Кем человек родится? Художником, архитектором, рабочим, учителем? Родители Нафисы были твердо уверены: их дочь должна стать только медиком, может быть, кандидатом наук или, страшно подумать, профессором медицины. Семейный совет решил единогласно: девочка, окончившая школу с серебряной медалью, способна и на такое. Только один человек не разделял этого оптимизма — сама Нафиса. Нет, она была уверена, что экзамены в институт выдержит. Но ей нужен другой институт — нефтяной. От такой крамольной мысли родные пришли в ужас, и документы были поданы... в медицинский.

Но «крамола» зрела в ее душе, и буквально в последний день Нафиса забрала документы из медицинского и отнесла их в нефтяной. До конца экзаменов родители ни о чем не подозревали, а когда узнали, им ничего не оставалось, как поздравить первокурсницу, впрочем, со словами: «Загубила себя».

Многие впоследствии будут объяснять ее успехи вот этой твердостью характера, другие — знанием дела, третьи — любовью к нему. И все будут правы. А вот что заставило ее, получив диплом, пойти на должность рабочего Ново-Уфимского нефтеперерабатывающего завода — стать простым оператором?

— Конечно, я могла бы пойти в химическую лабораторию на том же заводе,— объясняла Нафиса Кабировна.— Но я должна была хлебнуть производства. Я считала, наука от меня не уйдет. И еще считала, наука существует не ради себя самой, а все для того же производства в конечном итоге. И я должна была понять его.

Наука от Нафисы Кабировны Ляминой действительно не ушла. Сейчас она заведует лабораторией в институте химии при филиале Академии наук. Кстати, лаборатория занимается проблемой, с которой, работая еще оператором, она столкнулась на заводе. Дело в том, что сейчас добывается и поступает в переработку все больше сернистой и высокосернистой нефти. Производственникам нужна чистая нефть. А сероорганические соединения порой просто идут в отходы.

— Вы представляете, что это значит? — увлекаясь, говорила Нафиса Кабировна.— Если их выделить в чистом виде, то государство получит огромную прибыль.

Мы переходили из комнаты в комнату, где сидели над пробирками и микроскопами сотрудники в белых халатах, потом в комнату, где заканчивался монтаж новой установки — гордость лаборатории. Нафиса Кабировна подробнейшим образом объясняла мне что-то очень сложное из области своей науки. А я хотел и все никак не мог задать ей вопрос, который давно вертелся на языке. Вопрос такой: вы, Нафиса Кабировна, стали кандидатом химических наук. В вашей лаборатории в основном женщины и многие с высшим образованием. В институте примерно половина сотрудников тоже женщины. А вот некий мистер Лайонз после посещения СССР с апломбом утверждает в журнале «Ридерс Дайджест»: «Равенство советских женщин проявляется в том, что они носят бревна, роют канавы, подметают улицы». Что вы на это скажете?

И когда при прощании я все-таки задал свой вопрос, она просто ответила:

— Бедный мистер Лайонз...

ПЛЯСКА — МОЯ ПЕСНЯ

— Вот и все, джигит,— сказал Акраму после операции хирург,— кончился для тебя футбол. И, боюсь, танцы тоже. Впрочем,— добавил он,— все от тебя самого будет зависеть...

Да, глупо, конечно, все получилось. Оставался последний год службы на границе, и тут один из лучших футболистов части, Акрам Мусин, в кубковом матче сломал ногу. Как же теперь быть? И как он теперь приедет домой в Уфу, где ждет не дождется своего солиста ансамбль народного танца? И на заводе ждут его ребята, а он... Но доктор сказал: все от тебя самого будет зависеть, джигит. Значит, есть надежда?

Поезд катил к Уралу. Акрам стоял в тамбуре и притопывал выздоровевшей ногой в такт перестуку колес... Год сначала осторожных, потом все более интенсивных тренировок прошел. «Нога как новая»,— пошутил на прощание доктор. Сколько будет у него таких поездов, и ближних и дальних... Башкирскому танцу «Джигит» в исполнении Акрама Мусина будут рукоплескать в башкирских селах, в Ульяновске, в Перми, в Москве, в Болгарии — везде, где будет выступать ансамбль Раима Зиганова. А пока Акрам ехал и верил...

Завод в его отсутствие здорово изменился. Появились новые цеха, пришли молодые, веселые и острые на язык ребята. Слесарь-сборщик Мусин привычно занял на потоке свое место, как будто и не отлучался от него никуда. На заводе только и разговоров было, что о подготовке к выпуску новой продукции — двигателей для «Москвича-412».

— Семьдесят пять лошадей в моторе — сила! «Волгу» может обогнать...

И никто тогда не предполагал, что четыре маленьких «Москвича» с моторами, сделанными их руками, будут покорять далекие дороги Англии и Австралии, споря с «фордами» и машинами других именитых фирм. Это были моторы одной из первых партий, а самые первые собирали Акрам Мусин, Петр Воробьев и Николай Батраков под руководством мастера Эдуарда Гальяна. Вот это была работка! Ровно к восьми утра встречались они, как заговорщики, в маленькой комнатушке. Уже позже они вселились в громадный цех и смонтировали автоматическую поточную линию.

Дело поначалу не очень-то ладилось. За месяц сумели собрать два или три двигателя, но зато научились это делать с закрытыми глазами. А вечерами Акрам бежал во Дворец культуры на репетицию — со дня возвращения он не пропустил ни одной. И так почти каждый день. А тут еще начальник цеха Владимир Иванович Савельев как-то раз нежно так отозвал его в сторону и спросил:

— Пляшешь хорошо?

— Да ничего вроде бы...

— А почему других не научишь? Скоро смотр художественной самодеятельности, а цеху и похвалиться нечем.

И еще два вечера в неделю стал приезжать во Дворец моторостроителей Акрам — репетировать с ребятами башкирский танец. Совсем времени свободного не стало. Но вскоре вошел в строй цех, десятки сборщиков встали на поток — пошло дело. Уже несколько тысяч «Москвичей» бегали с их моторами. И тут новая радость: за создание, доводку и освоение двигателя «М-412» Уфимский моторостроительный завод награждается дипломом ВДНХ первой степени, несколько человек награждены медалями ВДНХ. Акрам получил бронзовую. В этот вечер на репетиции он плясал, как никогда, так что ребята спросили:

— У тебя сегодня не день рождения?

— Лучше,— ответил он.

...Я сидел у самого края сцены в первом ряду. Смотр был в разгаре. Объявили очередной номер: башкирский танец в исполнении коллектива сборочного цеха, руководитель Акрам Мусин. В Башкирии любят и песню и музыку, но всего больше — народную пляску. Недаром там народ говорит: «Пляска — моя песня». Шум одобрения прокатился по залу, когда на сцену вырвались джигиты в блестящих желтых рубахах, в рыжих лисьих малахаях. И вот уже лебедушками плывут девушки, смущенно прикрывая лица прозрачными тонкими платками. И снова стремительное кружение и прыжки... И в тишине зала, как обвал в горах:

— Браво, Акрам!

Интервью «Огонька»

ЗАКОН, РАЗРЕШИВШИЙ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ...

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТКРЫТИЯ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ЗАКОНА Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА КОММЕНТИРУЕТ АКАДЕМИК В. И. СПИЦЫН

Д. И. Менделеев за рабочим столом. Рисунок Ильи Ефимовича Репина.

Менделеев начал разработку системы химических элементов в 1868 году. Первого марта 1869 года он разослал многим русским и иностранным химикам листок с первым изображением естественной системы химических элементов. Менделееву было тогда 35 лет.

Восемнадцатого марта 1869 года от имени отсутствовавшего тогда Менделеева профессор Меншуткин впервые официально доложил его работу. Это было на заседании Русского химического общества в Петербурге.

Пятнадцатого апреля того же года состоялось обсуждение доклада Д. И. Менделеева на Русском химическом обществе. А в майском номере журнала Общества вышла его статья «О соотношении свойств с атомным весом элементов». И, наконец, в августе 1869 года на съезде Русских естествоиспытателей Менделеев сделал доклад на тему о периодическом законе.

Таким образом, можно смело сказать, что весь 1969 год является юбилейным годом периодического закона.

— Чем можно объяснить отсутствие самого автора открытия на первом публичном докладе?

— Утверждали, будто ему помешала болезнь или даже что он «стеснялся» или «боялся» этого доклада, не будучи уверен в доброжелательном приеме.

На самом же деле он в эти дни уехал в командировку, чтобы обследовать в нескольких губерниях состояние артельных сыроварен. Это не будет казаться историческим парадоксом или причудами ученого, если вспомнить, сколь необычна в своей разносторонности была его деятельность: он автор бездымного пороха и системы мер и весов, метеоролог и почвовед. Его занимают вопросы

таможенных тарифов и перспективы прогнозирования погоды. Его заботит устройство мира химических элементов и устройство жизни, экономическое положение России...

Сила открытого им периодического закона была в том, что он таил в себе возможности предвидения, научного предсказания. Уже два года спустя Менделеев опубликовал статью, в которой рассмотрел вопрос о существовании ряда еще не открытых элементов и для трех из них детально описал их ожидаемые свойства.

— Трансурановые элементы, в том числе менделевий или открытый в нашей стране академиком Г. Н. Флеровым сто четвертый элемент — курчатовий,— каково их практическое значение?

— Известно, что трансурановые элементы — те, что стоят в таблице после урана,— все были получены искусственным путем сначала в виде очень короткоживущих радиоактивных изотопов. Но постепенно — один за другим — во многих семействах «трансуранидов» обнаруживались долгожители. Для нептуния, открытого впервые в виде изотопа с периодом полураспада 2,3 дня, позже получен изотоп с периодом полураспада более двух миллионов лет! Для плутония — столь важного в атомной технике — найден один из изотопов с периодом полураспада 76 миллионов лет.

Менделевий, 101-й элемент, названный Гленном Сиборгом в честь Д. И. Менделеева, сначала был получен в виде изотопа с периодом полураспада 30 минут. Сейчас известен его изотоп с периодом полураспада 54 дня.

Заурановые элементы находят все большее применение в науке и технике. Один из изотопов кюрия был использован на американской лунной станции. С помощью его излучения исследовался состав минералов лунной поверхности.

На основе изотопов плутония изготовляют источники энергии, в которых тепло, выделяемое при радиоактивном распаде, превращается в электрический ток. Такие источники энергии могут быть использованы для работы автономных электрических установок— на маяках, на плавающих в океане буйках и так далее.

— Что можно сказать о значении открытого закона?

— Периодический закон имеет огромное философское значение как средство познания мира, его строения, условий его существования. Он указывает возможные пути перестройки неорганической природы и способы управления таящимися в ней силами. Применение периодического закона продолжает непрерывно расширяться.

Вступая во второе столетие своего существования, периодический закон неизменно будет служить путеводной звездой для всех исследователей, стремящихся познать тайны строения вещества и окружающей нас природы.

«Повидимости, периодическому закону будущее не грозит разрушением, а только надстройки и развитие обещает» — время подтвердило это пророчество Д. И. Менделеева. Великий сын русского народа Дмитрий Менделеев внес своими трудами неоценимый вклад не только в отечественную науку. Его имя навсегда вписано золотыми буквами в скрижали мирового знания.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РОГАТКИ НА БОЛЬШОМ ПУТИ

Викентий МАТВЕЕВ

В Женеве возобновляет работу Комитет по разоружению. В его актив теперь записано существенное очко. В прошлом году участники комитета успешно завершили длительные и трудные переговоры по вопросу, представляющему большую важность для всех государств, для всех народов: должно или нет ядерное оружие расползаться по земному шару? Договор, подготовленный в женевском комитете, отвечает на этот вопрос определенно и категорически: нет, этого не должно быть! В мире сейчас пять государств, владеющих ядерным оружием. Дальнейшее увеличение их числа означало бы усиление опасности ядерных конфликтов в районах с повышенной напряженностью, а таких районов на земном шаре еще немало.

Договор о нераспространении ядерного оружия уже подписан правительствами почти 90 стран. Под ним пока нет подписи правительства ФРГ и некоторых других государств. В Западной Германии вокруг вопроса — подписывать или нет договор — идет острая борьба. Само собой разумеется, присоединение ФРГ к этому договору совершенно необходимо, чтобы он стал эффективным.

В то время как в мире еще продолжается борьба вокруг проблемы нераспространения ядерного оружия, участники женевского комитета, выполнив стоявшую перед ним задачу, обращаются к другим проблемам, ждущим своего решения. Речь идет о дальнейших этапах борьбы за прекращение гонки вооружений. Надо не только положить конец расползанию ядерного оружия по нашей планете, но и предпринять шаги для того, чтобы покончить с гонкой ядерных вооружений. Эта задача выдвинута в качестве центральной в «Меморандуме правительства СССР о неотложных мерах по прекращению гонки вооружений и разоружению», представленном на рассмотрение последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Меморандум получил широкое одобрение.

Предстоит серьезная борьба. Ареной ее будет не только Комитет по разоружению. Ведь дипломатия — это производное от политики, экономики, от соотношения сил на международной арене.

Добиваясь прогресса в решении вопросов разоружения, в первую очередь прекращения гонки ядерных вооружений, Советский Союз не ищет каких-то односторонних выгод или преимуществ для себя, а руководствуется интересами мира и безопасности, стремится к уменьшению опасности ядерного конфликта, что в равной степени важно для каждого государства.

Игра в прятки тут недопустима. Мир не резиновый мячик. Говорить об этом приходится потому, что именно вокруг вопросов разоружения, как узловых для дела мира, противники разрядки международной напряженности стремятся нагородить побольше препятствий. Так действуют в Соединенных Штатах Америки и в других странах монополистического капитала круги, связанные с военным бизнесом, стремящиеся сохранить столь выгодный источник сверхприбылей, каким является в условиях капитализма производство вооружений.

Но почему против переговоров о разоружении не менее яростно выступают с официальных трибун в Пекине? Почему маоцзэдуновская пропаганда в лад с реваншистско-милитаристскими кругами Бонна ополчилась на Договор о нераспространении ядерного оружия?

В 1945 году, когда за океаном упивались атомным угаром, американский генерал Гровс дошел до того, что объявил смерть от ядерной радиации «приятной».

Спустя двенадцать лет, в 1957 году, Мао Цзэ-дун заявил, что готов пожертвовать в атомной войне жизнями половины человечества. Перспективу такой войны он не только не отвергал, но приветствовал, ссылаясь на «интересы мировой революции». В свое время К. Маркс писал о взглядах анархиста Прудона, что на место практической и революционной деятельности масс он ставит причудливые движения своей головы. Эти слова вдвойне и втройне применимы к тому, что пытается навязать китайскому народу Мао Цзэ-дун.

В нападках маоцзэдуновской пропаганды на борьбу за разоружение нет ничего оригинального. Такую же линию ведут воинствующие круги империалистической реакции. Не только в «теории», но и на практике с ними смыкаются маоцзэдунисты. Второго марта пекинские руководители предприняли вооруженную провокацию на советско-китайской границе.

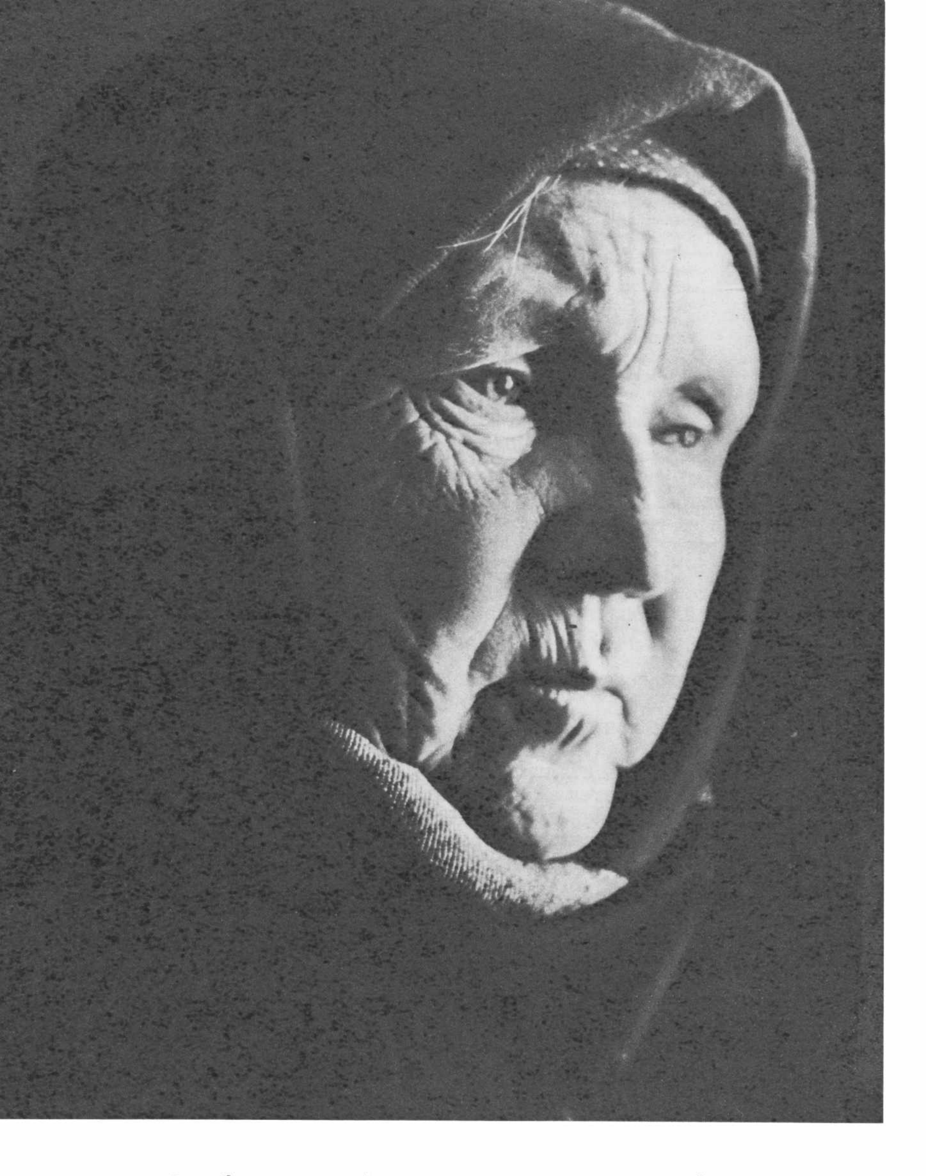
Народы еще раз увидели, кто заинтересован в диверсиях, подкопах под устои мира и безопасности. Эти вылазки предпринимаются не от хорошей жизни. К внешним авантюрам прибегают правители-банкроты, хватающиеся за самые отчаянные средства. Неразрешимый кризис испытывает внутри страны группа Мао Цзэ-дуна. Экономика Китая отброшена назад. Сообщается, что теперь в стране введено нормирование на еще более широкий круг предметов первой необходимости, в том числе даже на спички.

Мировая печать сразу взяла на заметку тот факт, что вызывающая акция Пекина, приведшая к пролитию крови, совпала с провокационной затеей президентских выборов в Западном Берлине, устроенной правящими кругами Бонна.

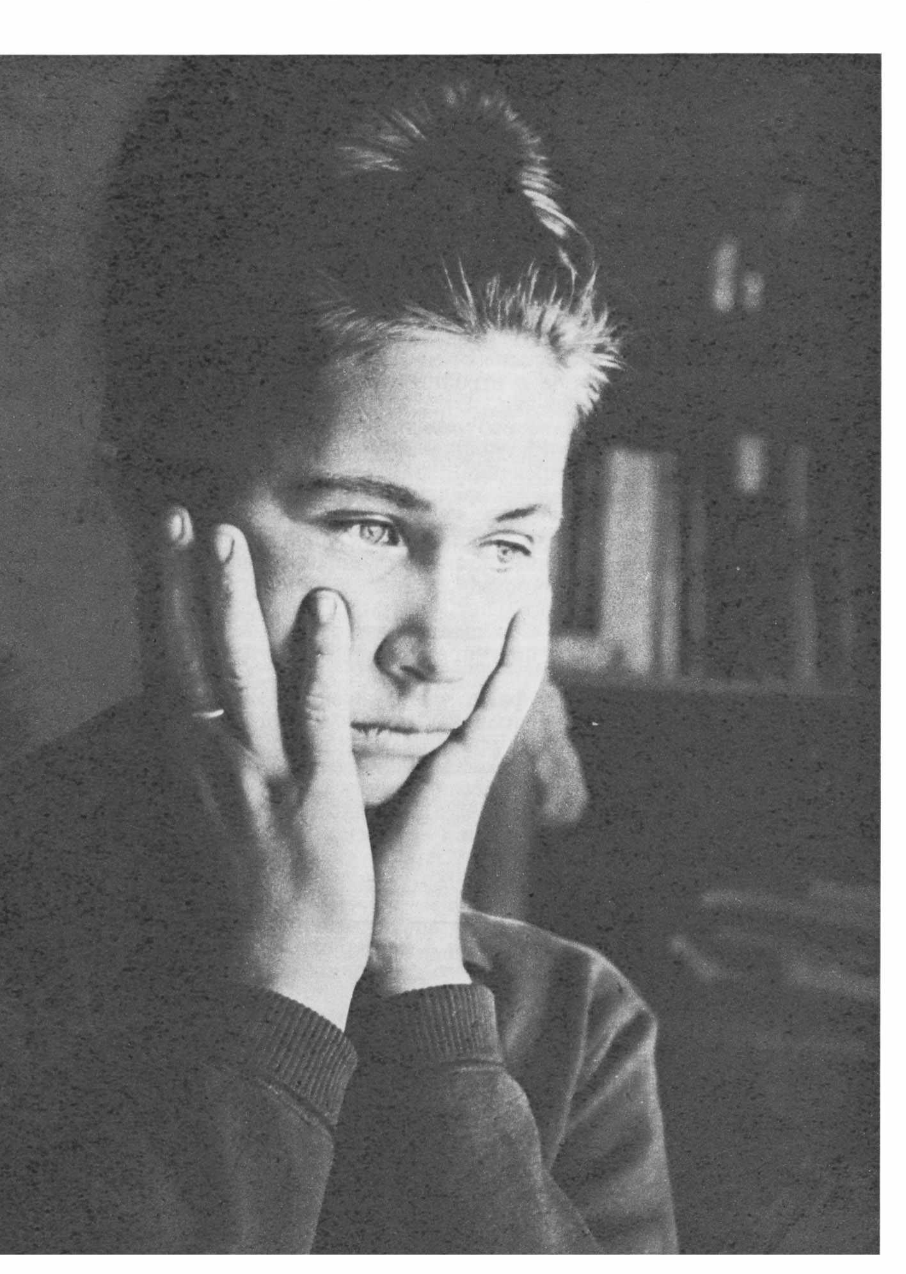
Немало буржуазных обозревателей на Западе, включая и влиятельных журналистов в самой Западной Германии, указывает, что нельзя допустить повторения провокаций, подобных той, какая была затеяна Бонном в Западном Берлине с выборами там президента ФРГ. Предпринятые властями Германской Демократической Республики новые твердые меры, направленные на то, чтобы оградить жизненные интересы республики от происков милитаристских и реваншистских кругов в ФРГ, будут сохраняться в силе.

Реваншистские круги в Западной Германии должны знать, что их притязания на перекройку границ в Европе неизбежно разобьются о несокрушимую мощь Советского Союза и других стран — членов Варшавского оборонительного договора.

На земном шаре есть могучие и непрерывно растущие силы, способные обеспечить развитие событий в интересах дела мира и прогресса.

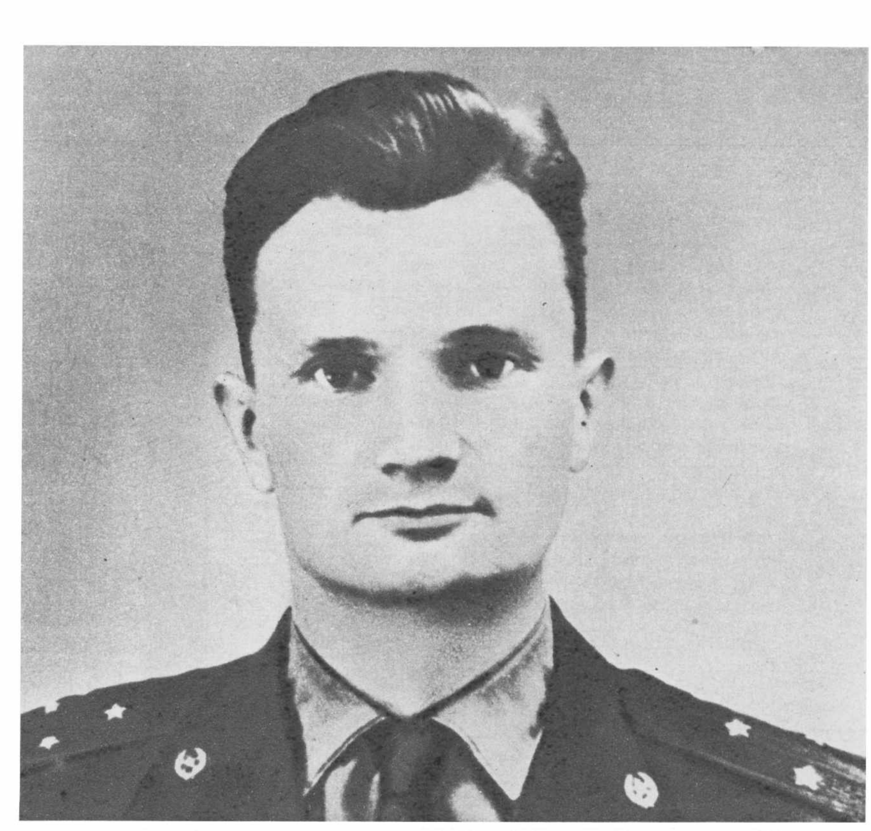
Скорбь родных. Агния Андреевна, мать погибшего старшего лейтенанта Ивана Ивановича Стрельникова. Его жена Лида...

У стен китайского посольства в Москве.

ПОЗОР ПЕКИНС

Начальник заставы старший лейтенант И. И. Стрельников, отдавший жизнь за Родину 2 марта 1969 года.

Фото А. Бочинина.

Эти фотографии сделаны на острове Даманском, где 2 марта пролилась кровь советских пограничников, отразивших наглый вооруженный налет китайских бандитов. Эта провокация — звено целой цепи провокаций и нарушений. Год назад мне довелось побывать на советско-китайской границе и воочию наблюдать бесчинства хунвэйбинов, скандирующих изречения «великого кормчего» Мао Цзэдуна, хунвэйбинов, вооруженных палками, железными ломами и кастетами. Они пытались проникнуть на нашу территорию, а в это время с китайской стороны мощные репродукторы изрыгали грязную клевету на Советское государство, на советский народ.

Нарушения и провокации расширялись по мере усиления антисоветской пропаганды в Китае. Сначала были как бы случайные перегоны скота на нашу территорию, потом преднамеренные нарушения рыбаками границы СССР, затем на советской земле стали появляться китайские военнослужащие.

Год назад, находясь на китайской границе, наблюдая, как беснуются китайские бандиты, как они оскорбляют советских пограничников, я восхищался долготерпением и выдержкой наших воинов. Выполняя приказ командования, они старались разрешать недоразумения мирным путем, справедливо считая, что китайские граждане — это лишь орудие, используемое Мао Цзэ-дуном и его приспешниками для нагнетания напряженности на советско-китайской границе. Так было и 2 марта, когда со стороны пограничного китайского поста вышла на лед группа маоцзэдуновских провокаторов. Старший лейтенант Стрельников со своими солдатами пошел по льду к острову. Советский офицер хотел уладить конфликт, как всегда, путем переговоров, но был расстрелян в упор китайскими бандитами.

Вот фотографии наших воинов, которые там, на льду, приняли неравный бой. Их было в несколько раз меньше, чем китайцев, действия которых поддерживали минометы и артиллерия. И все же советские пограничники обратили бандитов в бегство. Для своего гнусного преступления китайские власти облюбовали остров Даманский. Он находится далеко от населенных пунктов, можно сказать, в глухомани. Китайские власти считали, что не будет свидетелей их злодеяния, а значит, будет легче обмануть свой народ. Китайские власти просчитались. Преднамеренность их военной провокации на острове Даманском очевидна.

ПОГРАНИЧНИКИ, УЧАСТНИКИ БОЯ НА ОСТРОВЕ ДАМАНСКОМ:

Младший сержант Василий Каныгин.

Рядовой Николай Пузырев.

КИМ ПРОВОКАТОРАМ!

Это было в прошлые годы, когда хунвэйбины пытались проникнуть на советскую территорию. Китайские провокаторы вторглись и... бежали.

Когда китайских бандитов выбили с советской территории, на острове Даманском нашли выкопанную заранее траншею, стрелковые ячейки, куда были протянуты телефонные линии с китайского берега. Ясно, что все это сделать в ходе скоротечного боя практически невозможно. Позиции на острове были подготовлены и заняты до того, как на советскую территорию открыто с китайской стороны пошла группа нарушителей. Заранее были оборудованы и тщательно замаскированы позиции для минометов, противотанковых пушек.

У советских воинов, охраняющих наши дальневосточные рубежи, нервы крепкие. Эти рубежи не раз пытались нарушить и китайские и японские милитаристы, зарясь на чужую землю. И они всегда получали достойный отпор. Мужество, стойкость, солдатская верность Родине, проявленные советскими пограничниками на острове Даманском, пусть послужат уроком и суровым предупреждением маоцзэдуновским бандитам.

А. ГОЛИКОВ

* * *

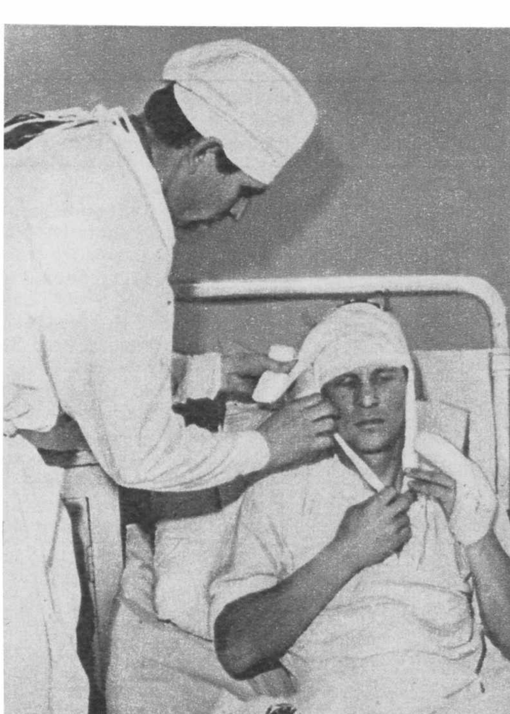
В ноте протеста Советского правительства правительству КНР говорится, что провокационные действия китайских властей будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться.

На пресс-конференции в Министерстве иностранных дел СССР советским и иностранным журналистам были приведены факты, доказывавшие, что китайская провокация в районе острова Даманского была заранее и преднамеренно спланирована.

По всей стране прошли многотысячные демонстрации и митинги протеста против провокационных действий китайских властей, направленных на подрыв дела мира и социализма, на ухудшение советско-китайских отношений.

Фото Г. Бибика, Н. Зайцева (журнал «Пограничник»).

Старший лейтенант Виталий Бубенин в госпитале после боя.

370 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Б. ЩЕРБАКОВ

Ван Дейк. АВТОПОРТРЕТ

Великий портретист

«Ван Дейк — величайший портретист, который когда-либо существовал».

Д. Рейнольдс

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Антонис Ван Дейк... Перед нами встает бесчисленная вереница вечно живых лиц и характеров, колоссальная портретная галерея.

Его гению суждено было не покорять, но пленять — подобно Моцарту или Шопену.

Он обладал счастливой внешностью, большим обаянием. Был хорошо воспитан и образован. Принадлежал к числу редких натур, созревающих на заре жизни. В 16 лет это уже мастер, «зрело знающий работу», еще не вполне определившийся, идущий по стопам великого Рубенса, но уже признанный среди художников членов гильдии св. Луки.

Это было не только признанием таланта. В ту эпоху от художника, как от любого ремесленника, требовалось умение делать добротные, прочные вещи. Талант талантом, а **дело** надо знать в совершенстве! Франс Ван Дейк, один из крупнейших торговцев шелком города Антверпена, направил своего десятилетнего сына в мастерскую известного художника Хендрика Ван Балена.

Мария Кюйперс, мать Антониса, бесспорно, оказала сильное влияние на маленького сына и передала ему чувство гармонии и изящества, которые с блеском проявляла в сложных композиционных вышивках на исторические сюжеты.

К моменту поступления Ван Дейка в ученики в Ван Балену из Италии вернулся Рубенс. Через некоторое время его дом-дворец, наполненный античными мраморами, произведениями знаменитых живописцев, становится центром художественной жизни Антверпена. Точно не установлена дата встречи Рубенса с юным Ван Дейком. Очевидно, это произошло между 1615—1617 годами. Великий мастер выделяет Антониса из сотен мальчиков, стремящихся попасть к нему в мастерскую, и вскоре признает его лучшим из своих учеников. Особенно ценит он верный глаз и точную руку юноши в подготовке рисунков и гризалей для гравюр. Очень быстро Ван Дейк становится незаменимым помощником в выполнении больших живописных заказов.

Растет слава, созревает молодой гений, появляется стремление вырваться из сферы лучей солнца — Рубенса, в которых гаснут мелкие индивидуальности и теряют свой блеск звезды первой величины, подобные Ван Дейку. Впрочем, Рубенса нельзя упрекнуть ни в чем. Он рекомендует своего любимого ученика меценатам, сам приобретает его произведения. В посмертной описи имущества Рубенса значится 11 картин Ван Дейка.

Молодой художник в этот период идет по путям, проложенным его великим предшественником, еще не проявляя с большой яркостью своего неповторимого таланта. Его работы порой путают с работами Рубенса, но в ту эпоху необычайного расцвета живописи художники были свободны от болезненной жажды оригинальности. Они не уходили от правды, лишь бы приобрести «свой почерк».

Не достигнув 20 лет, Ван Дейк получает диплом мастера, а стало быть, и право иметь свою мастерскую. Около этого времени им начинают серьезно интересоваться англичане. Сэр Томас Говард, граф д'Арундель, маршал и большой меценат, получает от своего доверенного лица письмо, датированное 17 июля 1620 года:

«Ван Дейк все еще живет у Рубенса, и его работы начинают цениться столь же высоко, как и произведения его учителя. Это — молодой человек двадцати одного года, сын очень богатых родителей, а потому чрезвычайно трудно удалить его отсюда...»

Но на помощь приходит английский король Иаков I, и в ноябре художник приступает к работе над портретами в Лондоне.

Однако уже в конце февраля 1621 года сэр Антонис Ван Дейк, слуга его величества, выхлопатывает восьмимесячный отпуск и покидает Англию, но не на восемь месяцев, а на 11 лет.

Его влечет Италия, обетованная страна для художников, ищущих путей к высокому искусству.

В СТРАНЕ БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЕВ

Верхом на великолепном коне, подаренном Рубенсом, в сопровождении слуг, окрыленный первыми успехами, отправляется в далекий путь молодой Ван Дейк.

Пробелы в биографии таких людей восполняются легендами. Так, появление картины Ван Дейка «Св. Мартин» в сельской церкви Савентема объясняют романтической историей, героиней которой называют то прекрасную мельничиху, то дочь бургомистра Изабеллу Ван Офем. Добавляют при этом, что могучий конь под св. Мартином — это и есть тот самый, что подарен был Рубенсом своему любимцу вместе с напутствиями и советами.

Возможно, так и было, но если вспоминать все легенды о приключениях Ван Дейка, то не останется места для действительно реального и неопровержимого...

Путешествие по Италии прерывается болезнью и смертью отца. Это касание крыльев смерти потрясает, очевидно, не только самого художника, но и трех сестер его, которые уходят в монастырь. Брат становится монахом. Во исполнение последней воли умершего Антонис дает обет написать картину «Христос на кресте».

Но это он исполнит позже, а сейчас спешит снова в Италию. Там ждут его творения великих живописцев, от соприкосновения с которыми душа обретает веру в высокое назначение искусства и удесятеряются силы.

Антонис много путешествует, и, конечно, Венеция, сказочный город, влечет его прежде всего. Здесь целое созвездие колористов — от Беллини до Веронезе, и прежде всего Тициан. Посетители мастерской Ван Дейка в Антверпене увидят впоследствии комнату, наполненную картинами великого венецианца и копиями работы Антониса.

В 1623 году художник работает в Риме. Пишет портреты кардиналов Бентивольо и Бернини, представителей римской знати, своих коллег и соотечественников, которых немало в вечном городе. Портрет Бентивольо принес Ван Дейку славу. В нем сказалось уже благотворное влияние венецианцев. Написан он горячо, свободно и необычно скомпонован.

В Турине идет работа над портретами герцогов Савойских, но главная и наиболее яркая серия создается мастером в Генуе. Здесь он работает без устали. В одном из старых документов значится около пятидесяти полотен, находящихся в частных собраниях города.

Представители знатных фамилий оспаривали право заказывать ему портреты. Маркизу Амброджо Спинола особенно повезло. Два великих портретиста мира увековечили его. Ван Дейк написал превосходный портрет. Веласкес — картину «Сдача Бреды», главным героем которой является маркиз.

Среди генуэзских портретов есть шедевры мирового значения. Пять

Антонис ван Дейк. 1599—1641. ПОРТРЕТ МАРИИ КЛАРИССЫ, ЖЕНЫ ЯНА ВОВЕРИУСА, С РЕБЕНКОМ.

лет, проведенные в Италии, были годами напряженного труда. Обогащенный соприкосновением с творчеством великих художников, окрыленный славой, неотступно за ним следующей, Ван Дейк возвращается на родину.

СНОВА АНТВЕРПЕН...

Когда говорят о счастливой судьбе Ван Дейка, о баловне фортуны, обычно забывают о мрачных ударах, о появлении смерти в самые счастливые моменты его жизни. Мы помним, как в восьмилетнем возрасте он шел за катафалком, провожая мать, как в 23 года его счастливое путешествие по Италии, его общение с великим искусством, обрывается смертью отца. И вот сейчас, в 1627 году в Антверпене умирает сестра Корнелия...

Преуспевающий, прославленный и богатый, художник погружен в мысли о бренности всего земного. Двадцативосьмилетний Ван Дейк пишет завещание, высказывает свою последнюю волю и начинает работать над картиной «Спаситель, снятый с креста» для церкви бегинского монастыря, который он избрал местом своего погребения.

Он торопится и с исполнением обета, данного у постели умиравшего отца: пишет картину «Христос на кресте». Не достигший еще тридцатилетнего возраста, художник спешит привести в порядок свои земные дела. Он сближается с представителями ордена Игнатия Лойолы и вступает в «верховное братство холостяков», руководимое ими...

Однако жизнь берет свое. В это время Рубенс уезжает с дипломатическими поручениями в Испанию и Англию на полтора года, и все заказы переходят к Ван Дейку. Он осуществляет свою давнишнюю идею — создание портретной галереи выдающихся современников: художников, поэтов, музыкантов, общественных деятелей. Портреты были выполнены разной техникой, и с них потом делались гравюры, получившие наименование «иконографии Ван Дейка». В конечном итоге она насчитывала 190 гравюр. Портрет Яна ван дер Ваувера из собрания Музея имени Пушкина в Москве относится также к этой серии. Это известный государственный деятель, издатель сочинений Сенеки и Тацита.

К этому же периоду можно, пожалуй, отнести и «Портрет дамы» из собрания князя Юсупова (музей в Архангельском). Судя по костюму, видимо, здесь изображена одна из придворных дам инфанты Изабеллы или Марии Медичи. Это произведение несет в себе все характерные черты парадных портретов Ван Дейка в композиционном решении и в манере исполнения. Оно не отличается особой одухотворенностью, особенно в аксессуарах чувствуется участие учеников маэстро.

В этом нет ничего удивительного. Слава Ван Дейка, первого «портретиста Европы», давно уже упрочилась. Заказчики ждут возможности проникнуть к нему в мастерскую. Если в композиционных вещах он и уступает Рубенсу, то там, где идет непосредственный разговор с натурой, у него нет соперников. Тут обретает он силу, проникновенность и то совершенство рисунка, которые позволяют его и сегодня считать одним из лучших портретистов мира.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Герои «Трех мушкетеров» Дюма выступают на сцену. Герцог Букингем, прежде чем пасть от руки Фельтона, вместе со старым знакомым Ван Дейка графом д'Аруиделем внушает Карлу I мысль о необходимости пригласить гениального портретиста в Англию. Очевидно, и Рубенс, тайный посланник короля Филиппа IV, способствовал этому делу. Так или иначе, но в начале апреля 1632 года Ван Дейк уже в Лондоне и тотчас приступает к работе.

8 августа этого же года художник подает счет в королевскую казну об уплате за 10 портретов. Это первые 10 из числа 350, которые суждено было ему написать в Англии. Король высоко оценил талант, мастерство и трудолюбие художника. Его удостаивают рыцарского звания, он получает во владение королевскую резиденцию в Блэкфрайре, особое жалованье и звание «главного, постоянного художника его величества».

Художник живет с роскошью, какой не могли себе позволить иные государи. Свита слуг, великолепные лошади, постоянные музыканты живут в его доме. Перед ним преклоняются и заискивают, ему завидуют и клевещут.

...Король пожелал иметь скульптурный бюст работы итальянца Бернини. Для этой цели и был написан Ван Дейком тройной портрет, по которому скульптор изваял, как свидетельствуют современники, превосходный бюст. Живописный же портрет, убеждающий нас в том, что художник умел добиваться абсолютного сходства, находился в семье Бернини около полутора веков.

Конечно, в Лондоне, как и в Антверпене, были ученики и помощники, но мы знаем немало шедевров, которые от начала до конца могли быть выполнены только рукой самого мастера.

Таков портрет лорда Филиппа Уортона, Карла I на охоте, лордов Джона и Бернарда Стюартов, Дигби и Ресселя и многих-многих других. Каждое из этих произведений — большая картина. Ван Дейк передавал явления жизни во всем их богатстве, не пренебрегая, казалось бы, самой незначительной деталью. Он знал, что цельность впечатления зависит от умения выделить главное не за счет упразднения, а за счет подчинения второстепенного.

В лицах изображаемых им людей нет мертвящей схемы, и мера условности не мешает восприятию живого ощущения жизни. Он понимал, что самый тонкий звук флейты или гобоя играет порой важную роль в общем звучании симфонического оркестра. Он понимал, что нервный трепет ноздрей, взгляд ласковый или остронапряженный, улыбку лживого, коварного человека или невинного ребенка невозможно передать без совершенного владения рисунком, без тончайшей моделировки формы, без едва уловимых нюансов цвета.

Говоря о неистовом трудолюбии художника, его всепоглощающей любви к искусству, нельзя не сказать двух слов о чисто ремесленной стороне его творчества. О том, какое значение придавал он маслам и смолам, цвету грунта, фактуре холста, кистям. Палитра его не была многоцветной, она состояла из девяти основных цветов, но он умел создавать с их помощью те неповторимые сочетания, которые и в наши дни поражают глубиной и гармонией созвучий. Необычный, восприимчивый и ненасытный во всем, что касалось искусства, он впитывал ценное, дорогое ему, художнику, как среди современников (это прежде всего Рубенс и Веласкес), так и мастеров прошлого, главным образом венецианцев.

Немало встретил он друзей, горячих поклонников своего таланта, немало познал радостей. Его искусство никогда не вызывало споров, хотя и подвергалось критике.

...В наше время есть художники, которые порою выдают за новаторство элементарное отсутствие профессиональной культуры. Модным у некоторых живописцев стало забвение законов рисунка и цвета, а огрубленность формы выдается за пластическое совершенство.

Находятся критики, пропагандирующие подобные произведения, вокруг которых создаются шум и дискуссии. На наших выставках часто можно увидеть экскурсоводов, изо всех сил пытающихся доказать зрителям высокие качества подобных полотен. Но зрители в сотнях отзывов не оставляют сомнений в своем неприятии подобного искусства...

Ван Дейк не дискуссировал, а работал. И стал новатором в лучшем понимании этого слова. Он сделал еще один шаг к правде, к непосредственной передаче натуры. Он проложил пути в будущее, способствовал созданию целой школы превосходных английских портретистов, таких, как Генсборо, Рейнольдс, Ромней...

Встречи с его произведениями всегда радостны, всегда возвышают и рождают гордость за человека. Это встречи с живыми людьми различных характеров и настроений. Встречи с творениями высокого человеческого духа, познавшего тайный смысл гармонии и правды, доступной каждому, чьи глаза не закрыты пеленой предвзятости.

...В 1640 году Ван Дейк нарушает обет, данный иезуитам при вступлении в «верховное братство холостяков». Он женится на Марии Рутвен, приближенной королевы Генриетты, но через год умирает от тяжелой болезни.

Прах его погребен в церкви св. Павла, но душа его живет в произведениях, рассеянных по всему миру и хранимых человечеством как бесценный и неповторимый дар.

Сайфи КУДАШ,
народный поэт Башкирии

О РОЗДАННОМ НЕ ЗАГРУЩУ...

Увидев на моей спине,
Заметив на моей арбе
Громадный груз,
поверьте мне
И не твердите вы себе
И меж собой,
что уношу,
Как хищник, жадностью томим,
Богатства...
Нет, иду, гоним
Другою жаждою —
не брать,
Не брать,
а людям
отдавать...

Прошел по трудным я путям;
Соленый пот оставил там:
На почве глинистой родной,
Как врублен, след глубокий мой.
В нетленных звуках всех ночей
Есть и огонь моих очей.
На книжных полках
стопки книг,
Я весь, как на ладони, в них.
Груз
с гору
на моей
спине!
Поверьте мне,
поверьте мне,
Пустуют ящики...
Ведь я
Сокровищ не копил, друзья.
Все, что имел,
стране отда́л,
Большим и малым городам,
Селеньям,
долам
и лесам.

Сайфи не нужно ничего —
О розданном не загрущу...
А буду вовсе уходить,
Чтоб вам светлее стало жить,
Я искру сердца своего
В костер
высокий
превращу.

Перевел Александр ГЛЕЗЕР.

Бундесвер готовится...

Письмо со штемпелем «Бундеспост»

● Как бундесвер обогнал Гитлера

● Танк «Леопард» — лучший в НАТО

● Снова «Роммель»

● НДП в сапогах бундесвера

● Что такое «концепция двойного базирования»?

● Они опять хотят быть «хозяевами мира»

НА БОННСКОМ ПОЛИГОНЕ

Эту рекламу ракетных сил бундесвера теперь все чаще видишь в западногерманской печати.

В. ЛОМЕЙКО

Мой знакомый Вилли Блехер, живущий под Нюрнбергом, прислал письмо, в котором сетует на то, что стал жертвой Фантомаса. Когда я был у него в гостях, он с гордостью показывал мне цветные витражи собственного изготовления, которыми он украсил веранду своего дома. Витражи действительно были сделаны на славу, и февральское солнце, просвечивая через них, причудливо разрисовывало пол и стены веранды. Теперь хозяин дома сообщал в письме, что Фантомас, объявившийся в их местечке, высадил весь витраж... Уже в самом конце письма, видимо, опасаясь, как бы я не подумал, что писал он мне после фашинга [1], Вилли пояснил: он действительно стал жертвой, но только не героя французских кинофильмов, а американского реактивного истребителя «фантом». Целое полчище «фантомов» пролетело так низко над домом, что воздушная волна выбила стекла.

«Единственное утешение во всей этой печальной истории,— с иронией писал Вилли,— это то, что я обогатил свой словарный запас такими выражениями, как «Рефорджер-1», «Крестед кап-1», «Карбайд айс».

Письмо со штемпелем «Бундеспост» [2] напомнило мне о поездках в Западную Германию, о встречах, беседах и спорах со многими людьми. Вспомнил я и свои жаркие схватки с Вилли и его друзьями. Я могу понять сейчас злую иронию его письма и готов даже отдать должное его выдержке: все-таки искренне жаль витражей, это было настоящее искусство.... Но ведь тогда, зимой 1965 года, Вилли с не меньшей иронией выслушивал мои аргументы в доказательство растущей милитаризации ФРГ и активизации реваншистских сил.

Не будет преувеличением сказать, что основной вопрос, который нам задавали в ФРГ, звучал примерно так: «Каково было ваше представление о Западной Германии до поездки и насколько оно изменилось сейчас?» Наши собеседники были убеждены, что советским людям навязывается неверное представление о ФРГ, что их якобы запугивают призраком милитаризма и реваншизма. Приводили даже такой довод: «Неужели Советский Союз, могучая индустриальная держава с водородным оружием, боится маленькой ФРГ?» И пытались спекулировать на наших же аргументах: «Ведь вы же сами говорите, что соотношение сил в мире неуклонно меняется в пользу социализма».

Во время этих бесед пришлось четко и недвусмысленно сказать, что речь идет не о нашем «страхе» перед ФРГ, а об опасениях всех миролюбивых сил в связи с растущей милитаризацией ФРГ и ее агрессивным внешнеполитическим курсом. Германский империализм чем сильнее, тем агрессивнее. Может произойти новая вспышка мании великогерманского величия. И тогда в последней попытке реванша за проигрыш во второй мировой войне западногерманский милитаризм может разжечь новый мировой пожар. Ни для кого не должно быть сомнений, что эта военная авантюра была бы для него последней и ги-

[1] Фашинг — традиционный зимний карнавал.

[2] «Бундеспост» — федеральная почта ФРГ.

бельной. Но она привела бы также к новым неисчислимым жертвам и разрушениям.

МАРС — ЛЮБИМЕЦ БОННА

Общеизвестно, что на ФРГ никто не собирается нападать. Для чего же тогда она ускоренными темпами наращивает военно-промышленный потенциал? Западногерманская армия давно уже стала одной из крупнейших в Североатлантическом блоке. В настоящее время, по данным Лондонского института стратегических исследований, бундесвер, без учета войск пограничной охраны, насчитывает 456 тысяч солдат и офицеров. В сухопутных войсках ФРГ 80 пусковых установок ракет «Сержант» и «Онест Джон». Особое внимание командование бундесвера уделяет развитию танковых войск. В их распоряжении сейчас 3 350 танков! Много это или мало? Гитлер перед началом мировой войны в 1939 году имел 3 200 танков.

Нам говорили: с тех пор прошло тридцать лет! Да, но ведь в 1939 году у Гитлера была гораздо бо́льшая территория и вся экономика работала на войну. А сейчас «миролюбивая» ФРГ без всякого напряжения, развивая многие другие виды вооружения, остается верной традициям третьего рейха: танковые соединения по-прежнему рассматриваются как основная ударная сила сухопутных войск. Не случаен и тот факт, что западногерманский танк «Леопард» считается лучшим в НАТО.

Военно-воздушные силы ФРГ сегодня насчитывают почти 100 тысяч человек и 500 боевых самолетов, в том числе реактивные «старфайтеры», способные нести ядерное оружие. На море западные немцы имеют более 200 боевых кораблей и свыше 120 самолетов и вертолетов. Причем недавно стало известно, что ФРГ строит подводные лодки даже больших размеров, чем этого бы хотелось ее западным союзникам.

Западная Германия никогда бы не достигла такой военной мощи, если бы не покровительство американской военщины. С ее ведома и согласия западногерманские военные кадры проходят подготовку на самом новейшем и секретном оборудовании. В печать проникли сведения о том, что в Америке для ФРГ строятся три ракетных эсминца, «Лютьенс», «Мёльдерс» и «Роммель», на которых будут установлены электронно-счетные машины.

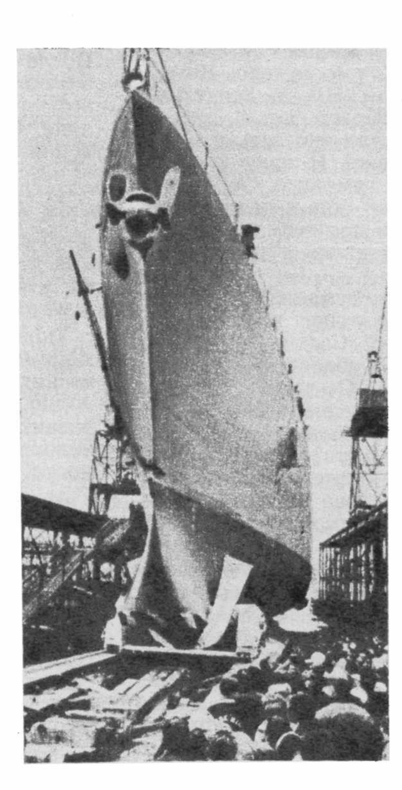
В августе 1967 года со стапелей был спущен «Лютьенс», названный так в честь адмирала с крейсера «Бисмарк», потопленного по приказу Лютьенса в Атлантике в 1941 году. Вместе с кораблем погибли 1 976 человек команды. В апреле 1968 года был готов эсминец «Мёльдерс». На торжестве присутствовала мать фашистского летчика-истребителя Вернера Мёльдерса, награжденного Гитлером бриллиантовым крестом с дубовыми листьями и мечами, сбитого в 1941 году. В феврале в Америку отправился министр обороны Шрёдер вместе с 74-летней вдовой гитлеровского генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля для того, чтобы принять участие в спуске на воду эсминца, названного в честь известного фашиста. Итак, в сегодняшней Западной Германии вдовы гитлеровских генералов, адмиралов и фельдмаршалов принимают участие в торжественных спусках на воду новых современных военных кораблей, которые не только должны продолжить традиции фашистского военно-морского флота, но и открыто носят имена битых гитлеровских полководцев. В Бонне, не стесняясь, напоказ выставляют свою приверженность милитаристским традициям коричневого прошлого. Причем там даже не пытаются скрыть этого. Подобные факты свидетельствуют о полном игнорировании мирового общественного мнения и об откровенной политике агрессии и реванша, которая возведена на уровень государственной доктрины.

В конце января бюджетная комиссия бундестага приняла решение о приобретении 12 новых подводных лодок, каждая водоизмещением 450 тонн. Там же было высказано мнение, что судостроительная промышленность ФРГ в результате участия специалистов в строительстве эсминцев класса «Лютьенс» приобрела в США необходимый опыт и готова сама строить корабли-ракетоносцы. Не дожидаясь окончания строительства ракетных эсминцев в США, офицеры, программисты, техники по обслуживанию электронно-вычислительных установок проходят курс обучения посменно, днем и ночью, на приборах в Хепензер Гродене. Для каждого эсминца требуется 45 таких специалистов. В соответствии с программой использования электронно-счетной техники на западногерманском флоте запланировано также строительство четырех сторожевых кораблей и десяти торпедных катеров, которые будут вооружены ракетами.

Каждый эсминец класса «Лютьенс» стоит 220 миллионов марок. Но Бонн не жалеет денег на новейшую военную технику. «Сегодня,— заявляет «адмирал вооружения» Рольф Бёме из инспекции по вопросам вооружения ВМС,— шансы на успех имеет только электронно управляемый, полностью автоматизированный бой». Сейчас стало известно, что уже три года назад несколько западногерманских старших программистов прошли обучение на американском флоте. По возвращении на родину они создали группу из 60 человек, которые за два года освоили систему электронно-счетной установки «Сатир» для ракетных эсминцев.

Рука руку моет... И бундесвер выделил 3 500 своих солдат для совместного участия с американцами в учениях «Карбайд айс», которые проходили этой зимой в Западной Германии.

12 тысяч американских солдат и офицеров из Форта Райли (штат Канзас) с 6 по 21 января были переброшены на азиабазу Рейн-Майн в рамках операции «Рефорджер-1». Одновременно проходила операция «Крестед кап» — переброска из США в Европу четырех эскадрилий самолетов F-40 «фантом» и трех с половиной тысяч человек обслуживающего персонала.

В Брунсвике (США) спущен на воду эсминец «Роммель».

Я получил письмо от Вилли Блехера в феврале. Он писал, что временно решил забить веранду фанерой. «Застеклю после того,— пишет он,— как Фантомасы улетят обратно». Мне жаль беднягу Вилли: в январе я прочел заявление генерал-майора Боутрайта, командира американской 24-й пехотной дивизии, базирующейся в Баварии и Канзасе, который заявил, что воинские части, дислоцированные в США, в чрезвычайных случаях будут быстро перебрасываться в Европу. Кстати, для тех, кто следит за расширением своего словарного запаса: на языке специалистов все это называется «концепцией двойного базирования».

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Милитаристы всегда были в почете у христианских демократов. Не могли они обидеться и на недостаток внимания со стороны лидеров социал-демократии. Но с выходом неонацистской национал-демократической партии на политическую арену милитаристы приобрели в ее лице поистине фанатическую почитательницу. Справедливости ради следует сказать: симпатии милитаристов и неонацистов взаимны. И они не скрывают этого. В подготовке военной программы НДП к ее третьему съезду в ноябре 1967 года участвовали офицеры бундесвера. Разве стоило после этого удивляться таким тезисам в программе: «Организацию вооружения следует приспособить к нашим максимальным задачам... Армия должна стать школой воспитания молодежи... Необходимо восстановить честь бывших военнослужащих СС. Командование бундесвером должно полностью перейти в немецкие руки... Необходимо создать свой генеральный штаб... Главной задачей является развитие своей военной промышленности и расширение военно-технических исследований». Военные требования НДП обусловливаются ее реваншистскими замыслами. «Мы не смиримся с результатами военного поражения,— открыто заявил с трибуны съезда вице-председатель НДП Вильгельм Гутман.— Мы отклоняем Потсдамские соглашения и положение, созданное ими».

Подобное мировоззрение — лучшая рекомендация для западногерманской военщины. Не удивительно, что уже в 1967 году опрос членов неонацистской партии показал: на 1 000 членов НДП приходится 620 бывших фронтовиков и 183 солдата действительной службы или запаса бундесвера. Картину взаимных симпатий еще более прояснил западногерманский журнал «Дойчес панорама», который взглянул на проблему с другой стороны: «60% всех молодых офицеров бундесвера интересуются НДП, и это совсем не вызывает беспокойства некоторых лиц, занимающих решающие посты. Им это намного приятнее, чем если бы эти молодые люди вступили в профсоюзы».

Демократическая общественность Западной Германии не раз высказывала беспокойство растущими связями НДП и бундесвера. Их взаимная поддержка приняла скандальный размах во время земельных выборов двух прошлых лет, когда офицеры бундесвера строем приводили своих солдат на избирательные участки и открыто голосовали за кандидатов НДП.

Несмотря на предостережения демократической печати и протесты общественности, опасный флирт продолжается. Лидер НДП Адольф фон Тадден открыто заявил: «Рост партии будет осуществляться прежде всего за счет вербовочной работы среди солдат и офицеров бундесвера, где эта работа уже с успехом проводится».

Согласно последним сведениям, полученным из западногерманской печати, национал-демократы имеют в рядах бундесвера в два-три раза больше сторонников, чем любая другая политическая партия!

КРУГОВАЯ ПОРУКА

...Осенью прошлого года во время поездки в Вену мне пришлось беседовать там с одним западногерманским журналистом. Узнав, что меня интересует проблема «правого радикализма» и неонацизма в ФРГ, он заметил с некоторым пренебрежением:

— Это дело не стоит и выеденного яйца. Национал-демократы уже собрали свой самый большой урожай. Теперь им предстоит длительное голодное прозябание. У них ясная альтернатива: либо они сами зачахнут, либо их запретят. Возьмите, например, историю западноберлинской организации НДП: долго не протянули, самораспустились!

И он торжествующе посмотрел на меня.

Я не уверен, что сегодня он признал бы свою неправоту. Слишком сильно было его самомнение.

А со времени нашей венской встречи произошли знаменательные события. Эрнст Бенда, министр внутренних дел от ХДС, представил в декабре прошлого года на рассмотрение правительства объемистое дело об НДП с предложением запретить эту партию. Обменявшись мнениями по этому вопросу (чтобы общественность не думала, что правительство не проявляет озабоченности по поводу НДП), члены кабинета решили отложить дело в сторону за недостаточностью оснований для пресечения деятельности неонацистов. Некоторые в Бонне выразили даже сомнение: этично ли запрещать НДП незадолго до выборов в бундестаг? Могут подумать, будто таким путем с дороги убирают соперника. Тем более, что фон Тадден открыто заявил, что собирается в этом году обосноваться в боннском парламенте. В ответ на доброжелательное отношение боннских политиков фон Тадден заверил их, что наступивший год будет «годом крупных политических мероприятий». И они не заставили себя ждать.

Помните, осенью прошлого года западноберлинская организация НДП, претендующая на кровное родство с федеральным коричневым семейством, обескуражила многих наблюдателей своим заявлением о самороспуске? Тогда не многим было известно, что высокие покровители посоветовали ей временно уйти со сцены. Прошло время. Страсти несколько поутихли. И вот в конце января правление западноберлинской НДП в присутствии Адольфа фон Таддена приняло решение: возобновить свою работу. На 15 марта назначено собрание членов этой организации, на котором «должен быть обсужден дальнейший политический курс этой партии».

Итак, национал-демократы с новой энергией и новыми силами развертывают свое наступление. Попустительство властей придает силы и уверенность неонацистам.

Адольф фон Тадден ратует за создание западногерманского генерального штаба. Бундесвер выступает за то, чтобы «патриоты» фон Таддена сидели в бундестаге. А шаумбургские власти покрывают опасные шашни бундесвера и НДП.

Корреспондент «Немецкой волны» из Кельна задал новому западногерманскому послу в Вашингтоне Рольфу Паульсу вопрос:

— Считаете ли вы, господин посол, серьезной опасностью деятельность национал-демократической партии?

И Рольф Паульс, кстати, прошедший в свое время выучку в вермахте и сохранивший свои прежние симпатии, категорично заявил:

— Нет никакой нужды изображать эту проблему в слишком мрачных красках!

Порочный круг великогерманской взаимовыручки замкнулся. В боннском семействе свято чтут прежние традиции. И когда после военных учений в баварском Графенвере солдаты бундесвера вернулись в свои казармы, их встретили там знакомые портреты генералов нацистского вермахта, вывешенные для подражания и примера. И вряд ли стоит удивляться, если в сентябре этого года, когда офицеры баварских подразделений бундесвера повезут своих солдат на избирательные пункты, в ответ на команду «Запевай!» грянет разухабистая бундесверовская песня: «Да, мы были хозяевами мира и, черт возьми, хотим остаться ими!»

Вадим КОЖЕВНИКОВ

У ЗЕМ

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

Буков влез в кабину машины и расположился на сиденье, мечтательно прикидывая, как он начнет брать стружку с откоса, где он приметил выход крупногабаритного валуна. Извлечение многотонного валуна — дело хитрое, кропотливое и не всегда безопасное, если монолит на значительной высоте. Объем и конфигурация валуна обнаруживаются только по мере зачистки. И чем больше валун теряет упор, тем скорее может внезапно низвергнуться. А надо в точно уловленное мгновение подхватить его ковшом и плавно, бережно сдвинуть на подошву забоя. Опустить туда, где бы валун не мешал дальнейшей выемке горной массы, и освободить от него ковш.

Хотя канитель с большим валуном — дело убыточное и отражается на заработке, Букову всегда было приятно вступать в сложное единоборство с огромной округлой глыбой. В памяти он хранил все свои негласные рекорды по извлечению таких тяжестей.

Так же увлекательно было разрабатывать забой при сложных геологических условиях, когда горная масса вот-вот была готова сползти, и он, как бы чувствуя нависающее движение, вел выемку, хитро, прозорливо угадывая опасность, укрощая ее, вынуждая ее работать как разумную силу разрушения.

Машина для Букова означала большее, чем сказано казенно в ее паспорте: «Одноковшовый полноповоротный экскаватор типа прямая лопата на гусеничном ходу».

Он чувствовал ее, как продолжение самого себя. И поэтому иногда, мнительно прислушиваясь к ней, сетовал, как на собственное здоровье:

— Что-то у меня сегодня при перепуске в зубчатых передачах шумок какой-то подозрительный объявился, — говорил встревоженно, как иной товарищ, потребитель валидола, говорит о своем давлении, о пульсе.

Если комната Букова в общежитии свидетельствовала, что тут живет холостяк, не заботящийся о своем быте, то кабина экскаватора Букова выглядела весьма уютно. Нарядный полосатый чехол на сиденье. В железных держалках горшки с цветами. Термос. На стене зеркало и штепсель для электробритвы. Под ногами коврик.

Уборка, смазка машины — обязанность помощника. И когда Буков взял себе в напарники Николая Чуркина, ярко-желтоволосого, плечистого парня с мягким широким носом и всегда сердито поджатыми губами, Буков сказал лаконично:

— Чтобы, как персональная «Чайка» у министра, все блестело, сверкало. Понятно?

Буков привередливо придирался к Чуркину только по этой линии. Но когда убедился, что Чуркин теоретически машину знает, он стал смело сажать его на свое место и сурово ободрял:

— Покалечить ты мне что-нибудь обязательно должен. Но без этого не научишься. Без неприятностей ни техники не постигнешь, ни правильной линии в жизни. Валяй! Порть мне машину. Но пусть из тебя смелый машинист получится, а не подручный при механической лопате.

Сам Буков уходил подальше от машины, чтобы не слышать скрежета ее ходовых частей, глухих ударов ковша о грунт, отчего у Букова начинала болеть голова, словно стукнулся теменем о железо. И только после того, как Коля Чуркин наловчился самостоятельно управлять экскаватором, Буков решился передать помощнику свое интимное, сокровенное знание машины, переведя его как бы на высшую ступень, где уже требуется постижение всех тонкостей мастерства. И наряду с этим Буков высказывал ему свои суждения о жизни, так как полагал: подлинный мастер — это человек, который не только на машину, но и на все прочее обязан иметь определенный твердый взгляд, присущий передовой личности.

Буков говорил Чуркину после чувствительной кинокартины на тему о том, что все со всеми должны быть добрыми.

— Ты, Коля, имей в виду: слово «гуманизм» для коммунистов не сезонное. Оно наша сущность и историческая цель. Всем нам желательно, чтобы каждый стал получше во всем. Но вот допустим, ты зуб у ковша по небрежности сломал. В чем дело? Техническая беспечность? Вовсе нет — неуважение к людям. Геологи руду искали? Шахтеры ее добывали? Мартенщики сталь варили? В механическом ее обрабатывали? Каждый на это дело свою жизнь тратил, и никто этой доли своей жизни обратно получить не может. Отдали ее в дело. Кому? Тебе! А ты ее испортил. Ну, я, допустим, попрошу, кладовщик выдаст новый зуб, и все. А сознание твое, если оно есть у тебя, прощать тебе не должно! И если оно не прощает — значит, ты гуманист. А ежели списывает, то ты, значит, еще в человека не оформился. И гуманизм для тебя вроде как только скидка, чтобы меньше с тебя спрашивали.

Вот, скажем, война и гуманизм — несовместимо? А в чем он у нас жил? В героизме. Что это значит? Самому кинуться на смерть, если это облегчает товарищам положение в бою. С таким, значит, расчетом, наивысшим — человеческим. При всем этом, конечно, ненависть к врагу. Но откуда у нас эта ненависть? Опять же от гуманизма. Фашизм — бесчеловечное зло. И вся наша злость нацелена на него беспощадно. Но вот расколошматили мы их. И скажу тебе прямо. Самое трудное было в Германии солдату себя превозмочь. Стать там нужным человеком среди чужих людей, когда дома в нем самом невосполнимая нужда. И когда наши солдаты помогали трудящимся немцам во всем, тебе прямо заявляю: бессмертие в нашем человеке состоит в моральной силе коммунизма. Лучшие люди в Германии, как и везде, коммунисты, антифашисты. Они нам светили. Но я тебе про один факт расскажу.

Дежурю по комендатуре. Приходит пожилой немец с продолговатой собакой на кривых лапах, вся в рыжих кудрях, ошейник со значками. Немец говорит: мол, я антифашист и желаю от вас получать дополнительный паек. Мы от себя их давали бывшим узникам концлагерей.

— Антифашист? А чем докажете?

Просит кусок сахара, кидает псу. Тот, конечно, на лету — хап. А пожилой немец командует:

— Фон... Гитлер!

Собака сахар тут же выплюнула. «Фон» значит «от». Выходит, от Гитлера. Ну, смех, конечно.

Немец спрашивает:

— Ну, убедились, я вот даже животное в антифашистском духе воспитал.

Он не то нахал, не то жулик. Гнать в шею? А вот мы ему бумагу выписали, чтобы он с этим номером выступал на народе. За каждую чуточку мы тогда хватались, чтобы население от себя могло антифашистскую пропаганду вести. Немцев на немецкий патриотизм вызывали, чтобы они ради своей родины помогали нам восстанавливать хозяйство в городе.

Вот зубного врача-частника надо было уговорить, чтобы он прием больных начал вести. Так мы к нему обратились в высшей степени уважительно: «Сейчас, когда в трудный час Германия смотрит на вас с надеждой, вы не пройдете мимо нужд своего народа, как истинный патриот своей родины». Расчувствовался. Заплакал. Согласился. Собственные медикаменты и инструмент в больницу принес. Стал лечить народ.

Вдумчиво, терпеливо людей искали. Чтобы немцы на немцев же работали вместе с нами. А откуда у нашего солдата этот опыт людей на доверие вызывать, переубедить? Да из нашей же собственной истории. После революции пришлось многих не признающих Советскую власть, но не ее лютых врагов переубеждать служить народу, Родине. И соглашались, сначала на этом основании, а потом многие из них стали выдающимися советскими гражданами.

И Буков снова повторил:

— Отсюда для коммунистов: гуманизм дело не сезонное, а вечное, на все времена. Так что ты, Николай, это себе заметь. А то ты это слово понимаешь как приложение, а не как сущность всех наших дел...

Подобные беседы Буков вел со своим помощником, полагая, что они важнее технических рекомендаций, усваивать которые полно, глубоко может только тот, у кого развито понятие главного назначения труда человеческого, его исторической нацеленности.

И как сам Буков по прибытии на рудник тщательно знакомился с особенностями труда всех профессий рабочих рудника, как он это делал на фронте, сводя знакомство с представителями разного рода воинских профессий, так он и Колю Чуркина понуждал понять особенность труда всех других горняцких профессий, утверждая:

— Человек сам к себе добренький. Бывает, без всякого смущения сам себе промашку простит, спишет. Сам себя кто же обижает? Но труд — это занятие коллективное, совестливое. Допустим, ты свалил на думпкар крупногабаритный обломок к борту. Нарушил центровку. С тебя какой спрос? Дать кубики? Ты их и дал. А вагон идет с перекосом. Шейки осей от перегрузки преждевременно стираются, изнашиваются. Машинист электровоза чувствует... Один думпкар с опасным креном. Ведет состав замедленно... Так от одного личного небрежения по всем звеньям потери. Самые луч-

Из новой повести «Особое подразделение». Полностью повесть публикуется в журнале «Знамя».

НЫХ НЕДР

шие — это те, у кого зоркости хватает при своем труде обо всем пространстве страны думать. Это и есть высшая человеческая квалификация — при любой профессии. Попросту называется, по-коммунистически работать. И за себя и за всех — тогда эффект! Тогда ты личность!

Всю жизнь Буков сохранял застенчивое, благоговейное чувство к женщине. И это не потому, что на фронте мужчин было много, а женщин мало.

Шагая по освобожденным пространствам разоренной фашистами земли, он видел безмолвный героизм женщин, ютящихся с детьми у печных остовов, в шалашах из всякого хлама.

Буков был убежден, что, воюя «на всем готовом», солдаты невосполнимо задолжали нашим матерям и женам. Он не терпел развязных разговоров о женщинах. Говорил Коле Чуркину:

— Насчет равенства мужчин с женщиной... Ну это еще как сказать... Но поначалу следовало историческую подлость подправить. А с ходом нашего времени надо женщинам особые привилегии выдать, как им и положено, за то, что они даруют жизнь новым людям. Их, значит, в себе вынашивают. И чем лучше им жизнь обставить, тем в дальнейшем получше люди будут получаться... Вот, к примеру, мой отец всего три класса приходского прошел, кочегар, а как рассуждал? «Плохое о женщинах эксплуататоры специально придумывали, чтобы им за равный с мужиком труд платить меньше. До того, как я на свет родился, он мою мать Нюркой звал. Или Морковкой—за румянец. А как на свет я объявился, стал до конца своей жизни обращаться к матери на «вы» и по имени-отчеству. Из благодарности за потомство. Учти, мы, мужики, по одной смене вкалываем, а все трудящиеся женщины — по две. Одна смена на производстве, а вторая смена по быту — дома. И еще неизвестно, какая тяжелее».

Когда электрик Шумилов, ремонтируя кабель экскаватора, подмигивая Чуркину, стал нести похабщину про укладчицу пути Марфу Пчелкину, Буков подошел к Шумилову и, зачерпнув горстью песок, приказал:

— А ну, раскрой свою помойку.

Произнес гневно:

— Скотина ты!

Электрик выплюнул песок себе под ноги, вытер лицо, но больше ни на что подобное не решался. Он не раз видел, как Буков после работы становится под дождевальную установку в забой. Видел его обнаженную статную фигуру, оплетенную, словно сыромятными ремнями, тугой, резко выпуклой мускулатурой, синеватые морщинистые углубления на груди и боках — следы ранений. Связываться с таким Шумилов не решался.

...Когда Николай Чуркин скинул с головы одеяло и увидел Букова, лицо его расплылось в блаженной детской улыбке.

Буков, притворно хмурясь, осведомился:

— Ну, как дела?

— В соответствии,— сказал Коля.— А у вас как, ничего? — Признался:—Все думал, как бы вас там лавиной не зашибло. На радиостанцию бегал, спрашивал, как вы...

— Сознательные люди за плотину тревожились, чтобы ее не свалило,— упрекнул Буков.— А ты с пустяками людям головы морочил.

— Раз вы целые, значит, плотина — тоже,— пояснил Коля.— Я так считал.

Буков погладил лицо ладонями, чтобы помешать лицу улыбаться, сообщил деловито:

— Расположение сортов руд по горизонтам засек. Ты делай выемку, а я ее погляжу со стороны.

И хотя Букову томительно хотелось самому начать немедля разработку забоя, он вылез из кабины, присел на габаритный кусок породы. И долго внимательно наблюдал за работой своего помощника. Мысленно дублируя каждое его движение, испытывал такое же утомление, будто сам работал. Уставал от этого больше, чем когда работал сам. Но на душе у него было хорошо, и не только потому, что он остался доволен Чуркиным, но и потому, что вспоминалась ему недавняя сонная, блаженная улыбка, с какой Чуркин его встретил.

Наблюдая уверенные, неторопливые движения Чуркина, по своей сноровке подобные его собственным, Степан Захарович Буков все больше убеждался, что молодой рабочий стал настоящим мастером. Событие, которое он считал самым важным и, увы, не всегда у нас еще должно высоко отмечаемым, хоть и равно оно рождению нового человека.

По вопросу о роли личности в истории написано и сказано много научного всесторонне обоснованного. В большом производственном коллективе роль личности тоже очень велика, даже если она, эта личность, не водружена на высокий должностной пьедестал.

Самое прочное, незыблемое положение занимают те люди, которые почитаются мастерами своего дела. Это их персональная вышка, откуда все намного виднее.

Хотя рабочее пространство Букова — всего лишь забой — территориально как будто невеликое, но на высоте своих личных производственных достижений он выглядел, как фигура значительная. И молодые ребята — инженеры тянулись к Букову, зная, что он со своим титулом передовика может обсудить тот или иной серьезный вопрос с начальством на любом уровне.

Но не только это привлекало их к Букову. Буков относился к людям с неутолимым любопытством, что свидетельствовало о его неистощимой душевной молодости. Часто Буков зазывал молодежь к себе «в чертог для холостяков», где он был обеспечен отдельной комнатой. Самолично изготовлял закуску. Даже изловчился готовить плов не хуже местных прославленных кулинаров.

Буков снисходительно, но вместе с тем несколько иронически относился к резкой, насмешливой манере молодых людей разговаривать о чем бы то ни было, словно щеголяя этим.

Технолог Леня Кудряшев рассказывал, иронически усмехаясь:

— Вхожу в кабинет его величества. По рассеянности забыл придать лицу торжественное, почтительное выражение. И вдруг сварливый голос, словно из унитаза: «Ваше предложение возвращено, как неприемлемое...» Катаклизм. Мир гибнет. Смотрю мечтательно в потолок, будто в звездное бездонное небо, спрашиваю сладким голосом: «Кем возвращено?»

Он мне: «Вы не волнуйтесь».

Я ему: «На конкурсе неврастеников у меня шансов нет».

Он мне с упреком: «Нескромно себя ведете, товарищ Кудряшев».

Я ему: «Интеллектуальная скромность не лучший показатель!»

Он словно вату жует: «Надо еще подработать, посоветоваться».

Я ему: «У меня под штанами уже кровавые мозоли. Но питаться чужими мыслями не привык».

Он: «Жаль».

Я ему: «Не истязайте своих слезных желез».

Пленительно улыбнулся, вышел. На душе мрак и туман.

Посмотрел на Тосю, его секретаршу. Предмет неодушевленный, но круглые коленные чашечки впечатляют. Спрашиваю: «Могу рассчитывать хотя бы на улыбку?»

Она мне: «Опять вы, Леня, Кузьму Авдеевича раздражили?»

Я ей научно обоснованно: «Раздражители стимулируют умственную деятельность».

Предложил самоотверженно щедро от себя в дар сувенир — гадюку в формалине. Редчайший экземпляр. Поймал, рискуя собственной жизнью. Отвергла. Ушел на прямых гордых ногах. В скорби и отчаянии. Но на лице — оптимизм.

Буков выслушал без улыбки, сказал хмуро:

— Смешно. У тебя талант! На вечерах самодеятельности мог бы выступать.

— Непризнанный гений,— вздохнул Кудряшев.— Брызжу юмором!

— Но твой проект — дело серьезное. Не для эстрады.

— Я же знал — откажут! Так что же? Должен в печальной позе кладбищенского монумента отказ выслушивать?

— Неубедительно ты себя Кузьме Авдеевичу показал,— упрекнул Буков,— как чижик себя вел.

— А каким ему ни покажись, у него всегда недоверчивое, вопросительное выражение. Мол, кто ты такой? Сам плешивый, зябкий. Говорит с тобой и все время на телефон косится. Вдруг высшее начальство позвонит?! Пуганый...

Буков откашлялся, сказал негромко:

— Вот надо было железнодорожную ветку спрямить. Для этого ущелье засыпать. Тридцать семь миллионов кубометров грунта. Доложил начальству. Московские товарищи — против. Кузьма Авдеевич попросил принести школьную доску и начал на ней мелком цифры писать. Молча, скромно так. Потом подвел черту. Итог написал. Руки платочком вытер, глазами на доску повел, улыбнулся. А что на доске получилось? Одна выгода. Ущелье одновременно для отвала породы используется, а не только для спрямления ветки. Твой проект он уже два месяца изучает после работы, по ночам, дома. Высчитывает экономически. Вы что любите? Вы идею любите. А ему еще важно, во что она обойдется.

— Я не знал,— смутился Кудряшев.

— Ну, допустим, не знал,— произнес досадливо.— Но Кузьму Авдеевича как лич-

ность ты обязан знать. До черта всяких книг читаете, а для чего? Для удовольствия? Книга хорошая для того пишется, чтобы вроде как заочно научиться разных людей понимать. Их жизнь. Вот возьмем — Кузьма Авдеевич! Сейчас он, верно, сутулый, плешивый, нос сизый, лицо пегое. Самокрутки курит, на руке браслет магнитный — против давления. Но он в первую пятилетку, когда тебя самого еще в проекте не было, на грабарке работал. Лопату в барак уносил, на койку клал и с ней спал в обнимку. Боялся, чтобы не сперли инструмента. Цемент тогда все равно как муку берегли, которой на хлеб не хватало. Он смело и дерзко за свое дело боролся. И сейчас он такой же смелый. Но у каждого своя манера на смелость. Один, бывало, в атаку без оглядки идет. Орет, бодрит себя и других — и это тоже полезно в бою. А другой молча, чтобы дыхание сберечь, тоже правильно.

Буков помолчал, задумался:

— Вот ты, Леня, задорно себя с Кузьмой Авдеевичем вел, точнее — нахально, вызывающе. А зачем вызывающе? Мол, ты не такой, как он? Верно, еще не такой! Присидок твердых в тебе маловато. Ты на него обиделся, а он на тебя — нет. Говорил мне: Кудряшев — перспективный паренек. Другой бы скис, увял. А он распетушился. Значит, можно на него рассчитывать. Дотянет проект! Вот ведь как. Худое в тебе мимо себя пропустил, как мусор, а стоящее засек.

— Ну и что теперь будет? — удрученно спросил Кудряшев.

— Если ты в проекте не все обсчитал, знающие помогут. А вот то, что ты в Кузьме Авдеевиче такой грубый просчет человеческий допустил, такую ошибку резинкой не сотрешь. Это я по себе знаю — проскочишь вгорячах мимо хорошего человека, вначале будто ничего. А потом чем дальше, тем больше чуешь в себе самом — чего-то не хватает, и не поймешь, чего, а все же не хватает. Человек среди людей живет и ради людей, какие они есть.

В одиночестве Буков любил бродить вдоль борта котлована рудника, наблюдая, как в обширном небе многоцветно, бесшумно прогорает закат, окрашивая пространство в тончайшие оттенки солнечного увядания, и небо, когда исчезнет солнце, долго еще пропитанное его отблесками, прозрачно светится бездонной глубиной. Он предавался размышлениям, медленным, неторопливым.

Вспоминал, как и почему остался жив, когда рядом погибали получше, чем он, люди, которые могли бы жить с большей пользой для других, потому что та часть их жизни, когда он был с ними вместе, сделала его самого лучше, чем он был.

Вспоминал, как здесь на вскрышных работах, когда начались песчаные бури, днем в желтых гудящих песчаных сумерках работали с прожекторами и машинное масло, забиваемое песком, твердело; как, накрывшись брезентом, в горячей духоте приходилось разбирать узлы машины, удаляя из них вредную, засоренную песком смазку. Глаза, натертые песком, воспалялись, веки набухали. Кожа зудела, сохла. Песчаная буря заваливала выработки. И думалось, что преодолеть ее невозможно. Но Буков говорил с усмешкой:

— На фронте — вот где доставалось, после артналета. Завалит людей заживо, выкапывали. А здесь что! Обмахнулся веничком, и все!

Потом, когда началась разработка рудного тела, но еще не было дождевальных установок, кондиционеров в кабинах экскаваторов, Буков с гордостью отмечал:

— Вот те, кто на вскрышье был, те себя показали, а теперь все равно как в помещении работаем — не дует.

«Значит, что? — думал Буков.— Значит, так всю жизнь получается. Ободряешь себя людьми, теми, которых знал, и теми, которых знаешь теперь. Человек, он не сам по себе вперед тянет, а со всеобщим людским течением. На главном русле жизни, которое народ себе сам прокладывает...»

Неоглядно простиралась сухая пустыня, проросшая жестким, как металлическая стружка, кустарником. Возвышались надменно силуэты гор, залитые сверкающими ледниками.

У ног Букова пустыня круто обрывалась, подобно гигантскому кратеру, который собственноручно, аккуратно сделали люди, извлекая из земных недр богатство.

Стоя у края котлована, Буков смотрел на ниспадающие уступы рудника каждый раз недоверчиво и изумленно, будто не он сам вместе со своими товарищами-горняками проложил их, а другие — дерзкие, сильные, могущественные свершили это.

Вершины гор еще были в солнце и блистали розовой ледяной эмалью, когда уже вся пустыня погрузилась в сумрак. Но с уступов котлована, со дна его исходило электрическое сияние — так люди, летящие в самолете, в ночи видят во мраке огни большого города.

По выходным Буков старался полностью предаться отдыху. Утром заходил в парикмахерскую. Терпеливо дожидался своей очереди.

Сев в кресло, говорил мастеру:

— Давай весь комплекс.

Закрывал глаза, спрашивал, не открывая глаз:

— Ну, скоро?

Не взглянув в зеркало, шел к кассе расплачиваться.

В широко остекленном кафе «Спутник» завтракал, испытывая некоторое стеснение оттого, что из-за прозрачных стен рождалось ощущение, будто он принимает пищу вроде как артист на сцене и все на него смотрят.

Обходил четыре этажа универмага «Мир», разглядывал товары, обсуждал их качество с покупателями. Но сам ограничивался только покупкой пары носков.

Отправлялся в кино на дневной сеанс.

Обедал в «Молодежном кафе», поскольку там всегда имелось свежее пиво.

И уже после этого шел на стадион, где терял всю свою солидность, переживая шумно и несдержанно, как он выражался, «на полную железку», любое спортивное состязание. В спортивной терминологии Буков не был достаточно осведомлен. Но, обсуждая с соседями тонкости спортивной борьбы, проявлял исключительную проницательность психолога и знатока. Буков увлеченно и страстно следил за состязаниями, за поведением игроков в борьбе. Он воспринимал все это как красивую, азартную, бескорыстную работу ради собственной радости и радости других людей, любующихся сноровкой спортсменов.

Кроме бурных переживаний, «полирующих кровь», как признавался Буков, ему доставляло особое удовольствие узнавать в спортсменах тех рабочих, с которыми он был знаком, и делать для себя как бы особое, полезное открытие, подтверждающее его собственные, еще недостаточно четко определившиеся их характеристики. Когда помощник машиниста Колесникова Алексей Пташкин в барьерном беге, зашибив о препятствие ногу, превозмогая боль, все ж таки хоть и третьим, но достиг финиша и потом, сильно хромая, припадая на поврежденную ногу, ковылял в раздевалку, Буков про себя отметил, что пора выпускать этого волевого парня на самостоятельную работу.

Но когда на пятисотке, обгоняя у финиша, водитель самосвала Тимохин толкнул плечом другого бегуна, оттеснив его за бровку, Буков, вздохнув, произнес вслух:

— Вот во всем он так. Нагрузили рудой машину, а он мчит, и вся дорога кусками потом усеяна.

Вскочив, Буков заложил в рот два пальца, негодующе засвистел, и весь стадион разделил его негодование, не ведая главных корней этого негодования, известных только Букову.

И то, что лучший машинист экскаватора Сережников легко обыграл в таком изящном и тонко расчетливом виде спорта, как теннис, инженера Безуглова, Буков не видел ничего особенного. Пояснил рядом сидящим:

— Этот Сережников хоть и машинист и работа у нас тяжелая, но он без полгода инженер. В общественном конструкторском бюро — фигура. Видели, как четко по мячу лупит? Баллистика! А она на чем? На одном расчете держится. У нас на батарее студент бывший служил, так он на орудийном щите сначала мелом все предварительные выкладки запишет, а потом только, поглядывая на них, огонь ведет, что ни залп — попадание. В панораму глядел для удовольствия, полюбоваться на результат.

Буков говорил мечтательно:

— Красиво рабочий народ у нас в спортивном снаряжении выглядит. Ну, прямо живые статуи. Значит, сейчас при механизмах труд фигуру не портит. А при дальнейшей автоматизации без физкультуры не обойтись.

Но сам Буков спортом пренебрегал. Объяснял:

— Я уже старый.

На улицах поселка вдоль тротуаров — всюду посадки роз.

Буков, гуляя, рассуждал:

— У всякого времени свои возможности. Для прохожих сейчас эти розы — нормальные насаждения местной растительности, а вот мы, бывало, на фронте брустверы на траншеях овсом засевали для маскировки и для красоты тоже. И очень жалели, когда снарядами зелень портило. В нашем подразделении служил солдат, бывший лесник. Деревья валил для блиндажных накатов, для сохранения жизни, но на своих со слезами кидался, если не спелое дерево валили, а такое, которому еще жить и жить следует. Так ротный старшим его назначил при заготовке накатов. Вот что значит уважать природу во всех случаях, даже тогда, когда неизвестно, сколько тебе самому отпущено дней, а может, часов жизни.

Вечером Буков шел в клуб и там играл на пиво в шахматы ради умственной гимнастики.

Постоянным партнером у него был Кудряшев.

Буков говорил, задумчиво глядя на доску:

— Ты меня с моим ходом не торопи. Глубокомысленно привык все обдумывать, не как ты! Ты докажи счетной машиной: мощная техника добычливей выходит, доходней. Она оптимальная. А когда ты свою кибернетику на старую технику ориентируешь, это все равно что на тачку спидометр ставить. Ты только по профилю своего института борешься. Думаешь, плохие люди — сопротивляются, не принимают дельных предложений. Вовсе нет. Старая техника сопротивляется. Вот твой главный противник, по нему и бей. Доказывай.

— Так вы что, против?

— Зачем? За! Но надо во всем комплексе вопрос ставить. Вашему одному проектному бюро это невмочь. Ты вот и в шахматах на два хода вперед мыслишь. Туру конем свалить. А я пешечками, пешечками твоего коня, между прочим, могу скушать, но побрезгую ради стратегического превосходства.

Вздохнул, отхлебнул пива, сообщил:

— На парткоме вчера решение приняли: поддержать применение математических методов и вычислительной техники для оптимального планирования транспортных работ и горных при добыче различных сортов руды. Но с одним моим критическим замечанием, чтобы мощность добывающей техники и транспортных емкостей тоже была оптимальной.

Прикрикнул строго:

— Нервный ты тип — вот кто! Садись обратно. Терпи. Через пять ходов унижу.— Заметил сердито: — Ты меня своими вспотевшими руками за руку не хватай! Это Кузьма Авдеевич предложил. А я что. сидел в сторонке у окна, курил тихонько в форточку. Только слушал.

Перед тем как лечь спать, Буков самолично выгладил брюки выходного костюма, вычистил ботинки, постирал носки, завел будильник, повесил на спинку стула спецовку, рядом поставил брезентовые сапоги, погасил свет и некоторое время посидел у открытого окна с грустным, меланхолическим выражением на лице, какое бывает у человека, когда он остается наедине с самим собой.

С определенного момента горняки заметили, что Буков вдруг повадился в свободное время кататься на электровозе. Вначале предположили, что в основе тут лежит чисто производственный, деловой интерес к железнодорожному рудничному транспорту, от четкости работы которого все машинисты экскаваторов зависят.

Но потом обнаружилось: почти всю сырую, дождливую зиму Буков сопровождал машиниста электровоза до дому на некотором почтительном отдалении. Летом еще ходил с машинистом электровоза рядом. Но уже к осени стал робко брать девушку под руку.

На работу он приходил уже не в спецовке, а в костюме, переодевался в забое, а костюм укладывал бережно в ящик под сиденье.

Однажды директор рудника и главный горняк комбината явились в забой, вызвали из машины Букова и стали жать руку:

— Поздравляем, товарищ Буков, сердечно, от всего коллектива комбината.

Буков смутился, покраснел, зашаркал ногой, произнес, осипнув от волнения:

— Мы, конечно, еще официально не объявлялись, но день уже назначили. Так что приглашаю от своего лица и от Мусиного тоже.

— Ты о чем? — удивился механик карьера.— Мы тебя с Указом, с высшей наградой! Женишься, что ли? Ну и пожалуйста. Тоже приветствуем.

Ученые утверждают: психика человека — это совокупность воли, настроений, чувств, эмоций, привычек, черт характера, мировоззренческих взглядов.

По моему убеждению, Букова можно, не сомневаясь, причислить на основании его поведения во многих критических моментах жизни к личностям психически выносливым, стойким.

Но тут он, хотя пламя зноя даже в тени было нестерпимым, зябко поежился, поспешно застегнул пуговицы на воротнике спецовки и вдруг вытянулся, замер, держа руки по швам, вздернув подбородок и устремив проникновенный взор на обрывистый трехсотметровый борт родного карьера, зашевелил беззвучно губами. Хрящеватый, острый кадык его судорожно задергался, но что он хотел сказать, так никто и не услышал. Коля Чуркин принес в кружке воды. Буков пил ее, как лекарство,— морщась, проливая на грудь. Потом утерся, произнес, запинаясь, взволнованно:

— Сразу меня как бы на третью скорость переключило — тут и того...— Растер шею, откашлялся.— Вы уж простите.

От радости всем по очереди пожал руки, заторопился, полез в экскаватор, объяснил:

— Порожняк подходит, я извиняюсь.

И пока Буков загружал думпкары, машинист электровоза выглядывала в окно и улыбалась экскаватору Букова. Закончив погрузку последнего вагона, Буков дал сигнал, с электровоза ответили сигналом. Состав покатился, нагруженный, как всегда, тщательно и аккуратно на полные емкости. И только теперь Буков получил возможность помахать свободной рукой будущей своей супруге... Произнес опечаленно:

— Информировать-то я ее не успел.

— Сейчас по всему руднику и по комбинату динамики оповестят! Вот слышишь?

Буков, опустив голову, слушал, как торжественно произносят слова Указа, звучавшие в котловине карьера по-особенному мощно. Потом он поднял голову, оглядел уступы, подобные гигантским ступеням, ведущим в величественное здание, эти ступеньки — еще только подножие к нему. Вспоминал ли в этот момент Буков огненное пространство войны, которое он прошел вместе со своими товарищами, думал ли он, что именно в нем самом от них и продолжает жить твердость духа, хотя их самих нет? Не знаю. Скорее всего — да, думал...

Страну нашу вызвездило хорошими людьми на всем долгом и трудном пути ее истории. Они нам и светят при всех — и хороших и плохих обстоятельствах, при любой, так сказать, погоде. Светят неугасимо.

Никогда не угаснет!

Корчагин и комсомол... Они связаны навечно неразрывной связью. Немногие в литературе образы могут сравниться по силе воздействия на читателя с образом Павла Корчагина.

Вышла из печати книга Семена Трегуба «Живой Корчагин».

С. Трегубу выпало счастье близко знать Николая Островского, встречаться с ним, переписываться... И вполне закономерно, что Семен Трегуб через всю свою творческую биографию пронес незабываемый образ живого Корчагина, отдал много сил исследованию и пропаганде его жизни и литературной работы.

Новая книга С. Трегуба наряду с известными уже материалами и его личными воспоминаниями включает в себя результаты недавних изысканий автора.

Но, как и все предыдущие работы Трегуба, его новая книга о Николае Островском не бесстрастное академическое исследование, не сухое изложение и комментирование фактов. С. Трегуб углубляет и расширяет уже известные материалы, полемизирует с неверными толкованиями, неустанно борется против любых попыток исказить образ живого Корчагина. А такие попытки есть. Нет-нет да и появится в печати какая-нибудь «премудрая» статейка, пытающаяся показать Корчагина «страстотерпцем» и «мучеником», противопоставить роман «Как закалялась сталь» другим произведениям советской революционной литературы. Впервые подобную попытку еще при жизни Николая Островского предпринял известный французский реакционный писатель Андре Жид. К сожалению, отдельные попытки такого рода встречались и в отечественной критике. А с этими попытками связаны и кощунственные откровения некоторых «модерн-мещан» о том, что Корчагин устарел, что он не современный герой, что его время прошло.

Тем и ценна новая книга С. Трегуба, что она спроецирована в современность. Да, далеко не каждому под силу человеческий подвиг, совершенный Николаем Островским, хотя совсем недавно мы стали очевидцами того, как он был во многом повторен В. Титовым. Но разве главные черты живого Корчагина — безграничная преданность партии, железная воля и выдержка, спокойное повседневное мужество — не были тысячекратно продемонстрированы советскими юношами и девушками именно в наши дни!

Николай Островский оставил глубокий след в душе каждого, кто встречался с ним. Но и ему самому везло на встречи с настоящими людьми. В книге С. Трегуба собрано несколько очерков о таких людях: о Н. Н. Лисицыне, одном из действующих лиц романа «Как закалялась сталь», о враче А. П. Давыдовой, о первой «общественной» секретарше писателя Г. М. Алексеевой, журналистке Л. И. Харченко, Р. Ф. Армяновой. Особый интерес представляют очерки о редакторе «Комсомольской правды» и журнала «Молодая гвардия» Тарасе Кострове, сыгравшем важную роль в творческой деятельности Николая Островского, редакторе романа «Рожденные бурей» писателе-большевике Викторе Кине, о матери Николая Островского.

Нельзя без волнения читать страницы книги, посвященные роли романа «Как закалялась сталь» в жизни и борьбе болгарских подпольщиков-коммунистов и комсомольцев, истории издания и распространения романа в Чехословакии.

Живой Корчагин... Да, он жив сегодня, и факел его жизни, его подвига не угаснет никогда. Об этом и написана новая книга С. Трегуба.

Юрий ИДАШКИН

С. Трегуб. Живой Корчагин. Издательство «Советская Россия», 1968.

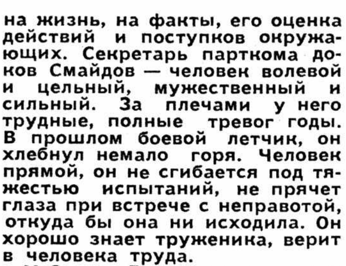
Правда рабочей гвардии

У книги, что прокладывает путь к людским сердцам, должно быть много доброго. На страницах такой книги художественная правда не просто иллюстрация, не просто свидетельство, пусть самое убедительное. Все в такой книге: ее радости и боли, окрыленность и горечи, ее страсти и столкновения — все сама жизнь. Эти мысли пришли ко мне, когда настала пора расставаться с героями произведения о рабочем классе — нового романа ростовского писателя Петра Лебеденко «Льды уходят в океан».

В романе рукой художника написана широкая картина народной жизни. Мы встречаемся с разными людьми, видим их на различных участках того большого мира, который называем действительностью. Дни, описанные в романе,— наша современность.

В произведении Петра Лебеденко четко определены позиции рабочего класса — народные позиции, на которых правда борется с кривдой, справедливость обличает ложь, карьеризм, делячество, трусость. Да, это, казалось бы, извечная тема борьбы добра со злом. Но сила рецензируемого романа в том и заключается, что автор острые жизненные коллизии, какое бы начало они в себе ни несли — бытовое или производственное, решает как социальные конфликты. В этом и есть идейная основа романа.

Кстати, о производственной жизни героев произведения. Сколько раз приходилось слышать о том, как грустит и томится читатель, когда неприхотливый литератор обрушивает на его бедную головушку чугунолитейное повествование о выполненных и невыполненных процентах. Тут скрыта старая истина — все дело в том, как рассказать о ней, о производственной жизни, как показать ее. Петр Лебеденко это делает, как настоящий художник. Работа докеров, моряков, их повседневные «цеховые» дела описаны увлекательно, интересно. Их содержание захватывает, волнует тебя, ты уже сам живешь интересами, надеждой, борьбой сварщиков, штурманов, рулевых, капитанов, партийных работников. То, над чем задумываются они и что делают их руки, не отгорожено от всего остального искусственным локальным кругом. Жизнь — она ведь одна в своем стремительном потоке. Так и дела наших героев органично связаны с радостями и болями сердечными.

Роман «Льды уходят в океан» многоплановый. Однако в этом произведении наиболее зримыми предстают отношения между Петром Смайдовым и Сергеем Лютиковым. Вместе с тем именно в этой линии наиболее полно отражаются почти все главные события книги.

Столкновения Смайдова с Лютиковым носят не случайный или частный характер. Это глубокий, принципиальный спор. В позиции каждого — его взгляд на жизнь, на факты, его оценка действий и поступков окружающих. Секретарь парткома доков Смайдов — человек волевой и цельный, мужественный и сильный. За плечами у него трудные, полные тревог годы. В прошлом боевой летчик, он хлебнул немало горя. Человек прямой, он не сгибается под тяжестью испытаний, не прячет глаза при встрече с неправотой, откуда бы она ни исходила. Он хорошо знает труженика, верит в человека труда.

У Сергея Лютикова душа, как говорится, не того масштаба. Он хочет видеть события и людей такими, какими сам их предполагает и «планирует». Себялюбивый, цепко держится он за добытое в жизни место, и главная его забота — удержаться во что бы то ни стало, удержаться всеми правдами, а более точно — всеми неправдами. И меньше всего Лютикова волнует истинное течение жизни. Естественно, что из этого поединка, из сложных перипетий острого конфликта победителем выходит Петр Смайдов. Иначе и не могло быть. Люди с ним. С ним правда.

«Льды уходят в океан» — содержательный, интересный роман, убедительное свидетельство художнической и гражданской зрелости автора. В творчестве писателя Петра Лебеденко это, несомненно, шаг вперед.

Михаил АНДРИАСОВ

РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Вторжение будущего

Эта фантастическая серебряная птица не из сказки. Она из будущего. И творцы ее — люди. Среди них отец и сын Туполевы — генеральный конструктор всех «ТУ» академик Андрей Николаевич Туполев и главный конструктор «ТУ-144» профессор Алексей Андреевич Туполев.

Крейсерская скорость «ТУ-144» будет составлять 2 500 километров в час. Этот пассажирский сверхзвуковой лайнер действительно шагнул в наше реальное сегодня из будущего, опередив американский «Боинг» и англо-французский «Конкорд».

«ТУ-144» вобрал в себя все самое лучшее и передовое, что создано нашей научной и технической мыслью. На борту работает счетно-вычислительный центр, который может обеспечить программированный автоматический полет вплоть до приземления. Особое значение имеет система кондиционирования воздуха: если на дозвуковой машине воздух в салонах нужно подогревать, то здесь его необходимо охлаждать. И прежде всего снимать тепло, проникающее внутрь самолета через раскаленные стенки фюзеляжа.

Когда самолет, тесня впереди себя плотно сжатый слой воздуха, прорывает звуковой барьер, вестник этого события — своеобразный воздушный взрыв.

Необычна сама конструкция самолета, лишенного привычного хвостового оперения: в полете он опирается на единственное крыло-треугольник. В каждом режиме полета вызывается к жизни, «оживает» своя часть крыла. На дозвуковых скоростях работает основная площадь «треугольника», расширяющегося ближе к хвостовой части. На сверхзвуковых резко возрастает роль передней части крыла, той, что стремится «слиться» с фюзеляжем.

Фантастический лайнер летит над землей. Это реальность. Это факт сегодняшнего дня. Будущее врывается в настоящее со сверхзвуковой скоростью.

В. ПОПОВКИН

После полета. Слева направо: второй пилот М. В. Козлов, командир корабля Э. В. Елян, ведущий инженер-испытатель В. Н. Бендеров, генеральный конструктор А. Н. Туполев, главный конструктор самолета «ТУ-144» А. А. Туполев, бортинженер Ю. Т. Селиверстов.

В пассажирском салоне.

На развороте вкладки: «ТУ-144» в полете.

Фото Е. Умнова.

СССР-68001

Ту

Опера Н. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в Государственном академическом Большом театре СССР. На снимке: финальная сцена оперы.

Царь Салтан — народный артист РСФСР А. Ведерников, Ткачиха — Р. Бабак, Повариха — Н. Лебедева.

Царица Милитриса — Э. Андреева.

Фото Е. УМНОВА.

„ЧТО МОГ... ВЫПОЛНИЛ"

М. П. МАКСАКОВА,
народная артистка РСФСР

Римский-Корсаков!..

Может ли кто не любить этого композитора? Может ли человек музыкальный не восхититься широким раздольем, плавной, величественной красотой его мелодии? Может ли ухо чуткое, даже придирчивое, не оценить яркой красочности, живописности, изысканности звучания его оркестра? Может ли сердце отзывчивое остаться равнодушным к драматическим событиям, воссозданным в его операх; не содрогнуться, следя за схваткой могучих характеров, выписанных композитором с такою глубокой психологической правдой?..

Для нас, певцов, воспитанников русской вокальной школы, с именем Н. А. Римского-Корсакова связано и начало и завершение артистического пути. Студентами, разучивая его романсы, арии из опер, мы получали начальные навыки вокала, осваивали трудности голосоведения. Став артистами, непременно поем в его операх. И чем старше, опытнее становимся мы, тем явственнее понимаем, какого огромного мастерства, технической свободы, зрелости мысли, актерского дарования требуют сценические образы Римского-Корсакова...

За свою долгую творческую жизнь Римский-Корсаков написал много великолепной музыки. Это и симфонии, и сюиты, и поэмы, и симфонические картины, и романсы. Но мне хотелось бы поговорить о его операх. Сегодня без них нельзя представить афишу советского оперного театра, историю русской оперы. А сколько незабываемых образов создано в операх Римского-Корсакова нашими артистами!..

Свою первую оперу — «Псковитянку» — Римский-Корсаков написал в 1872 году. Ему было 28 лет. Он посвятил ее своим друзьям-балакиревцам, «дорогому мне музыкальному кружку»—людям, которых впоследствии назовут «могучей кучкой»... В этой первой опере, по сей день не сходящей со сцены, четко обозначились основные черты творчества.

Уже здесь, словно драгоценные камни в старинном уборе, рассыпаны чудесные русские мелодии, уже здесь удалось композитору добиться напряженности действия, воссоздать образ вольнолюбивого, гордого народа. Но, пожалуй, самая большая удача в «Псковитянке» — образ Ивана Грозного. Недаром он стал одним из лучших созданий Федора Ивановича Шаляпина. Невозможно забыть его величественную фигуру, властные жесты, умное лицо со взглядом, будто буравящим... Он внушал отвращение и ужас, но за вспышками жестокой ярости, мелочной подозрительности вдруг мелькали искорки чего-то глубоко человечного, сильного и рождалось сострадание к герою, по-своему несчастному и одинокому.

Близка к «Псковитянке» моя самая любимая опера Римского-Корсакова — «Царская невеста». С юных лет и на протяжении всей моей артистической жизни я пела в ней Любашу. И Любаша стала для меня ролью самой дорогой. Я жила, накапливала жизненные впечатления, размышляла над тем, что видела вокруг, и вместе со мной росла и менялась моя Любаша.

Постепенно я преодолевала вокальные и технические трудности партии, и настал наконец момент, когда все как бы запелось само собой; я смогла уйти целиком в стихию драматического действия и свободно зажить жизнью своей героини, открывая в ней для себя все новые и новые черты. Всякий раз какая-нибудь фраза обретала особое значение, и я старалась по-новому произнести ее. Так, например, в сцене с Бомелием, когда Любаша должна за яд, приготовленный для соперницы, заплатить своею честью, я произносила последнюю фразу: «Тащи меня в свою конуру, немец!» — со злобой и отвращением. Но однажды ощутила, что это неверно. Для Любаши, брошенной Грязным, решившейся на такой страшный поступок, все в жизни утратило цену. Ей все теперь безразлично, все мертво. И в этой последней фразе звучит, конечно же, ее тоскливая безнадежность...

Иногда мне приходилось слышать от зрителей, что в «Царской невесте» партия Марфы менее ярка, чем партия Любаши, а значит, трудно поверить, что Грязной мог предпочесть темпераментной, отчаянной, огневой Любаше вялую, пресноватую Марфу.

Это не так. Просто для исполнения роли Марфы требуется совершенно особый склад артистической личности, как и особый голос. Не знаю, как пела Марфу Н. И. Забела-Врубель, для которой Римский-Корсаков писал эту партию, зато мне выпало счастье не только слышать, но и участвовать в спектаклях вместе с Антониной Васильевной Неждановой.

Антонина Васильевна в то время была уже немолода. Но в Неждановой — Марфе, в хрустальной чистоте ее голоса было такое очарование, такая неизъяснимая женственность, трогательность, что я понимала: она сильнее Любаши. В эпизоде, где Любаша и Марфа на сцене вдвоем, я чувствовала, что бесполезно «тягаться»: не одолею!..

Вот как написана «Царская невеста».

Оперное творчество Римского-Корсакова удивительно разнообразно. Наряду с историческими музыкальными драмами, полными кровавой жизненной правды, жестокого реализма, он пишет прекрасные, чистые, нежные и веселые сказки, где звучит преклонение перед красотой и мудростью природы, вера в добрые начала, живущие в душе человека.

Римского-Корсакова недаром называют великим сказочником. Он не только создал много опер на сказочные сюжеты — он открыл в музыкальной сказке целый мир народной фантазии, воскресил старинные обряды и поверья и сотворил новую красоту, новую поэзию.

Как прекрасна его хрупкая, нежная, прозрачная «Снегурочка»! Ее образы представляются мне чуть условными, чуть нереальными, как фигуры на палехских шкатулках. Кажется, они не ступают по земле, а парят над нею. К этой невесомости, к этому «парению» я и стремилась, когда пела в «Снегурочке» Весну или Леля.

А вот в «Садко» — величавом и мощном, словно русская былина,— хотя и есть партия для моего голоса, я не пела ее никогда. И причина тому — Надежда Андреевна Обухова.

В начале 20-х годов я приехала в Москву дебютировать в Большом театре. Тогда же я попала на представление «Садко». Надежда Андреевна пела Любаву.

Прежде всего меня поразил ее облик. Это была истинная русская красавица — сказочная и реальная в одно и то же время. Казалось, она сошла с полотен не то Венецианова, не то Васнецова. Удивительная стать, простота и спокойствие. Она излучала доброту, душевность, величавую, покоряющую женственность. И голос ее, сильный, глубокий, густой, красоты непередаваемой, казалось, создан был именно для Любавы. Подражать Обуховой было бессмысленно, сделать же лучше — невозможно! Я отказалась от этой партии навсегда.

Если говорить о замечательных актерских созданиях в операх Римского-Корсакова, нельзя не вспомнить Ивана Васильевича Ершова; он пел и в «Садко» и в «Снегурочке». Будучи совершенно исключительным оперным артистом, Ершов везде добивался успеха, но созданный им образ Гришки Кутерьмы в «Сказании о невидимом граде Китеже» смело может быть причислен к артистическим творениям самого высокого класса. Гришка Кутерьма, этот безнадежный забулдыга, в исполнении Ершова вовсе не был жалок. Богатырского сложения, красавец, он представал человеком неистовой страсти, стихийной удали — этаким нравственным анархистом, уверенным, что ему «все дозволено». И сколь неукротим был он в своем загуле, столь же неизмеримы по силе были его страдания — муки больной совести...

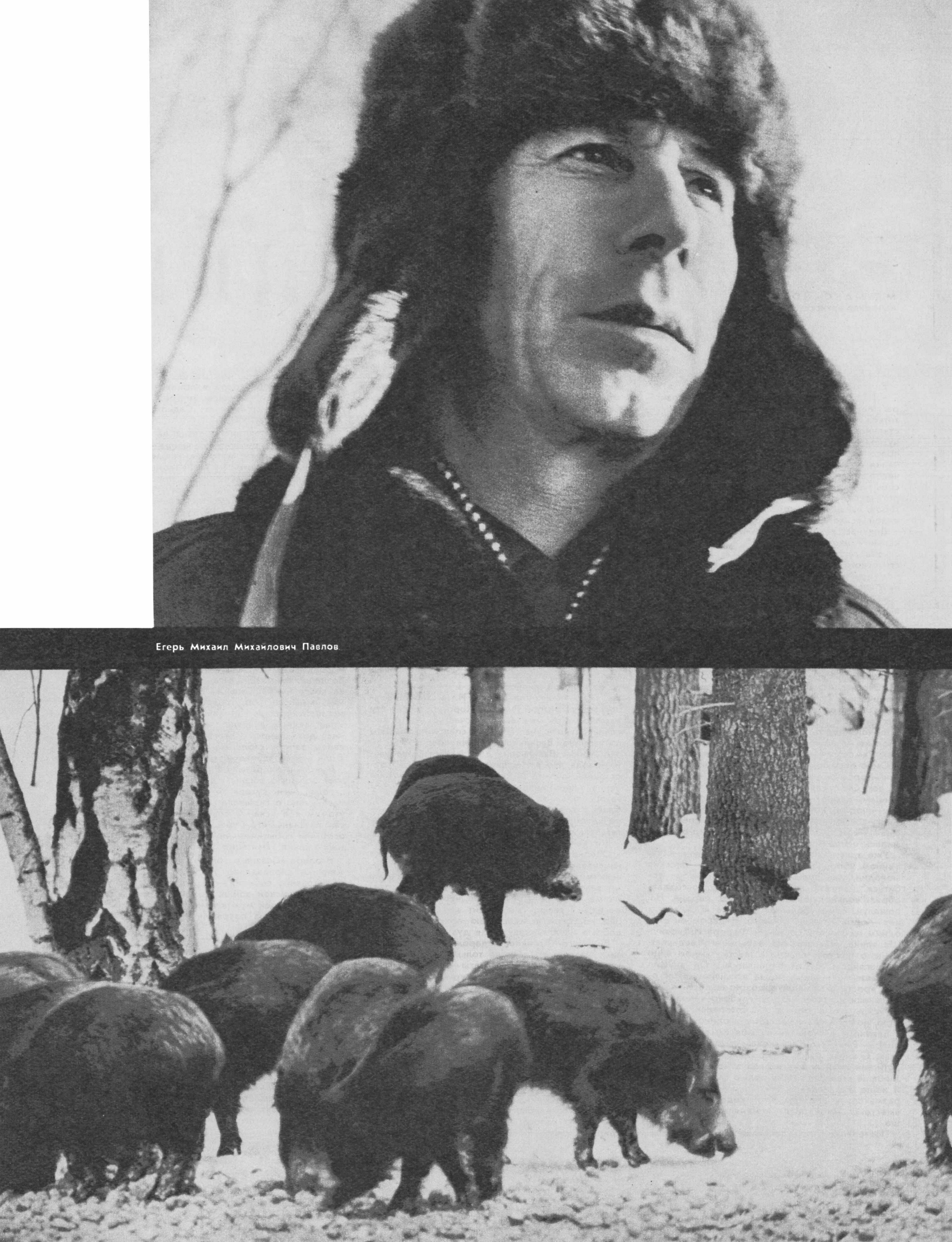
Николай Андреевич Римский-Корсаков прожил большую жизнь. Но как в нем самом за строгой, чуть суховатой внешностью кабинетного ученого скрывалась натура страстная, неутомимая в искании совершенства и истины, так и жизнь его, внешне непримечательная особыми событиями, по существу, была полна напряжения, смятения и борьбы.

В опере «Сказка о золотом петушке» современники справедливо увидели острый намек на недавние события — поражение царизма в русско-японской войне. Но смысл оперы был глубже: в своей музыкальной сатире композитор выставил на посрамление русское самодержавие...

Огромна заслуга Римского-Корсакова перед русским музыкальным театром. Он написал пятнадцать оригинальных, разнообразных по жанру опер, давших основу русскому оперному репертуару. Самоотверженным, поистине титаническим трудом он помог обрести сценическую жизнь гениальным творениям Мусоргского. «Борис Годунов» и «Хованщина» долгое время шли в редакции Римского-Корсакова. Он же совместно с А. К. Глазуновым завершил «Князя Игоря» после смерти Бородина.

Заметки о великом русском композиторе мне хочется закончить его же словами, написанными незадолго перед смертью:

«Что же, думается, прожил я на свете назначенный срок; никому худого не сделал, работал; что мог, по своим силам, выполнил,— чего же еще».

Егерь Михаил Михайлович Павлов

Ю. КРИВОНОСОВ
Фото автора.

ЧЕМ ДЫШИТ ЛЕС

Тревога!

Подсадные утки в отпуске.

Иван Михайлович Куприянов.

Пир в разгаре...

— Ты думаешь, что если егерь, то ружье за плечи и пошел зверя добывать? — рассуждает Михал Михалыч, запрягая Ласточку.— Так это когда бывает... Сезон охоты короткий, а год длинный, и егерь потому по сути своей рабочий леса. Вот сейчас корм зверям повезем, а его же заготовить надо было — что самим, а что закупить. И главнейшая обязанность наша — о зверье заботиться и быть им защитником. Каждый день участок свой обойти надо. Отвлекся, пропустил день-другой, и лес у тебя беспризорный. Всякая беда случиться может. А участок не мал — пять сотен гектаров. Так-то!

Ласточка с хрупом приминает снег, сани мотает с боку на бок. Путь у нас недалек — до соседней деревни. Мы должны захватить с собой егерева брата Александра, а уж потом в лес.

В справочнике охотничьего общества, в разделе «Волоколамское охотничье хозяйство», написано: «Охотбаза Шишково. Егерь — Павлов М. М. Имеется гончая собака и подсадные утки. На участке обитают тетерев, рябчик, водоплавающая и болотная птица, лось, кабан, заяц, лисица...»

Про участок же Александра Михайловича Павлова сказано только, что он воспроизводственный. Участки эти граничат, и братья о них заботятся сообща: так сподручнее. Заехали за Александром и дальше двинулись. Дорога пробита через поле к синеющей щетине леса.

— Глянь-ка, лось ночью прошел,— показывает Александр,— вот тут вышел, а дальше, видать, по дороге двинулся, пропал след. Ага, вот он где на другую сторону махнул!..

— Трудновато шел, проваливался, плохо ему к весне, наст ноги режет,— размышляет вслух Михаил.

У самого леса следов-то, следов! Вот кабаньи тропы, словно канавки пробиты, ноги короткие, тащит кабан их. Косуля след ведет аккуратный: высоко свои ноги-циркули поднимает. У зайца этакая рваная строчка, прыгает, шельмец, что твоя балерина, петляет. Попробуйка походи ровно, когда следом лиса свою личность на снегу регистрирует.

Углубляемся в лес и останавливаемся у подкормочной площадки. Это просто небольшая полянка с вышкой для наблюдения. Вот куда сходятся все следы. Натоптано-перетоптано, и уже не поймешь, кто ходил. Проще говоря, все ходили, потому что тут для зверей и не закусочная даже, а целый ресторан с широким выбором блюд: картошка, морковка, сено, овес, даже лук кожуркой золотится.

Залезаю на вышку, усаживаюсь поудобнее, раскладываю объективы, чтоб все под рукой было. Аппараты прячу под тулуп, а то застынут. Вышка — это такой дощатый ящик, к деревьям прилаженный. С трех сторон на уровне глаз по доске вынуто для обзора: сам смотри, а тебя никто не видит.

Никакого зверя нет. Одни птицы кормятся. Вот синичка суетится, словно спешит куда. Наклевалась, вспорхнула на сухую ветку, клюв почистила и соскочила, а ветка еще долго дрожит мелкой дрожью,

точно струна. Снегири кушают степенно, по-купечески, и сами они пузатые, словно купцы. Сойки мотаются с места на место, улыбаясь голубыми полосками на крыльях, будто им туда по кусочку неба нашили. Сойка переборчива, как барышня: тут клюнет, там поковыряется, все ищет что повкусней.

Часа через два в глубине леса что-то шевельнулось. Вроде рыжеватое, а что — не разберу. Ага, косуля! Достаю из-за пазухи аппарат с телевиком. Только рано, далеко еще косуля, и кусты мешают. А она не торопится. Каждый шаг — сама осторожность. Шагнет — замрет. Головку свою игрушечную с такой грацией поворачивает, что любую красавицу зависть взяла бы. Чуть поводит пушистыми ушами, всякий звук на ощупь пробует. Ножками перебирает сторожко. А что поделаешь, когда у тебя всей защиты — лишь осторожность да ноги? Это кабану хорошо: и клычищи и туша, что твой танк! А тут приходится замирать на полшаге.

Мне снимать надо, а она никак из кустов выходить не хочет. И начинаю я ее про себя уговаривать: ну, выйди, ну, пожалуйста, вот сюда, в этот прогал у березы, на солнышко! И вышла, точно туда, куда просил, вышла. Повезло! Успел пять кадров сделать, а он (оказалось, это самец: рожки торчат) повернулся и пошел себе опять за кусты. На корм — ноль внимания. Сниматься, что ли, приходил?

Через час явился опять, теперь уже с компанией, втроем. Все так же осторожны. И я у них осторожности учусь. Тихо-тихо поворачиваюсь, чтоб не скрипнуть в ящике. Тулуп мешает — долой его. Вроде тихо снял, но одна что-то заподозрила, высунула из-за дерева полмордочки — ухо да глаз — и смотрит на меня. А я на нее, через объектив, и оба не шевелимся. У кого терпения больше? У меня вроде. Успокоились, принялись за обед. Несколько кадров удалось сделать, но как ни тихо работает затвор моей камеры, все же услышали в конце концов — и тягу, только мелькнули среди деревьев белые «зеркала», те, что у них светлой шерстью в районе хвоста обозначены.

Сижу несколько часов один. И не скучно. Любопытно мне и весело. Я не охотник, у меня азарт только к съемке охотничий, но, думается, все же самое интересное — зверя выследить, наглядеться на его грацию и красоту, а палить по такой прелести... Домой зверя лучше, помоему, на пленке привезти.

Вечереет... Теперь мы сидим вдвоем с Михал Михалычем. Пока ничего интересного нет. Перешептываемся.

— Люблю вечером слушать, чем лес дышит и кто в нем дышит,— шелестит у меня под ухом голос егеря.— Дед наш был охотник, приучал слушать лес, все его голоса. Теперь вот на пластинках птичье пение записали. За чаем слушать можно. А ты пойди в лес послушай их. То-то прелесть. Это ж совсем другое дело... И охотиться можно, дело это не вредное, только надо с разбором, умно. Норма отстрела должна быть жесткая и под контролем. Мы вот, егеря, охоту готовим. Так заранее сочтешь, сколько, скажем, лосей или другого кого на участке, по следам определишь. Номера расставляем, загоном командуем. Даем сколько положено отстрелять, а потом возле убитого зверя «по баночке» пропустим — обычай такой у охотников, «на крови» называется. Куда от него денешься? На моем участке охота ограничена, а у брата совсем запрещена: воспроизводство. Да и у меня-то, по существу, тоже воспроизводство. В пятьдесят восьмом завезли в наше хозяйство косулю из Тувы. Двадцать голов. А теперь их уже сотни полторы. Надо дать ей размножиться. На нее сейчас ружье поднять все одно, что в чужой амбар залезть. Или кабаны... Пришли они к нам с других участков, стали мы их с братом охранять. Вот и прижились. Попозже придут, сам увидишь. Один раз на обходе засекли с братом след лыжный с кабаньим вперемежку. Смекаем, почему туда кабанчик побежал, кто его потревожил. Пошли вдогонку. По следам увидали: совершилось убийство. Брат к утру нашел все же прохвоста, что загонял малыша в снегу. Браконьер чем еще страшен: без разбора бьет. Ведь норовит, гад, свинью завалить. А от нее в лесу счет идет, ею, плодящей, природа множится. Вот нам и работа. Кто ж, как не мы, зверю защита? Нельзя позволить природу извести. Ведь внуку моему тоже посмотреть надо будет, какая живность на земле обитает, и правнуку, и любому будущему человеку... Не замерз еще?

— Да нет. Курить-то можно?

— Кури, кабана табак не пугает.

Курю в кулак и думаю о братьях. Крепкие мужики, рослые, голубоглазые. В лесу, как дома. Такие могут зверя защитить.

— Гляди-ка, идут...

Вот они, кабаны, явились наконец. Осторожно подходят. Еще достаточно светло, снимать можно.

— Да ты не спеши, пусть побольше соберется.

Но я тороплюсь, пока не стемнело, и, когда чувствую, что снимки есть, прячу аппараты.

Треснул какой-то сучок — кабаны врассыпную.

— Ничего, придут. Голодные они. Мне их обязательно пересчитать надо, учет у нас, как в бухгалтерии.

И действительно, минут через двадцать вернулись и накинулись на картошку.

— Вишь, как жрут,— шепчет Михал Михалыч,— картошка-то промерзлая, а куда денешься, все-таки пища. Я, брат, и сам ее мороженую-то в войну за милую душу... В пехоте воевал, на Ленинградском фронте. С тех пор во мне пара пуль сидит да осколков штук сорок. Но не тревожат, видать, акклиматизировались... Смотри, секач какой тощий, хвост, как у драного льва: голый и не закручивается. Отощал. Скоро уж теплеть начнет, подтаивать, тогда сами себе будут выкапывать корешки всякие. А зимой кабан поест хвоща да тут же и ложится, силу бережет для жизни, рассчитывает. Вот мы их картошкой подкармливаем: вкусно — невкусно, а перезимуют.

Кабанов собирается все больше и больше.

— Вот теперь уже все собрались, можно и посчитать. Так, штук около сорока, ну, может, на одну больше, на одну меньше, скоро можно уходить.

Уже почти совсем смерклось. Теперь лучше слышно, чем видно. Топот, хрюканье, визг — это затеваются мелкие драки. Только здоровенная хромая свинья не участвует в пиршестве, все что-то бродит и бродит слева от нас, водит носом туда-сюда.

— Все, сейчас убегут... Глаза у них плохие, слух тоже не ахти, а нюх зато будь здоров. Ветер с нашей стороны, так она сейчас...

«Кхра»,— низко и басовито ревanула хромая и повторила: «Кхра».

И только треск пошел по лесу.

— Ну, айда,— говорит Михалыч,— вон уж и Александр свистит, подъехал. Он сегодня у себя тоже считал, сейчас сплюсуем...

Тихо повизгивают полозья, продрогшая Ласточка весело рысит домой.

— Ну что, набрал материал? — спрашивает Михал Михалыч.— Так это ты только кусочек посмотрел. Ты зайди в Москве к Куприянову Ивану Михайловичу, председателю Московского общества охотников и рыболовов, он тебе даст общую картину. Тогда у тебя все и соберется. Вот я говорил насчет обычая охотничьего, «на крови». Есть в этом, по-моему, что-то языческое. Вроде бы как просыпается в человеке инстинкт предков. Так ведь для них охота была источником жизни, а для нас — отдых и развлечение. Но с умом надо, с умом, мы же для развлечения вещи в своей квартире не уничтожаем? Верно я говорю?

...Плывет над нами месяц золотым корабликом, звезд в небе — навалом. Глаза у меня слипаются, и сквозь дрему слышу, как братья обсуждают свои дела, а потом затевают спор совсем из другой оперы.

— Помещичий он писатель, Бунин-то,— доказывает Александр.

— Ну и что ж, что помещичий, а природу как описывает, словно сам егерем был,— парирует Михаил.

А месяц все плывет и плывет...

Иван Михайлович Куприянов оказался человеком весьма обстоятельным. Он выложил передо мной испещренные цифрами сводки, потом отложил их и сказал:

— Давайте разберемся по порядку. Вот недавно в печати разгорелась полемика: как быть с охотой? Запретить ее совсем или не запрещать? Сторонники запрета упирают главным образом на одно: фауна наша вконец оскудела, и ей вот-вот конец придет. И уточняют: оскудела за последнее время. А за какое последнее? Попробуем с вами заглянуть в историю. Вот у нас тут книга есть, можно сказать, редчайшая книга! Издана в 1873 году. Сочинение М. П. Вавилова «Охота в России во всех ее видах». Читаем: «Лоси, жившие прежде, в давно прошедшие времена, у нас на Руси в большом количестве, в настоящее время стали так редки, что появление их в какой-либо из центральных губерний, как-то в Московской и ее окружающих, считается таким событием, о котором долго не перестают говорить охотники, даже газеты, и те считают нужным занести подобное чудо на свои столбцы».

А теперь лоси в города забредают, на дорогах автоинспекция знаки ставит: «Осторожно, лоси». Только в Московской области лосей более девяти тысяч, это, так сказать, учтенных... Прочтем еще один абзац: «Возьмите, читатель, срединные губернии... Тут хоть не всегда успешно, но все-таки же преследуют несвоевременную охоту, и что же, в результате общее обеднение дичью, такое обеднение, что иной раз целый день прошляешься с ружьем и ничего не убьешь...»

Значит, «последнее время» не в счет, не на нашем поколении вина за «обеднение дичью». Нужно сказать, что Московское общество, как, впрочем, и другие, весьма успешно борется за то, чтобы загладить перед природой вину предшественников наших. Складывается эта работа из таких основных моментов: охрана, воспроизводство, планирование охоты с жесткими нормами отстрела. Привезены за последние годы и выпущены в лесах Подмосковья десятки голов

Рами ГАРИПОВ

МЕЛЬНИК

Клочья пота белеют под тучей,
Значит, древняя сила жива.
Море, море, ты мельник могучий,
Вон как ходят твои жернова.

Не кончается труд твой бессменный —
Снова зыбь,
Снова шумный бросок.
Как мука, белоснежная пена
На прибрежный ложится песок.

С вечной песней
И с вечным волненьем
Ты выносишь на берег земной
Сор для тех, кто недружен с терпеньем,
Терпеливым — янтарь золотой.

Перевел с башкирского А. РЕШЕТОВ.

Гилемдар РАМАЗАНОВ

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ САЛАВАТА

В Уфе на высоком берегу реки Белой установлен монумент народного героя, сподвижника Пугачева — Салавата Юлаева.

Из газет.

Мне не забыть об этом дне,
когда встречали Салавата...
Он въехал в город на коне,
затосковав о стороне,
где он в бою летел когда-то.
И стар и млад бегут бегом:
батыров много ли на свете?
— А где ж ему поставить дом? —
И призадумались о том
все аксакалы в горсовете.

Он головой до облаков,
с ним верный конь—его товарищ..
В Уфе немало есть дворцов —
какой избрать в конце концов,
какой герою подобающ?
Вот на проспекте он стоит,
вокруг него народ ликует.
Стекло и мрамор, славный вид.
— Ведите дальше,— говорит,—
здесь ветерок степной не дует...

На площадь главную ведут,
где все так просто и солидно:
— Что ж, ничего, неплохо тут,

крупных животных и сотни, а по некоторым видам даже тысячи мелких. Рыба же, выпущенная в водоемы, исчисляется многими миллионами, ее даже «пайком» при этом снабжаем, чтобы сразу себя твердо почувствовала на новом месте. Бобров вот завели — восемьсот штук сейчас уже стало. Прижились.

Тут ведь много серьезных проблем обнаруживается. Смешно же протестовать против вмешательства человека в дела природы. Болота надо осушать, с сорняками бороться и с вредителями растений. Другой вопрос — вмешательство это разумно следует проводить. Сыпанули, например, ядохимикаты как попало — мор на все живое в округе. Извели без толку лес — тетерев брусники и клюквы уже не покушает. Однако, повторяю, вмешательство разное бывает. Вот не вмешайся мы, так у нас за зиму половина животных перемрет с голодухи. Одних кормов им сотни тонн забрасываем. Столовки для них пооткрывали: без малого десять тысяч подкормочных площадок, около четырех тысяч солонцов.

Знаете, наверное, что птице для пищеварения камушки клевать надо? Где она, позвольте спросить, их под снегом отыщет? А мы галечники устраиваем, тоже тысячами, ну и прочие необходимые для жизни вещи. И защиту животных обеспечиваем. В наших хозяйствах шестьсот егерей работают и десятки дипломированных охотоведов. На участках вы побывали, посмотрели сами, как там люди трудятся. Врагов у зверя и птицы в природе сейчас немного, хищников, сколько требуется, отстреливаем. Волков уже почитай и нет в наших краях. Премию за их уничтожение по сравнению с прежними годами намного увеличили, только ее почти некому получать: перевелся волк. Главный хищник ныне — браконьер. А его не отстреляешь. Однако «отлов» идет. В прошлом году в бригадах по борьбе с браконьерством участвовало восемнадцать с половиной тысяч членов общества. В результате было составлено 1 548 протоколов. А ведь это значит, что было совершено более полутора тысяч разбойных нападений на нашу природу! Но кто знает, сколько еще прошло безнаказанно? Тут всей общественностью наваливаться надо на хищника, иначе его не уймешь.

Сейчас в Московском обществе семьдесят восемь тысяч человек. Большинство из них не просто охотники, а горячие поборники защиты природы. И приятно знать, что нашими стараниями множится и богатеет животный мир Подмосковья.

да только... реки не текут,
Урала вольного не видно!..

И дальше руку он простер,
и за собой повел он свиту.
На круче встал—глазам простор,
и белый камень наших гор
ковром лег под ноги джигиту.

С тех пор стоит он на горе,
он видит, может быть, полмира.
Ветрам открыта на заре
и в лепестках, как в серебре,
стоянка новая батыра.

Вокруг него поет апрель,
герой в века глядит крылато.
У ног его — цветов метель,
и бьется в берег Ак-Идель
гудящим сердцем Салавата...

Перевел с башкирского
Виктор ВИНОГРАДОВ.

ПРОДОЛЖАЕМ ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ЧАЯ

ПАСЫНОК ОБЩЕПИТА? ПОКА ЧТО-ДА...

Репортаж «Пасынок общепита» («Огонек» № 47 за 1968 год) вызвал много откликов: тут и письма читателей из разных концов страны и сообщения руководителей министерств, трестов, кооперативных организаций. И едва ли не в каждом письме — забота о том, чтобы возродить наконец чайные, забота о любителях почаевничать. Итак, прежде всего...

СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ

Москвич П. Щукин, сетуя на отсутствие чайных, рассказывает о том, какими они были прежде. «Вы сами наливаете в стакан чай той крепости, к которой привыкли, которая по душе...» «В чайных не должно быть места водке»,— подчеркивает С. Круглушин из Московской области. Обстоятельное письмо пришло из Улан-Удэ, от А. Шустова. «Увы, настоящих чайных нет ни в Улан-Удэ, ни в ближайших районах»,— отмечает автор. «Вполне разделяю мнение о необходимости иметь побольше чайных, где подавался бы чай, а не спиртные напитки. А то ведь молодежь скоро не будет знать, что такое самовар»,— не без основания утверждает Н. Фирсов из Новочеркасска.

Привлекает внимание письмо директора совхоза из Крымской области В. Шацкого. Он пишет: «Признаюсь без сожаления: так уж сложилось, что я разменял пятый десяток, а алкогольные напитки не употребляю. Сколько скептических взглядов, реплик, а то и упреков претерпел я за то, что «непьющий». А я как раз пьющий, но... хороший чай. Почему иногда считают, что пить можно только сшибающие с ног напитки? Чем плохо выпить в компании стакан ароматного чая? Понятно, если эта компания может подняться до уважения к человеку, имеющему свои привычки, свои вкусы. Как-то я был на свадьбе и поставил хозяев в затруднительное положение. Прошу чаю. А мне говорят: «Шутишь, Василий Петрович?» Выясняется: готовились встречать гостей, запаслись пивом, водкой, вином, а вот чая... Невдомек.

Мне думается, что разговор о чае не пустая затея. Разговор должен завершиться постановлениями соответствующих организаций. А самое главное, нужны энергичные действия работников общепита».

Что же практически делается в этом направлении?

СЛОВО МИНИСТЕРСТВАМ

МИНИСТР ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В. ЗОТОВ СООБЩАЕТ:

— Статья «Пасынок общепита» своевременно и правильно отражает недостатки предприятий общественного питания не только Москвы и Московской области.

Министерство пищевой промышленности СССР стремится повышать качество чая, а это, в свою очередь, будет способствовать улучшению его реализации, и в частности в сети общественного питания. В 1969 году значительно расширится производство чая в пакетиках для разовой заварки,— они пользуются повышенным спросом. Увеличивается выпуск мелкого чая, намечается выпустить новый, «желтый чай». Будут пересмотрены государственные стандарты на сортовой чайный лист и готовую продукцию.

Однако для того, чтобы возродить традиции потребления чая, этого весьма полезного напитка, необходимо ликвидировать недостатки в торговле чаем и прежде всего в сети общественного питания, недостатки, на которые правильно указывает статья «Пасынок общепита».

МИНИСТР ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РСФСР А. КЛЕМЕНЧУК:

— Министерство уделяет большое внимание повышению качества отечественного чая. Большой популярностью пользуется «Краснодарский чай». Сейчас ведется подготовка к производству новых сортов. В 1968 году было выпущено 7,5 миллиона пакетиков весом по 2 грамма каждый — это для разовой заварки. В нынешнем году производство таких пакетиков будет значительно увеличено.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРОСОЮЗА Н. СУПОТНИЦКИЙ:

— «Огонек» правильно отмечает серьезные недостатки в организации торговли чаем на предприятиях общественного питания. Правление обсудило статью, приняло специальное постановление «Об улучшении торговли чаем», за выполнением которого устанавливается систематический контроль. Разработаны и утверждены обязательные для всех столовых, кафе, закусочных, чайных правила приготовления чая.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ТОРГОВЛИ СССР Н. ЗАВЬЯЛОВ:

— Министерствам торговли союзных республик поручено расширить специализированную сеть предприятий общественного питания — чайных, чайхан; в крупных ресторанах, кафе и столовых будут организованы чайные столы с широким ассортиментом кондитерских и хлебобулочных изделий. Решено регулярно проводить дегустации чая. Руководителям трестов, столовых, ресторанов и кафе рекомендуется выделить на каждом предприятии людей, персонально отвечающих за качество подаваемого чая, за порядок обслуживания любителей чая.

Тов. Завьялов предъявляет ряд требований другим министерствам. Министерство легкой промышленности не удовлетворяет заявки организаций общественного питания на чайную посуду, в частности на фарфоровые чайники. Министерство пищевой промышленности не дает требуемого количества чая в двухграммовой фасовке, гарантирующей приятную на вкус заварку.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ТОРГОВЛИ РСФСР А. ИВАНОВ

сообщает, что работа предприятий общественного питания по расширению специализированной сети чайных, количества чайных столов в кафе, ресторанах и столовых, забота о качестве чая взята сейчас под особый контроль министерства.

А ПРАКТИЧЕСКИ?..

Как все эти хорошие, важные директивы реализуются на местах, в частности в Москве?

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ МОСГОРИСПОЛКОМА И. ШЕВЕЛЕВ:

— Моспродснабу дано указание обеспечить предприятия общественного питания чаем не ниже 1-го сорта, а в ресторанах использовать чай только высших сортов. В трестах и комбинатах питания проведены семинары с поварами и буфетчицами, как лучше приготовить чай.

В дополнение к 100 имеющимся чайным столам в ближайшее время в столовых при фабриках и заводах, а также в кафе, закусочных появится еще 90. Принимаются меры по организации торговли чаем в буфетах театров, зрелищных предприятий.

В кафе «Русский чай» прекращена продажа винно-водочных изделий.

ДИРЕКТОР МОСКОВСКОГО ТРЕСТА КАФЕ И ЗАКУСОЧНЫХ Е. БРЕЕВА:

— Выступление журнала «Огонек» обсуждалось на производственных совещаниях работников кафе «Лира» и «Марс», а также в коллективах других кафе треста. Директорам кафе «Марс» (тов. Зинштейн) и «Лира» (тов. Смолярницкий) указано на то, что они слабо контролируют и плохо организуют торговлю чаем.

* * *

Публикуемые нами письма, сообщения говорят о том, что пока еще чай остается «пасынком общепита» и далеко не все сделано, чтобы удовлетворить запросы любителей почаевничать. Есть претензии к работникам торговли и пищевой индустрии. Все сходятся на том, как важно иметь вдоволь двухграммовых пакетиков для разовой заварки чая.

Внимательно перечитав письма тов. Шевелева и тов. Бреевой, мы, к сожалению, не нашли в них ответа на главный вопрос, поставленный журналом, вопрос, судя по письмам читателей, актуальный:

— ПОЯВЯТСЯ ЛИ В МОСКВЕ — СТОЛИЦА ДОЛЖНА ЗДЕСЬ ПОКАЗАТЬ ПРИМЕР ДРУГИМ ГОРОДАМ — ЧАЙНЫЕ, КОГДА, ГДЕ, СКОЛЬКО? ЕСЛИ НЕТ, ТО ПОЧЕМУ?

Редакция ждет более конкретного ответа от руководителей столичных предприятий общественного питания. Ждем сообщений и из других городов, районных центров, сел; что предпринимается для организации хороших чайных, в частности в сельских местностях, на автомагистралях, крупных железнодорожных станциях. Словом, всюду, где есть в них необходимость.

Путешествие в мир чая продолжается.

ПОВЕСТЬ

Патрик КВЕНТИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

За обедом, который нам подавала Мэри, Бетси держалась с той же преувеличенной светской любезностью; она всегда считала необходимым строго «соблюдать приличия». Я восхищался чувством гордости, присущим Бетси, но в тот вечер с особой остротой понимал, какую боль она прячет за ней.

После обеда я снова попытался объясниться, но Бетси наотрез отказалась слушать меня. Во всем остальном она вела себя вполне благоразумно, ни в чем меня не упрекала и не грозилась уйти. Без всяких напоминаний с моей стороны она объявила, что мне, конечно, надо поехать с Рикки к Трэнту, что это моя прямая обязанность. О Рикки она говорила как о чем-то потерянном и далеком, а когда я, передавая чашку кофе, нечаянно коснулся ее руки, она вздрогнула. Она вела себя так, словно оказалась в одиночестве в самом центре ледяной пустыни.

Нет, своим поведением Бетси вовсе не хотела отомстить мне. Она решила, что произошло именно то, чего она всегда так страшилась, и ушла в себя. Бетси Кэллингхем, Уродина, занявшаяся с горя благотворительностью, снова проиграла.

Едва закончился обед, она поднялась и сказала:

— Извини, но я должна пойти прилечь, у меня голова раскалывается.— Она заставила себя улыбнуться.— Не лучше ли сейчас же позвонить Трэнту и подготовить его к завтрашнему разговору с Рикки? О детском садике не беспокойся. Завтра я туда позвоню и предупрежу, что Рикки не придет.

Бетси вышла из комнаты. Мне хотелось броситься вслед за ней, схватить в объятия и крикнуть: «Забудем об Анжелике! Я не стану впутывать Рикки в эту историю. Пусть все идет своим чередом...» Но я не мог так поступить, да и Бетси не согласилась бы на это. Выбор сделан, и пути назад не было.

Я позвонил в главное полицейское управление, но Трэнта не застал. Дежурный посоветовал позвонить в отделение полиции, но лейтенанта не оказалось и там, однако, когда я назвался, мне дали номер его домашнего телефона. Не знаю почему, но мне казалось невероятным, что у Трэнта есть квартира и личная жизнь, как у всех остальных. К телефону подошел сам Трэнт. Он выслушал меня молча.

— Надеюсь, мистер Гардинг,— сказал он, когда я кончил,— вы отдаете себе отчет в своем поступке? Если районный прокурор найдет нужным продолжать дело, вашему сыну придется давать показания в суде.

— Понимаю.

Трэнт помолчал, потом голосом, который показался мне усталым, произнес:

— Что ж, привозите его завтра утром на Сентр-стрит. Девять тридцать вас устроит?

— Да.

— Спокойной ночи, мистер Гардинг.

Некоторое время я торчал в гостиной, страшась войти в спальню, но в конце концов промедление стало невыносимым, и я решился. Бетси не выключила ночник с моей стороны постели. Бледная и осунувшаяся, она лежала с закрытыми глазами, но я знал, что она не спит. Я разделся в ванной, выключил свет и лег. Отныне нас разделяла пропасть, и все же, поддаваясь порыву, я протянул руку и коснулся Бетси.

— Нет, нет! — вздрогнув, яростно воскликнула она и отодвинулась.

Я полежал еще несколько минут, испытывая такое же, наверно, напряжение и страдая так же, как она, потом встал и ушел в комнату для гостей. Ворочаясь без сна, я пытался убедить себя, что все кончится хорошо. Как только Рикки расскажет в полиции, что в ту ночь он действительно видел «маму Анжелику» у своей кроватки, и как только выяснится, что я поступил правильно, мне удастся снова сделать Бетси счастливой. Я устроюсь на другую работу. Элин мы уволим, переедем в маленькую квартиру, начнем новую жизнь, и я буду отдавать Бетси не меньше, чем брать у нее.

Однако из головы у меня не выходил Рикки. Я словно наяву видел, как он сидит, сжавшись в комочек, в кресле для свидетелей, а напротив, на скамье для подсудимых, сидит его мать. Потом я уснул, и мне приснилась Анжелика. С сияющим лицом, протягивая руки, она шла мне навстречу. «Ведь не зря же я тебя полюбила...»

Я проснулся в восемь часов. Бетси уже не оказалось в спальне. Я оделся и прошел в детскую, намереваясь сказать Элин, что мне нужно поговорить с Рикки с глазу на глаз. Но я не успел ничего сказать: увидев меня, Элин сейчас же выскочила из комнаты. Рикки уже позавтракал и сидел у стола, болтая ногами. Я чувствовал себя палачом.

— Привет! — сказал я.— Мы сейчас поедем к одному дяде, и ты расскажешь ему о своей другой маме.

— А почему?

— Потому что он хочет знать.

— Когда мы поедем?

— Сейчас же.

— Но мне пора в садик!

— Сегодня ты туда не пойдешь. Пожалуй, не плохо разок не сходить в садик, а?

— Плохо.

Никаких других аргументов против совместной поездки у Рикки не нашлось, и он удостоил меня благосклонным согласием. Я помог ему надеть пальто. Мы уже шли к двери, когда он спросил:

— А мама? Она тоже едет с нами?

— Нет, мы поедем вдвоем.

— А почему?

— У нее есть другие дела.

— И у меня есть. Мне нужно идти в садик, а я еду с тобой. Можно мне взять с собой ламу?

— Можно.

Он сбегал в детскую и тут же вернулся с игрушечной ламой в руках.

В такси я снова спросил его об Анжелике, и он повторил свой рассказ точно так же, как и накануне. Рикки понял, что один человек хочет кое о чем расспросить его, но не интересовался зачем, а когда мы приехали на Сентр-стрит, даже не спросил, где мы находимся.

— Пап, да тут, наверно, сто полицейских!

— Возможно.

— Здесь можно ничего не бояться.

— Наверно.

Дежурный полицейский провел нас по коридорам в уже знакомую мне мрачную комнату. Крепко вцепившись в ламу, Рикки вскарабкался на деревянный стул. Вскоре вошел Трэнт, невозмутимый, серьезный и необычно деловитый. Он, видимо, не имел опыта обращения с детьми и потому чувствовал себя не совсем уверенно. Мне всегда казалось, что он знает, как надо обращаться с нем и с чем угодно, и потому, глядя сейчас на него, я испытывал известное удовлетворение.

— Рикки, отец говорил тебе, зачем ты нам понадобился?

— Говорил.

— Я хочу попросить тебя ответить на несколько вопросов.

— Знаю.

— Так вот, скажи: твой отец как-то ночью приводил женщину, чтобы она взглянула на тебя в постели?

— Приводил. Это была моя первая мама — та, которая на картинке.

— Ты спал, когда они вошли к тебе?

— Они вошли, а я проснулся. Правда, пап?

— Правда.

— А может, ты видел это во сне?

— Во сне? — переспросил Рикки.— Нет, нет, дядя! Во сне я вижу слонов, лам, белочек...

Мне показалось, что Трэнт чуть заволновался.

— А ты знаешь, в какое время твой отец и эта женщина пришли к тебе в комнату?

— В два часа. Все дети спят в два часа, и я всегда спал, а тогда проснулся и знаю, что было два часа, потому что кукушка выходила два раза. Кукушка сама красная, а домик у нее зеленый, с окошечками и дверцей, правда, пап?

— Да,— подтвердил я, не сводя глаз с лица Трэнта.

— А в какой же день это было?

— Когда у меня выдернули зуб.— Рикки внимательно наблюдал за Трэнтом, выглядывая из-за головы ламы.— Зуб был такой большой, и я сказал об этом своей другой маме, но она ничего не ответила и ушла. Правда, пап?

— Да.

Я повернулся к Трэнту.

— Можете позвонить зубному врачу и уточнить день, когда к нему приводили Рикки.

Трэнт продолжал сидеть, посматривая на Рикки.

— Ты кому-нибудь рассказывал об этом?

— Рассказывал. Я все рассказал Элин. Я ее спросил, почему та, другая мама больше не моя мама и почему она с нами не живет. А Элин говорит: у тебя теперь новая мама, она лучше старой, и мальчику нужна только одна мама.

Он рассказывал Элин! Этого я не знал. Слова Рикки усиливали мои показания, окончательно разоблачали Элин как лжесвидетельницу. Я взглянул на Трэнта, но он, как всегда, и бровью не повел.

— Если ты опять увидишь эту женщину, ты ее узнаешь? — спросил он.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—10.

— Узнаю. А вы!

Трэнт неожиданно встал, поднял Рикки со стула и сказал:

— Пойдем-ка со мной.— Не глядя на меня, он добавил: — Вы тоже можете пойти, мистер Гардинг, если хотите.

Мы прошли в другую комнату, побольше. Трэнт отдал распоряжение находившемуся здесь полицейскому, тот вышел и вскоре привел Анжелику и четырех других женщин. Трэнт проделал свой опыт довольно тонко: все женщины оказались брюнетками, примерно того же роста и возраста, что и Анжелика, и почти одинаково одеты. Полицейский поставил их у стены. Анжелика не смотрела ни на меня, ни на Рикки.

— Скажи, Рикки, есть здесь та женщина?

Рикки не колеблясь подбежал к Анжелике и поздоровался с ней. Анжелика нагнулась и подняла его.

— Милый! — прошептала она.

Рикки показал ей свою ламу.

— Это лама. Ламы водятся в Перу. Она может плюнуть человеку прямо в глаз. Не эта — настоящая.

Предвкушая свой триумф, я повернулся к Трэнту.

— Ну?

Он кивнул полицейскому, и по знаку последнего женщины стали одна за другой выходить из комнаты. Анжелика спустила Рикки на пол.

— Ты тоже уходишь? — спросил он.

— Да.

— До свидания!

Анжелика вышла вслед за другими женщинами, а Трэнт, Рикки и я направились в комнату, где за столами сидели несколько детективов.

— Подожди здесь немного,— сказал Трэнт Рикки.— Мне нужно поговорить с твоим отцом.

Лейтенант провел меня в комнату, в которой он расспрашивал Рикки, и уселся за простой деревянный стол. Пока все шло хорошо, и мои надежды крепли с каждой минутой. Анжелика была опознана в присутствии свидетелей, и этого, несомненно, достаточно для ее освобождения. Возможно, Рикки и не придется появляться в суде, что так пугало Бетси и послужило одной из причин нашей ссоры.

Трэнт взглянул на меня и чуть заметно усмехнулся.

— Что ж, мистер Гардинг, должен перед вами извиниться.

— Теперь вы мне верите?

— Да. Верю, что в два часа, в ночь убийства, мисс Робертс была у вас на квартире.

— С помощью Рикки мы можем теперь доказать, что Элин лжет, так?

— Вероятно.

— Следовательно, все ясно и вы можете освободить Анжелику?

Улыбка исчезла с лица Трэнта.

— Сегодня утром мне позвонил районный прокурор и сообщил, что судебный процесс начнется ровно через неделю.

Я с гневом взглянул на Трэнта.

— Но вы же знаете правду! Бог мой, неужели начальство так запугало вас? А может, это мистер Кэллингхем так застращал ваших начальников?

— Мистер Кэллингхем уже много раз разговаривал с начальником полиции и с районным прокурором. Он заявил, что вы опасный неврастеник, что вы буквально помешались на мысли отомстить ему за то, что он выгнал вас из фирмы как абсолютную бездарность. Он может назвать врачей-психиатров, готовых под присягой показать, что нельзя верить ни одному вашему слову. Да, мистер Кэллингхем оказывает систематическое давление на мое начальство, но...— Трэнт на секунду остановился,— но дело не только в этом. Вчера вечером, после вашего звонка, мне удалось выяснить еще одно обстоятельство.

Определяя примерное время смерти Лэмба между половиной второго и половиной третьего, судебно-полицейский врач учитывал тот факт, что тело было найдено около очень накаленного радиатора центрального парового отопления. Вчера вечером, после того как вы позвонили, я понял, что ваши показания могут подтвердить алиби мисс Робертс, если убийство действительно произошло в два часа ночи. Но вот что странно, тут же подумал я: почему радиаторы парового отопления оказались такими горячими в четыре часа утра? Ведь обычно в такое время пламя в топке едва-едва поддерживается.

Он помолчал, потом заговорил снова:

— Я еще раз просмотрел все дело и установил, что никто не удосужился допросить дворника. Пришлось заняться этим самому. Как оказалось, в ночь убийства дворник был в гостях у своей дочери и вернулся домой около половины четвертого утра. Будучи человеком старательным, он сразу же пошел проверять топку, обнаружил, что она погасла уже несколько часов назад, и снова разжег ее. Вот почему радиаторы отопления и оказались такими нагретыми к тому времени, когда полицейские обнаружили тело Лэмба. Прикиньте сами, и вы убедитесь, что еще примерно за полчаса до прибытия полиции радиаторы, а следовательно, и квартира были совершенно холодными. Это полностью меняет дело. Я немедленно связался с судебно-полицейским врачом, и он без колебаний отнес приблизительное время наступления смерти на час-два назад. Итак, мистер Лэмб был, очевидно, убит не ранее половины двенадцатого и не позднее часа ночи. Районный прокурор ознакомился с вашим заявлением и с показаниями мисс Робертс, однако в свете новых данных медицинской экспертизы он, естественно, пришел к выводу, что ваши показания ничего изменить не могут, даже если соответствуют действительности. Алиби, подтверждающее непричастность к преступлению, совершенному в два часа ночи, теряет всякое значение, если в действительности преступление совершено на два часа раньше.

Мне казалось, что на меня рушатся стены.

— Позвольте, но ведь Анжелика звонила мне в двенадцать часов ночи из аптеки, недалеко от моей квартиры! Перед этим она прошла пятьдесят кварталов. В половине двенадцатого она никак не могла находиться даже где-то поблизости от квартиры Лэмба.

— Это по вашим словам, мистер Гардинг, и вполне возможно, что то же самое вам сказала сама мисс Робертс. Но есть ли у вас доказательства, что она приехала к вам не на такси? Думаю, вы и сами теперь понимаете, что ваши показания теряют всякий смысл. Жаль, но ничего не поделаешь. Вы сделали все, что в ваших силах, но...— Трэнт уставился на свои руки с той бесцельной сосредоточенностью, которая бросилась мне в глаза еще при первой встрече с ним.— Нам нужно обсудить кое-что. Районный прокурор и начальник полиции поручили мне переговорить с вами, и я польщен доверием, которое они ко мне питают. Оказывается, только от вас зависит, какой характер примет судебный процесс. Он может развиваться в двух возможных направлениях, но в каком именно, должны выбрать вы сами.— Серые глаза Трэнта, выражавшие твердую решимость, остановились на моем лице.— Вопервых, вы вольны, разумеется, продолжать свои попытки спасти мисс Робертс — никто не посмеет вам препятствовать. Я лишь возьму на себя смелость изложить весьма вероятные

последствия такого решения. Конечно, нам придется отказаться от всяких усилий замять причастность к делу мисс Кэллингхем. Все всплывет наружу, газеты поднимут невероятный шум, пух полетит во все стороны. Процесс начнется строго в назначенное время. Вы и ваш сынишка будете основными свидетелями защиты. Я понимаю, как тяжело отразится на ребенке уголовный процесс над его родной матерью, обвиняемой в убийстве, но поскольку он ваш единственный свидетель, защите, видимо, придется использовать и его показания, хотя вообще-то их недостаточно. Затем вы начнете утверждать, что мисс Робертс пришла к вам на квартиру часов в двенадцать, предварительно пройдя пешком около пятидесяти кварталов, да еще с чемоданом. Доказательств у вас никаких нет, и вам придется полагаться лишь на свое красноречие, чтобы обратить присяжных заседателей в свою веру.

Трэнт снова взглянул на свои руки.

— Откровенно говоря, мистер Гардинг, не думаю, что вам придется легко. Прокурор, конечно, использует мистера Кэллингхема, чтобы скомпрометировать ваши показания, а мистер Кэллингхем, несомненно, не пожалеет своих миллионов, лишь бы отомстить вам. Но тем дело не ограничится. Как только выяснится, что никакого алиби мисс Кэллингхем не существует, у мисс Ходжкинс отпадут причины упорствовать в своей лжи. Если вы сошлетесь на Рикки, мистер Кэллингхем потребует допросить мисс Ходжкинс, и она покажет, что спустя несколько часов после убийства застала вас обнимающим мисс Робертс. Вас тут же заклеймят как неверного мужа, а когда станет известным ваше поведение после убийства Лэмба, все поймут, что вы безумно любите свою первую жену и отчаянно пытаетесь ее спасти. Возможно, прокурор даже сумеет убедить присяжных заседателей, что вы соучастник преступления и заранее условились с мисс Робертс, что сразу же после убийства она приедет к вам и тем самым создаст себе алиби. Государственный обвинитель, безусловно, внушит присяжным, что мисс Робертс ничего не стоило использовать в своих интересах столь влюбленного в нее человека. Можете продолжать свои усилия, мистер Гардинг, но должен сказать, что ваши возможности помочь бывшей жене равны нулю. Я уже говорил, какую тяжелую травму получит ваш сын. Что же касается вашей супруги, то вы и без меня понимаете, сколько унижений придется ей перенести. Наконец, много, очень много времени должно будет пройти после процесса, прежде чем вы сможете найти себе какую-нибудь работу.

Трэнт говорил так тихо, что я с трудом разбирал его слова.

— Все это неизбежно, мистер Гардинг, если вы изберете первый путь. Но есть и второй, гораздо проще. Вы признаете свое поражение. Ни вы, ни ваш сын на процессе не выступаете. О похождениях мисс Кэллингхем никто ничего не узнает. Мы не станем привлекать вас к ответственности. Если вы согласитесь, мистер Кэллингхем, насколько мне известно, готов предоставить вам прежний пост в его фирме или, по вашему усмотрению, гарантирует такую же работу в другой фирме.— Трэнт снова посмотрел мне в глаза.— Вот о чем районный прокурор и начальник полиции поручили мне переговорить с вами. Мы далеки от мысли оказывать на вас давление — решайте сами. Но мы хотим знать ваше решение. Районный прокурор и начальник полиции находятся сейчас в прокуратуре, я должен им позвонить и сообщить ваш ответ.

Я выслушал Трэнта до конца, но в этом не было необходимости. Как только он сообщил, что Лэмб вопреки первоначальному предположению убит в другое время, я сразу подумал, что Анжелика могла сказать мне неправду. Возможно, она и в самом деле воспользовалась такси; возможно, она специально позвонила мне, чтобы потом использовать это для подтверждения своего алиби. Может, я сломал свою карьеру и мучил жену только потому, что оказался легковерным болваном, послушным орудием в руках убийцы? Я погрузился в мрачное уныние, и постепенно мною овладел величайший соблазн. У меня все еще был выход из положения, пусть унизительный. Ч. Д. сулил мне крупную взятку. Если я решу, что Анжелика виновна, мне предлагали снова зажить так, будто ничего не произошло.

Но тут к моим мучительным размышлениям прибавилось нечто новое: гнев. Я сидел напротив Трэнта и чувствовал, как меня охватывает гнев против Ч. Д. за его наглую уверенность, что ему удастся купить меня, против Трэнта с его мнимой нейтральностью, против Бетси за то давление, которое оказывала на меня мысль об ее страданиях. Мне осточертело быть игрушкой, которой распоряжались все, кому не лень. Довольно! Теперь я сам буду решать, что нужно делать и как поступать. К черту заключение медицинской экспертизы! К черту прозрачные намеки и совершенно недвусмысленное предупреждение Трэнта о последствиях моего упрямства! Им не удастся внушить мне сомнения в невиновности Анжелики. Разве после своего ареста она не делала все от нее зависящее, чтобы выгородить меня? Если она действительно виновна и в ту ночь пришла ко мне, чтобы обеспечить себе алиби, почему же она не воспользовалась им?

— Можно повидать Анжелику? — спросил я.

— Конечно.— Трэнт поднялся.— Я знал, что вы захотите ее увидеть. Она здесь.— Лейтенант подошел к двери, около которой стоял полицейский.— Проводите мистера Гардинга к мисс Робертс.

Полицейский отвел меня в соседнюю комнату и закрыл дверь. Анжелика сидела одна. Она осунулась и показалась мне какой-то потускневшей.

— Тебе сообщили, что врач теперь несколько иначе определяет время убийства? — спросила она.

— Да.

— В таком случае ты уже ничем не сможешь мне помочь. Нужно быть сумасшедшим, чтобы после этого выступать на суде.

Как бы я хотел вдруг почувствовать, что Анжелика совсем безразлична мне — тогда все стало бы простым и легким. Но нет. Я ведь знал, что мои переживания не могут идти ни в какое сравнение с тем, что переживает она. Если бы Анжелика сослалась на меня во время допроса в Клэнстоне, она, возможно, не сидела бы сейчас здесь. Это я виноват в том, что, запертая в одиночке, она изо дня в день со смертельным страхом наблюдает, как сгущаются тучи. И даже в такие критические минуты она прежде всего думала обо мне. Ну, хорошо. Она любила меня, или думала, что любит, или считает, что я по-прежнему ее люблю. В конце концов какое это имеет значение? Трогательно, не больше. Но все равно надо быть чудовищем, чтобы не испытывать к ней благодарности.

— Ты не убивала его?

— Нет, Биль.

— Ты шла ко мне пешком все эти пятьдесят кварталов?

— Да. У меня не было денег, всего десятицентовая монета.

Я смотрел на Анжелику и думал: к чему эти расспросы? Ведь я знаю ее лучше, чем успел узнать Бетси. В свое время я был самым близким ей человеком, хотя потом наши пути разошлись. Я знал ее слабые стороны: ее увлекающуюся, романтическую натуру, ее беспомощность, упрямство, непрактичность, чем она напоминала отца. Но я знал и ее сильные стороны. Мстительность была совершенно ей чужда. Она не могла бы убить человека, которому надоела. И внезапно все утверждения районного прокурора и все иезуитские рассуждения лейтенанта Трэнта показались мне несусветной чушью.

— Я и Рикки обязательно выступим на суде,— заявил я.

— Но, Биль...

— Я не могу наблюдать со стороны, как будут судить невиновного. К черту прокуратуру и полицию! Пусть они попробуют доказать твою виновность.— Под влиянием гнева мне в голову пришла новая мысль.— Но я сделаю еще кое-что. Я сам найду преступника. Кто-то же совершил преступление, хотя, как видно, подобная «мелочь» никого не интересует. Если я найду преступника, ни мне, ни тебе не придется выступать на суде, да и суда над тобой не будет.

Анжелика стояла передо мной вялая и апатичная, словно силы окончательно покинули ее. Несчастная и беззащитная, она чем-то напомнила мне Рикки. Все кричали мне, что я не должен травмировать Рикки, обрекать на мучения, связанные с его появлением на суде. Но почему никто не побеспокоился об его матери?

— Да, да найду! Не беспокойся. Мы еще докажем свою правоту!

Вернувшись к Трэнту, я сообщил ему о своем решении выступить на процессе. Он выслушал меня и не стал разубеждать, но на его лице появилась обычная невозмутимая, ничего не выражающая улыбка.

— А знаете, я так и думал. Я позвоню прокурору и скажу о вашем решении. Мы не будем вас особенно беспокоить. Поддерживайте контакт с защитником мисс Робертс. Его фамилия — Мангвайр. Прекрасный адвокат.— Он вынул из кармана визитную карточку и передал мне.— Вот его адрес. Советую сейчас же связаться с ним, время дорого.

Трэнт встал.

— Надеюсь, вы найдете комнату, где вас ожидает сынишка?

Я почти не слышал его слов, представляя себе лицо Бетси в ту минуту, когда я сообщу ей, на какие мучения обрекаю ее. Потом я сообразил, что Трэнт, как обычно, протягивает мне руку.

— Пока, лейтенант.

— До свидания.— На мгновение маска официальности спала с его лица, и он показался мне почти человеком, а его улыбка — почти человеческой.

— Воображаю, как взбесится прокурор! — воскликнул он.— Знаете, что я скажу вам, мистер Гардинг? Вы парень что надо!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Решение любой ценой добиться отмены суда над Анжеликой я принял под влиянием минуты, в порыве охватившего меня гнева. Но на пути домой, мрачно размышляя о предстоящем объяснении с Бетси, я все больше приходил к выводу, что лучшим выходом из положения действительно было бы найти убийцу. Так ли уж это невозможно? Я не забыл, что в тот вечер Джейми назначил кому-то свидание, хотя Трэнт небрежно отмахнулся от этого немаловажного обстоятельства. Возможно, чета Браунов могла бы сообщить что-нибудь интересное. Трэнт, правда, допрашивал их, но из-за предвзятого подхода к делу мог упустить в показаниях супругов какую-нибудь мелочь, весьма существенную для раскрытия тайны убийства. Кое-что, не исключено, можно будет дополнительно выудить у Дэфни, если только она согласится разговаривать со мной после всего того, что я предпринял против нее и Ч. Д. Я хватался за эти рассуждения, как утопающий за соломинку. Нужно найти убийцу Лэмба! Тогда процесс не состоится, и Бетси будет избавлена от унижения.

Бетси дома не оказалось, хотя я почему-то думал, что она не поедет в такой день в канцелярию фонда. Что ж, это давало мне маленькую передышку. Я отправился к Мангвайру и провел у него около часа. Он был молод, приветлив и, очевидно, не глуп. К его энтузиазму примешивался тщательно скрываемый скептицизм, с которым он отнесся к моему решению выступить на процессе в качестве свидетеля защиты. Однако его улыбка стала откровенно насмешливой, как только я сказал, что намерен найти убийцу и рассчитываю на его помощь.

— Мистер Гардинг, я делаю все от меня зависящее и буду продолжать свои усилия. Не вижу причин, почему бы и вам не делать соответствующих попыток. Но взять на себя роль сыщика-любителя... Простите, так бывает только в детективных романах. Искать преступников — дело полиции. Не следует недооценивать Трэнта. Какое бы решение ни приняли его начальники, они не смогут на него повлиять, он доведет расследование до конца. Трэнт наиболее способный следователь в уголовной полиции нашего города. Мы вместе кончали Принстонский университет. Ему можно доверять.

Доверять Трэнту только потому, что он учился вместе с Мангвайром! Вот почему лейтенант умеет так искусно притворяться и лицемерить — недаром он принадлежал к пресловутой «золотой молодежи»! Я взглянул Мангвайру в глаза, смотревшие на меня с профессиональной снисходительностью, и понял, что нечего ждать от него помощи. Взяв у адвоката адрес Браунов, я поехал к ним.

Самого Брауна дома не оказалось, меня встретила его супруга — маленькая хорошенькая блондинка. Я объяснил ей, что Анжелика была когда-то моей женой, чем сразу расположил миссис Браун к себе. Однако ничего нового она не рассказала — все то же самое, что Трэнт сообщил с ее слов мне и Кэллингхемам.

— И больше вам на память ничего не приходит?

— Как вам сказать... Мы с мужем до сих пор говорим об этом. Уверены, что у Джейми было назначено свидание, причем оно имело какое-то отношение к деньгам.

— К деньгам?

— Да. Вы понимаете... За все время Джейми ни цента не уплатил нам за квартиру — она принадлежит моей матери. Деньги небольшие, и не в них дело, мы с мужем иногда даже подшучивали над молодым человеком по этому поводу. Джейми нам нравился. В тот вечер мы пригласили его поехать к нашим знакомым, но он отказался, сославшись на какое-то свидание, и добавил: «Не соблазняйте, не то ваша мамаша никогда вас не простит!» Он говорил, как нам теперь кажется, о квартирной плате, намекая, что после свидания у него появятся деньги.

Вряд ли сообщение миссис Браун можно было назвать существенным, но ничего другого она сказать не могла. Она пожелала мне удачи, и на том мы распрощались.

Не зная, что делать дальше, я позвонил Дэфни.

На звонок ответил Генри, и я понял, как он удивился, когда услышал мое имя. Потом наступила моя очередь удивляться, так как Дэфни все же подошла к телефону.

— Биль, да у тебя прямо-таки железные нервы! Все тут у нас относятся к тебе, как к прокаженному.

— Извини, Дэфни. Я не хотел портить твое алиби.

— И все же испортил, так? Полицейские сообщения летят к папочке, как пулеметные очереди. Согласно последним данным, ты собираешься выступить на процессе и обнажить свою грудь, а заодно папкину и мою — на радость газетчикам. Вся Америка узнает падшее создание Дэфни Кэллингхем.— Она хихикнула.— Если ты разойдешься, тебя не остановить, правда?

В прошлом легкомыслие Дэфни не раз меня коробило. Теперь я готов был обожать ее за это.

— Мне нужно повидать тебя. Ты могла бы выйти и встретиться со мной?

— Конечно, милый! Теперь ты мой единственный любимчик. Не представляю, почему ты женился на Бетси, а не на мне! Где мы встретимся? В каком-нибудь шикарном местечке, где я могла бы выпить шампанского в твою честь.

Я назвал фешенебельный контейль-холл недалеко от ее квартиры — она любила в нем бывать — и приехал туда первым. Вскоре появилась улыбающаяся Дэфни в норковом манто. Как только нам принесли шампанское, она предложила тост:

— В честь единственного человека, осмелившегося возражать папе! Да здравствует предстоящий скандал! Жду не дождусь, когда он разразится. Как, по-твоему, когда меня начнут поносить в газетах? Чем я могу тебе помочь? Я твоя союзница, дорогой. Храбрая дева, остающаяся верной своему обреченному герою, которого все покинули,— вот кто я!

В улыбке Дэфни я увидел искреннюю симпатию, что удивило и тронуло меня. Я рассказал ей о своем намерении не допустить слушания дела и высказал предположение, что Джейми отвез ее на квартиру Анжелики и бросил там только потому, что у него на квартире было назначено другое свидание. Дэфни внимательно выслушала меня и заявила, что я, по всей вероятности, не ошибаюсь.

— Правда, к тому времени я проглотила столько мартини, что ничего подозрительного в его поведении не заметила.

— Может, ты хотя бы догадываешься, с кем он хотел встретиться?

— Увы! Джейми был беспардонным лжецом. Он постоянно твердил, что в Нью-Йорке у него нет ни одной знакомой души, за исключением Проп.

— Проп?

— Ты же знаешь, Джейми и Проп вместе выросли в Калифорнии, потом надолго поте-

Антонис ван Дейк. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ В ШУБЕ.

Антонис ван Дейк.

ПОРТРЕТ ДАМЫ.

ряли друг друга из виду, встретились только у вас и с тех пор видились постоянно.
— Это еще зачем?
— Не знаю. Он как-то говорил, что пытается через нее получить работу или что-то там еще.
— Работу?
— Ну, не совсем работу, а что-то вроде...— Дэфни ухмыльнулась.— Ты, пожалуйста, не думай ничего дурного. Романа у них не было, абсолютно уверена.
Глаза у нее как-то странно заблестели.
— Почему это ты «абсолютно уверена»?
— Потому что знаю.— Дэфни задумчиво посмотрела на меня.— А впрочем, почему бы и не открыть тебе глаза? Папка так плохо о тебе отзывается, грозит такими страшными карами, что и сказать боюсь. А чем ты можешь защищаться? Ничем, бедненький ты мой, кроме голых кулаков! — Она перегнулась через стол и похлопала меня по руке.— Если я тебе кое-что расскажу, обещаешь ничего не передавать Бетси, пока очень уж не приспичит? Бедняжка Бетси! Возводит папку на пьедестал, а почему, только небесам известно. Ее сразу кондрашка хватит, если ты хотя бы намекнешь ей. Так обещаешь?
— Обещаю,— кивнул я, ничего пока не понимая.
— Уже много лет я прямо умираю от желания расстаться с этим секретом, да все духу не хватало.— Дэфни подняла бокал с шампанским, словно собиралась провозгласить тост.— Ты спрашиваешь, почему у Джейми не было романа с Проп? Да потому, что у Проп ни с кем не может быть романа, она изъята из обращения. Она постельная принадлежность отца!
Пока я приходил в себя, Дэфни спокойно продолжала:
— Я узнала об этом случайно — на яхте, когда была совсем девчонкой, перед тем, как мы встретили тебя в Портофино. Заскочила в каюту и... застала их. Я тогда была нежным маленьким цветочком и сильно переживала. Правда, недолго.— Она криво улыбнулась.— Скоро я сообразила, что мне здорово повезло. Я заставила отца сделать меня своей любимицей, держу его под каблуком и верчу им, как захочу.

Вначале я отнесся к секрету Дэфни как к типичному проявлению кэллингхемии, новым светом осветившему в моих глазах Ч. Д., Проп, Поля и самое Дэфни. Но постепенно, все больше волнуясь, я понял, что услышанная новость может иметь для меня исключительно важное значение.

— И связь все еще продолжается?
— Да, да, только в строжайшей тайне. Они встречаются раза два в неделю, во второй половине дня, когда Поль на службе. Своего рода ритуал. Отец знает, что мне известен его «роман», но мы никогда не затрагиваем эту тему. Время от времени я получаю в подарок то моторную лодку, то другую игрушку, и какой-то срок совесть его не мучает. Конечно, он еще любит меня, так что я могу играть сразу на двух струнах — на его совести и на его любви. Беспроигрышная лотерея!
Я совсем разволновался.
— Скажи, когда ты пришла к Джейми со своим сумасшедшим планом, он не сказал тебе, что беспокоиться не о чем, что свадьба все равно состоится, что через неделю твой папенька будет у него как шелковый? Может, он возражал против твоего плана по той простой причине, что имел какой-то свой план?
В глазах Дэфни промелькнул страх.
— Ты думаешь, Джейми разнюхал все у Проп и собирался, шантажируя отца, получить у него согласие на наш брак? Биль, ты понимаешь, куда это может нас завести?
— Вот именно, куда?
— Но я и подумать не могла... Что ты намерен предпринять?
— Позвонить Проп.
Я вышел из-за столика и позвонил из кабины телефона-автомата на квартиру Поля. Проп оказалась дома.
— Пожалуйста, Биль, приезжай,— ответила она.— Я страшно скучаю. Телевидение... Почему люди не изобретут что-нибудь поинтереснее?
Я вернулся к Дэфни.
— Ты сказала мне правду?
— Да, Биль.
— И ты не возражаешь, если я ею воспользуюсь?
Она кивнула.
— Не возражаю. У тебя нет иного выхода. Я понимаю. Но прошу тебя, будь осторожен, очень осторожен.
— Еду к Проп.— Я хотел подозвать официанта, но Дэфни меня остановила. Страх ее не прошел, но она уже улыбалась.
— Ты же теперь безработный и вовсе не обязан поить меня шампанским. Не беспокойся обо мне, я побуду здесь. Собираюсь начать свою новую карьеру в качестве «Очаровательной падшей мисс К.» с того, что наклюкаюсь в общественном месте. По-моему, совсем неплохо, а?
Я стоял, не сводя с нее глаз, и думал, как мало я знал Дэфни Кэллингхем и как много мне предстоит узнать. Потом я нагнулся и поцеловал ее.
— Ты ангел!
— Напротив, я самая настоящая стерва, и ты это прекрасно знаешь. Скажешь мне потом, какие новые неприятности раскопаешь для меня, ладно? Я их теперь коллекционирую, как другие коллекционируют табакерки и пресс-папье.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

Виктор ПЕТЕЛИН,
кандидат филологических наук

М. А. Булгаков и «Дни Турбиных»

О Михаиле Булгакове в последние годы много говорили и спорили. Это закономерно. Публикация его «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», избранных драматических и прозаических произведений дала еще более широкое представление об этом большом и своеобразном художнике.

Вслед за этим возрос естественный интерес к личности самого М. А. Булгакова, к фактам его творческой биографии. И хорошо, что многие из тех, кто знал писателя, спешат поделиться своими воспоминаниями о нем.

В творческой жизни М. Булгакова был один не совсем обычный для него эпизод, который не случайно привлекает внимание мемуаристов.

7 февраля 1927 года в театре Вс. Мейерхольда состоялся диспут по поводу постановок пьес «Дни Турбиных» М. Булгакова и «Любовь Яровая» К. Тренева. На диспуте взял слово Михаил Булгаков, никогда ранее публично не выступавший.

Об этом выступлении рассказывают Эм. Миндлин и С. Ермолинский.

В «Нашем современнике» (1967, № 2) опубликованы воспоминания Э. Миндлина «Молодой Михаил Булгаков», вошедшие затем в его книгу «Необыкновенные собеседники», изданную «Советским писателем». Вспоминая о шумной и очень нелегкой славе М. Булгакова после постановки «Дней Турбиных», Э. Миндлин говорит о негодующих статьях, появлявшихся тогда чуть ли не ежедневно на страницах газет, журналов. Автор правильно характеризует общий тон этих публикаций. Верно и то, что «более других неистовствовал видный в Москве журналист Орлинский. В короткий срок этот человек прославился своими фанатичными выступлениями против Булгакова и его пьесы «Дни Турбиных».

Но вот как Э. Миндлин запомнил подробности поведения Михаила Булгакова на этом диспуте и, главное, выступление, с которым писатель якобы обратился к президиуму собрания:

«Он (то есть Булгаков.— В. П.) медленно, преисполненный собственного достоинства, проследовал через весь зал и с высоко поднятой головой взошел по мосткам на сцену. За столом президиума уже сидели готовые к атаке ораторы и среди них — на председательском месте «сам» Орлинский. Михаил Афанасьевич приблизился к столу президиума, на мгновение застыл, с видимым интересом вглядываясь в физиономию Орлинского, очень деловито, дотошно ее рассмотрел и при неслыханной тишине в зале сказал:
— Покорнейше благодарю за доставленное удовольствие. Я пришел сюда только затем, чтобы посмотреть, что это за товарищ Орлинский, который с таким прилежанием занимается моей скромной особой и с такой злобой травит меня на протяжении многих месяцев. Наконец-то я увидел живого Орлинского, получил представление. Я удовлетворен. Благодарю вас. Честь имею.
И с гордо поднятой головой, не торопясь, спустился со сцены в зал и с видом человека, достигшего своей цели, направился к выходу при оглушительном молчании публики. Шум поднялся, когда Булгакова уже не было в зале».

С. Ермолинский («Театр», 1966, № 9) утверждает, что он слышал М. Булгакова на этом диспуте в 1926 году. Диспут же состоялся 7 февраля 1927 года.

«Возбужденный и нервный,— пишет С. Ермолинский,—...он выкрикивал: «Я рад, что наконец вас увидел! Увидел наконец! Почему я должен слушать про себя небылицы? И это говорится тысячам людей, а я должен молчать и не могу защищаться!»... Взмахнув рукой, все такой же встревоженный, такой же нервный, с порозовевшим лицом, он исчез. В зале царило молчание. Ни одного хлопка. Ни единого возгласа. Какая-то странная тишина, которую сразу нарушить было почему-то неловко».

Как видим, по-разному вспоминают о М. Булгакове на этом диспуте разные люди. И все же в воспоминаниях Э. Миндлина и С. Ермолинского верно одно: М. Булгаков действительно выступил на диспуте с речью и всю ее посвятил полемике с А. Орлинским, много сделавшим для того, чтобы извратить художественный замысел драмы «Дни Турбиных». И если б случайно не сохранилась стенограмма диспута, нам пришлось бы верить мемуаристам на слово.

На самом деле все было гораздо сложнее, серьезнее, глубже. Сейчас, пожалуй, невозможно установить: медленно проследовал

М. Булгаков через весь зал или, напротив, возбужденно взлетел на сцену. Да это и неважно. Важно другое: сохранилось живое слово драматурга, запечатленное в стенограмме.

М. Булгаков — большой и яркий художник, на пути которого были взлеты и падения, были крупные художественные достижения, были и трагические неудачи.

5 октября 1926 года состоялась премьера его драмы «Дни Турбиных». За несколько месяцев до этого Михаил Булгаков принес мхатовцам первый вариант пьесы «Белая гвардия», представлявший собой «пухлый том», «и самая инсценировка, точно следуя в развитии сюжета за романом (роман «Белая гвардия» частично опубликован в журнале «Россия» в 1925 году), состояла, насколько помнится, из шестнадцати-семнадцати сцен» (П. Марков «Правда театра». Издательство «Искусство», Москва, 1965).

В последней редакции пьеса по своему художественному замыслу существенно отличалась от романа и поэтому получила самостоятельное название — «Дни Турбиных». Чисто специфически театральные и художественные соображения заставили Булгакова многое устранить и изменить в сравнении с тем, что было в романе.

И вот стенограмма диспута, о котором упоминалось выше. На нем выступали А. Луначарский, А. Орлинский, П. Юдин, П. Марков. Отмечу только несколько фактов из выступления Орлинского. Высказав, что он не может считаться с субъективными желаниями театра и что его интересует "объективное действие" спектакля, оратор заявил: «В изображении событий в пьесе белый цвет выступает настолько, что отдельные пятнышки редисочного цвета его не затушевывают», что «Турбины» «панически переименованы автором», что Булгаков якобы проявил «паническую боязнь массы», не показав ее в пьесе, а в замысле пьесы отошел от романа «Белая гвардия» и тем обеднил ее. Орлинский обвиняет М. Булгакова в «идеализации» своих персонажей: будто бы «героическим ореолом веет от этих героев»; сравнивает главного героя романа и пьесы; упрекает Булгакова в том, что в романе «Белая гвардия» историческая обстановка дана полнее: «А когда появились новые заказчики у М. Булгакова, то все социальное содержание, которое он должен был тут дать, он не дал», «автор урезал денщика, куда-то дел крестьян и рабочих» (см. об этом же статью А. Орлинского «Об одном «открытии сезона», где автор называет пьесу Булгакова «правооппортунистической и шовинистической» — «На литературном посту», 1927, стр 15—16).

Все это я привожу только для того, чтобы понятнее был смысл выступления М. Булгакова, с которым читатель познакомится ниже.

И еще об одном. В журнале «На литературном посту» было опубликовано сообщение об этом диспуте. Во многих отношениях оно характерно. Но приведу только заключительную часть сообщения:

«Автор «Дней Турбиных» Михаил Булгаков пытался защищаться и рассказывал о том, как все его «обижали», и Орлинский, и МХАТ и т. д. Он продолжил бы и дальше, но публике надоело: «Довольно личных счетов!»

В стенограмме диспута сохранилось выступление П. Маркова, бывшего в то время завлитом МХАТа. П. Марков, извинившись за то, что будет «говорить не полемически, как это бывает обыкновенно на диспутах, и, следовательно, скучно», рассказал

«о той внутренней линии, которая более всего интересна в этой пьесе и которую занимал театр, когда он над этой пьесой работал...». «Тут многие сомневаются, почему пьеса названа не «Белая гвардия», а «Дни Турбиных». Да просто потому, что этот спектакль вовсе не имел задания нарисовать в целом белую гвардию. Мы посмотрели на этот спектакль не как на изображение белой гвардии в целом, а только как на гибель семьи Турбиных».

Перед театром стояла сложная проблема: показать силу, которая приходит на смену Турбиным.

«На сцену нельзя привести весь полк солдат,— говорил П. Марков,— а нужно было показать на сцене грандиозные шаги тех, кто входит в город, грандиозные шаги тех, кто пришел, чтобы смести этих разодранных мрачным ощущением жизни белогвардейщины людей».

«Булгаков — едва ли не самый яркий представитель драматургической техники. Его талант вести интригу, держать зал в напряжении в течение всего спектакля, рисовать образы в движении и вести публику к определенной заостренной идее — совершенно исключителен»,— писал Вл. Немирович-Данченко. Булгаковым-драматургом восхищались Горький, Станиславский, Качалов, Хмелев, А. Попов, А. Таиров и другие. Возлагая большие надежды на Булгакова как на режиссера в связи с его поступлением на работу во МХАТ, К. Станиславский писал: «Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях «Турбиных». Собственно — он поставил их, по крайней мере дал те блестки, которые сверкали и создавали успех спектаклю».

Михаил Булгаков правдиво изображает гетманщину как позорную и жалкую комедию. Устами своих героев он дает понять, что петлюровское движение — это не что иное, как бандитизм. Писатель показал тупик той части русской интеллигенции, из которой состояло младшее и среднее белое офицерство, увидевшее ложность своих прежних идеалов, за которые сражались, подлость и продажность своих духовных вождей.

Потом часть офицерства продолжала двигаться в том же направлении, в отрядах той же белой гвардии, даже не пытаясь разобраться в сущности событий, примером чему является Студзинский; другая часть пыталась разобраться, понять смысл всего происходящего. Первые остались винтиками белогвардейской машины, бессмысленно катившейся против истории, против России; другие вновь осознали себя частицей всей нации, после мучительных колебаний решили связать свою судьбу с судьбой революционного народа. Они порвали со своим классом. Полковник Турбин со временем распускает дивизион, возлагая на себя всю полноту ответственности перед историей, Россией.

Около двадцати лет М. Булгаков отдал литературе и искусству. «В каждом своем шаге он сохранял принципиальность и честность. Искусство было для него большим делом,— писал о нем П. Марков.— Свои ошибки он всегда переживал очень мучительно, гораздо более глубоко и требовательно к себе, чем это могло казаться людям, которые знали его лишь поверхностно».

«Дни Турбиных» получили отрицательную оценку в прессе того времени. Многие критиковали театр за отход от «последовательно-исторического реализма», обвиняли автора в сознательном и грубо тенденциозном извращении обстановки гражданской войны на Украине, в политическом оправдании контрреволюционной борьбы белой гвардии против восставшего народа. Пришлось мхатовцам и самому Булгакову вступиться за пьесу и за спектакль. Автор вынужден был публично защищать свое право художника на свободу выбора героев, конфликта, о чем свидетельствует сохранившаяся стенограмма обсуждения спектакля. Это документ времени. Отсюда уже ничего не выбросишь, ничего здесь не изменишь.

Ниже публикуется выступление М. А. Булгакова на диспуте (см. ЦГАЛИ, ф. 2355, оп. 1, ед. хр. 5).

БУЛГАКОВ. Я прошу извинения за то, что я просил для себя слова, но, собственно, предыдущий оратор явился причиной того, что я пришел сюда на эстраду.

Предыдущий оратор сказал, что нэпманы ходят на «Дни Турбиных», чтобы поплакать, а на «Зойкину квартиру», чтобы посмеяться. Я не хочу дискутировать и ненадолго задержу ваше внимание, чтобы в чем-то убедить тов. Орлинского, но этот человек, эта личность возбуждает во мне вот уже несколько месяцев,— именно с 5 окт. 26 г., день очень хорошо для меня памятный, потому что это день премьеры «Дней Турбиных»,— возбуждает во мне желание сказать два слова. Честное слово, я никогда не видел и не читал его рецензий, в частности о моих пьесах, но у меня наконец явилось желание встретиться и сказать одну важную и простую вещь, именно,— когда критикуешь, когда разбираешь какую-нибудь вещь, можно говорить и писать все, что угодно, кроме заведомо неправильных вещей или вещей, которые пишущему совершенно неизвестны. Вот об этом просто я и хочу сказать, чтобы избавить т. Орлинского наконец от привлекательного желания в выступлениях сообщать неизвестные ему вещи и не вводить публику, которая его слушает, в заблуждение.

Дело заключается в следующем: каждый раз, как только он выступает устно или письменно по поводу моей пьесы, он сообщает что-нибудь, чего нет. Например, он здесь оговорился фразой «автор и театр панически изменили заглавие своей пьесы». Так вот относительно автора — это неправда. О театре, конечно, полностью говорить не берусь, был ли он в состоянии паники, не знаю, но твердо и совершенно уверенно могу сказать, что никакого состояния паники автор «Турбиных» не испытывал и не испытывает, и меньше всего от появления на эстраде товарища Орлинского. Я панически заглавия не менял. Мне автор «Турбиных» хорошо известен. Твердо знаю, что автор настаивал на том, чтобы было сохранено первое и основное заглавие пьесы «Белая гвардия». Изменено оно было, как известно это автору «Турбиных»,— а он имеет более или менее точные сведения,— изменено оно было по консультации с тем же автором и по соображениям чисто художественного порядка, причем автор не был согласен с этими соображениями и возражал, но театр оказался сильнее его, представивши ему доводы чисто театральные, именно, что название «Белая гвардия» пьесе не соответствует, ибо нет тех элементов, которые подразумевались в романе под этими словами. И автор в конце концов отступился и сказал: называйте, как хотите, только играйте. Это — первое. Есть одна очень важная деталь, и почему-то критик Орлинский приводит ее с уверенностью, совершенно изумительной. Эта деталь чрезвычайно характерна, как чрезвычайно характерно все, что пишет и говорит Орлинский. Эта маленькая деталь касается денщиков в пьесе, рабочих и крестьян. Скажу обо всех трех. О денщиках. Я, автор этой пьесы «Дни Турбиных», бывший в Киеве во времена гетманщины и петлюровщины, видевший белогвардейцев в Киеве изнутри за кремовыми занавесками, утверждаю, что денщиков в Киеве в то время, то есть когда происходили события в моей пьесе, нельзя было достать на вес золота. (Смех, аплодисменты.) Значит, при всем моем желании вывести этих денщиков — я вывести их не мог, хотя бы даже я и хотел их вывести. Но я скажу больше: даже если бы я вывел этого денщика, то я уверяю вас, и знаю это совершенно твердо, что я критика Орлинского не удовлетворил бы (смех, аплодисменты).

Я выступил здесь (и, конечно, не буду больше выступать) не для того, чтобы разжигать страсти, а чтобы извлечь наконец эту истину, которая мучает меня несколько месяцев. (Вернее, мучит критика Орлинского.) Я представлю очень кратко две сцены с денщиком: одну, написанную мною, другую — Орлинским. У меня она была бы так: «Василий, поставь самовар»,— это говорит Алексей Турбин. Денщик отвечает: «Слушаю»,— и денщик пропал на протяжении всей пьесы. Орлинскому нужен был другой денщик. Так вот я определяю: хороший человек Алексей Турбин отнюдь не стал бы лупить денщика или гнать его в шею — то, что было бы интересно Орлинскому. Спрашивается, зачем нужен в пьесе этот совершенно лишний, как говорил Чехов, щенок? Его нужно было утопить. И денщика я утопил. И за это я имел неприятность. Дальше Орлинский говорит о прислуге и рабочих. О прислуге. Меня довели до белого каления к октябрю месяцу — время постановки «Дней Турбиных»,— и не без участия критика Орлинского. А режиссер мне говорит: «Даешь прислугу». Я говорю: помилуйте, куда я ее дену? Ведь из пьесы при моем собственном участии выламывали громадные куски, потому что пьеса не укладывалась в размеры сцены и потому что последние трамваи идут в 12 часов. Наконец я, доведенный до белого каления, написал фразу: «А где Анюта?» — «Анюта уехала в деревню». Так вот, я хочу сказать, что это не анекдот. У меня есть экземпляр пьесы, и в нем эта фраза относительно прислуги есть. Я лично считаю ее исторической.

Последнее. О рабочих и крестьянах. Я лично видел и знаю иной фон, иные вкусы. Я видел в этот страшный 19-й год в Киеве совершенно особенный, совершенно непередаваемый и, я думаю, мало известный москвичам, особенный фон, который критику Орлинскому совершенно неизвестен. Он, очевидно, именно не уловил вкуса этой эпохи, а вкус заключался в следующем. Если бы сидеть в окружении этой власти Скоропадского, офицеров, бежавшей интеллигенции, то был бы ясен тот большевистский фон, та страшная сила, которая с Севера надвигалась на Киев и вышибла оттуда скоропадщину.

Вот в том-то и суть, что в романе легче все изобразить, там несчетное количество страниц, а в пьесе это невозможно. Автор «Дней Турбиных» лишен панического настроения, я этого автора знаю очень хорошо, автор изменил фон просто потому, что не ощущал его вкуса, тут нужно было дать только две силы,— петлюровцев и силу белогвардейцев, которые рассчитывали на Скоропадского, больше ничего, поэтому, когда стали писать критики, я собрал массу рецензий, некоторые видят под маской петлюровцев большевиков, я с совершенной откровенностью могу по совести заявить, что я мог бы великолепнейшим образом написать и большевиков и их столкновение и все-таки пьесы бы не получилось, а просто повторяю, что в намеченную автором «Турбиных» задачу входило показать только одно столкновение белогвардейцев с петлюровцами, и больше ничего.

Теперь я бы сказал еще последнее, самое важное. Сейчас критик Орлинский проделал вещь совершенно недопустимую, он взял мой роман и стал цитировать, я знаю, чтобы доказать вам, что пьеса плоха с политической точки зрения. Это совершенно очевидно и понятно, но почему он, например, заявил вам здесь, с эстрады, что, мол, Алексей Турбин, который в романе врач, в пьесе представлен в виде полковника. Действительно, в романе Алексей врач, больше того, там он более прозаичен, там он больше приближается к нэпманам, которые ко всем событиям относятся так, чтобы не уступить своих позиций, но все-таки ошибаются те, кто сознательно сообщает неправду, потому что тот, кто изображен в моей пьесе под именем полковника А. Турбина, есть не кто иной, как изображенный в романе полковник Най-Турс, ничего общего с врачом в романе не имеющий.

Значит, или т. Орлинский не читал романа, а если читал, тогда он заведомо всю аудиторию вводит в заблуждение.

Я даже, не имея перед собою текста романа, могу доказать, что это одно и то же лицо: фраза, с которой А. Турбин умирает,— это есть фраза полковника Най-Турса в романе. Это произошло опять-таки по чисто театральным и глубоко драматическим (видимо, «драматургическим».— В. П.) соображениям, два или три лица, в том числе и полковник, были соединены в одно, потому что пьеса может идти только 3 часа, до трамвая, там нельзя все дать полностью.

Так вот я и выступаю не для дискуссии, а чтобы сказать, что очень часто сообщают сведения неверные. Я ничего не имею против того, чтобы пьесу ругали как угодно, я к этому привык, но я хотел бы, чтобы сообщали точные сведения. Я утверждаю, что критик Орлинский эпохи 1918 года, которая описана в моей пьесе и в романе, абсолютно не знает.

Дальше опять-таки т. Орлинский неверно цитирует мой роман и предъявляет совершенно неприемлемые требования в отношении к пьесе в виде денщиков и прислуги и т. д. Вот приблизительно все, что я хотел сказать, больше ничего. (Аплодисменты).

Сейчас настало время трезвого, объективного анализа творческого портрета Михаила Булгакова, где не должно быть ни отсебятины, ни ложной сенсационности. М. А. Булгаков никогда не считал себя «внутренним эмигрантом», как сейчас пытаются его представить в некоторых зарубежных кругах. Все, что происходило в Советской России, кровно и глубоко интересовало его. Не все он понимал, не со всем соглашался. Он остался в России вместе с Турбиными и Мышлаевскими. Художник и гражданин, он не мог жить без России, он видел ее великие свершения и отдельные ошибки. Видел и думал о великом будущем своей Родины.

В некоторых литературных кругах подход к жизненным и литературным явлениям в то время упрощался: все окрашивалось в два цвета — красный и белый. И уже одна эта окраска все предопределяла — нравственную и моральную чистоту одних, высоту их духовных помыслов, благородство их поступков и действий и жестокость, низость, моральную деградацию других. В этих литературных кругах обрушивались и на молодого Шолохова, обвиняя его, по сути, в том, в чем и Михаила Булгакова,— в контрреволюционности. Л. Авербах, как и рапповская критика вообще, относил произведения Булгакова «к откровенно реакционным произведениям, выражающим психоидеологию новой буржуазии». Для М. Булгакова создавалась тяжелая обстановка. Известный ответ И. В. Сталина на письмо Билль-Белоцерковского, при всей его резкости и прямолинейности, в сущности, брал под защиту Булгакова от литературных налетчиков.

Сталин писал:

«...Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: «если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным,— значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь». «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма. Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?»[1]

Авербах, Гроссман-Рощин, Мустангова, Блюм, Нусинов и многие другие планомерно и сознательно травили Булгакова. За короткий срок ими было опубликовано, по свидетельству самого М. Булгакова, 298 «враждебно-ругательных» отзывов о его творчестве. Но это не устрашило М. Булгакова. Он делал аккуратные вырезки публикаций, наклеивал их в альбом или вывешивал на стены комнаты, явно издеваясь над всей шумихой недоброжелателей. Но так было не только с «Днями Турбиных», но и с «Бегом» и «Мольером». Так было не только с одним Булгаковым. Резким нападкам подвергались Шолохов, Леонов, Шишков, Есенин, Пришвин, Сергеев-Ценский, Чапыгин, то есть писатели, которые своим творчеством как бы демонстрировали неразрывную связь новой, Советской России с ее многовековой культурой. Новая Россия — наследница подлинных национальных богатств — вот мысль, которая в числе других объединяла столь разных художников. А это не нравилось некоторым критикам.

«Сейчас торжествует «международный писатель» (Эренбург, Пильняк и друг.)»,— писал в те годы Пришвин Горькому, который много внимания уделял молодым русским писателям, видя в них продолжателей великих традиций национальной культуры. В начинающем М. Булгакове Горький тоже заметил по-настоящему русское дарование. Отсюда его интерес к нему.

Уже в 1925 году Горький обратил внимание на Булгакова. «Булгаков очень понравился мне, очень...» В 1926 году он спрашивает одного из писателей: «Не знакомы ли Вы с М. Булгаковым? Что он делает? «Белая гвардия» не вышла в продажу?»

В письме к П. А. Маркову (от 4 февраля 1932) он писал: «У меня есть кое-какие соображения и темы, которые я хотел бы представить вниманию и суду талантливых наших драматургов: Булгакова, Афиногенова, Олеши, а также Всев. Иванова, Леонова».

Но положение М. Булгакова еще в 1930 году стало просто-напросто трагическим: литературные выпады против него превратились в политические обвинения. И писатель вынужден был обратиться с письмом в правительство.

Известно (см. «Вопросы литературы», 1966, № 9, стр. 139), что, прочитав письмо М. А. Булгакова от 28 марта 1930 года, Сталин позвонил Булгакову:

«— Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь. А может быть, правда, пустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?

— Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне Родины, и мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом — мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся...»

Этот телефонный звонок вернул Булгакова к творческой жизни.

Булгаков стал заниматься любимым делом, служил во МХАТе режиссером-ассистентом, заново писал роман «Мастер и Маргарита», рукопись которого сжег в минуту отчаяния, работал над «Театральным романом».

Когда Сталин приезжал смотреть «Дни Турбиных» (в музее МХАТа запротоколировано 15 посещений Сталиным этого спектакля), он всегда спрашивал: «А как Булгаков? Что делает? Очень талантливый человек...»

В дневниках Е. С. Булгаковой сохранилась следующая запись: «3 июля 1939 года. Вчера утром телефонный звонок Хмелева, просит послушать пьесу («Батум».— В. П.). Тон повышенный, радостный — наконец, опять пьеса М. А. в театре!

Вечером у нас Хмелев, Калишьян (директор МХАТа.— В. П.), Ольга (О. С. Бокшанская.— В. П.). Миша читал несколько картин. Потом ужин с долгим сидением после. Разговоры о пьесе, о МХАТе, о системе. Разошлись, когда уже совсем солнце вставало.

Рассказ Хмелева. Сталин раз сказал ему: «Хорошо играете Алексея. Забыть не могу».

«Батум» — это пьеса М. Булгакова о молодом Сталине. И Хмелев должен был играть в ней роль Сталина. Булгаков работал над ней с увлеченностью и художнической страстью. Однако Сталин потом сказал: «Все дети и все молодые люди одинаковы. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине».

И еще об одном. За рубежом, да и у нас в некоторых кругах, распространяется мнение, будто Булгакова «репрессировали», а потом «реабилитировали», некоторые называют даже точную дату «реабилитации» — 1962 год. Ничего не может быть вздорнее подобных утверждений. В 30-е годы шли его пьесы «Дни Турбиных» и «Мертвые души» (по Гоголю), весной 1941 года состоялись две премьеры «Дон-Кихота» (по Сервантесу), с 1943 года шла его драма «Пушкин», в 1957 году поставили «Бег». Над романом «Мастер и Маргарита» он работал до конца своих дней, а «Театральный роман» так и остался незаконченным. М. А. Булгаков умер в 1940 году, похоронен на Новодевичьем кладбище.

История с Булгаковым не так проста, как многим кажется. Ее не надо упрощать. Булгаков верил в будущее своих произведений, верил, что он как художник займет свое место в русской советской литературе. В этом — главное. И он не ошибся.

[1] И. В. Сталин, Сочинения, т. 11, стр. 327—328.

В ПУТИ...

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ БЕРДЫ КЕРБАБАЕВА

Еще недавно мы отмечали семидесятилетний юбилей выдающегося туркменского мастера слова, народного писателя Берды Мурадовича Кербабаева. И вот уже пять лет минуло, и аксакал советской туркменской литературы на пороге нового юбилея. Как сам он писал, «время — сказочный скакун».

Однако время в своем стремительном беге, кажется, нисколько не задело самого писателя. Тогда, пять лет назад, «Огонек» пожелал ему: «Хорманг, Берды-ага!» («Не уставать вам!»). И сегодня наш старший друг, наставник молодежи, один из основоположников поэзии, драмы, прозы Советской Туркмении, по-прежнему бодр и деятелен, полон творческих сил и замыслов, по-прежнему его характер и творчество отличают жизнелюбие, вкус к жизни, оптимистическое восприятие действительности.

Не так давно мне довелось его видеть, и в какой уж раз радостно поразили меня его неутомимость, жизнестойкость. Он только что возвратился из очередного зарубежного путешествия и собирался лететь в одну из наших республик. Дороги, дороги — по туркменской земле, по братским республикам (где только у него нет друзей!), по иноземным краям... И встречи: с собратьями по перу, с читателями, с советскими тружениками — героями прошлых и будущих книг. Он и сам неустанный, усерднейший труженик.

За его плечами большой жизненный и творческий путь. Рассказы и очерки. Поэмы и стихи. Драмы, сценарии, повести для детей. Такие широко известные романы, эпические полотна, как «Решающий шаг», «Небит-даг», «Чудом рожденный»... Литературоведческая, научная деятельность — он академик. Переводческая работа.

Он публикует очерки, путевые записки, насыщенные живыми впечатлениями от поездок по стране и зарубежным державам. Пишет рассказы, повести, которые свидетельствуют о его пристальном интересе к важным проблемам современности, о борцовском его темпераменте. В последних произведениях Берды Кербабаева беспощадно бичуются косные нравы и обычаи, национальные, религиозные предрассудки. Причем писатель убедительно показывает, что хотя они и мешают нашему движению вперед, но уже потеряли былую силу, их решительно сметает бурный поток времени. Недаром один из рассказов на эту тему, напечатанный в свое время в «Огоньке», так и назывался: «Песчаной запруде не сдержать потока».

Сколько пройдено, сделано, создано!.. А нрав его остался беспокойным, а талант — свежим и молодым. Глаз — зорким, сердце — пылким.

Берды Кербабаев руководит писательской организацией Туркмении. Живет активной жизнью общественного деятеля. Учит, строго и заботливо пестует молодых литераторов. Горячо, заинтересованно участвует в литературных спорах, выступает на страницах газет и журналов и со страстной публицистикой и со статьями по животрепещущим вопросам современной литературы.

И... творит!..

Юрий КАРАСЕВ

ГОСТИ КЛУБА «ОГОНЬКА»

ПОКУПАЙТЕ В УНИВЕРСАМАХ...

Видимо, это название станет скоро таким же привычным, как ныне «гастроном». Проект советских универсамов — крупных универсальных продовольственных магазинов самообслуживания — разработан в «Гипроторге». Министерство торговли РСФСР наметило строительство первых таких магазинов в нескольких городах страны... О новых формах торговли, об универсамах, об их преимуществах шел разговор в клубе «Огонька». Нашими гостями были начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома Н. П. Трегубов, главный архитектор «Гипроторга» О. А. Великорецкий, А. А. Манина (универмаг «Москва»), И. П. Степанчиков (продовольственный универмаг «Ленинград»).

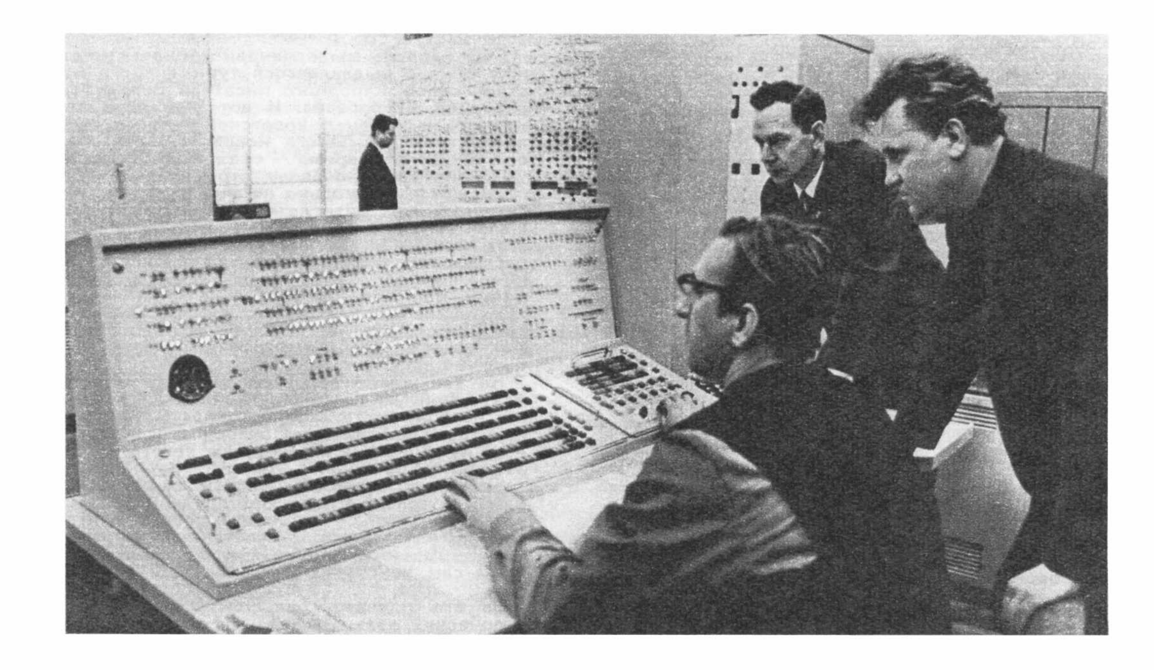
— Сейчас в стране ежедневно открывается несколько десятков магазинов. Сотни тысяч людей встают за прилавок. Нас очень волнуют вопросы организации торговли, улучшение качества обслуживания,— сказал Н. Трегубов.— Мы считаем, что здесь большую положительную роль сыграют магазины самообслуживания, крупные продовольственные универмаги, в которых можно будет купить все — от соли до тортов. Опыт «Ленинграда» показывает: товарооборот в таких магазинах повышается в два раза, если сравнивать их с обычными магазинами...

На снимке: гости клуба «Огонька» (справа налево) — Н. П. Трегубов, А. А. Манина, И. П. Степанчиков, О. А. Великорецкий.

Фото Б. Кузьмина.

ЕЭС и «БЭСМ»

Кто сегодня не знает, что такое ЕЭС? Координирует работу этой крупнейшей в мире Единой энергетической системы Объединенное диспетчерское управление. Начальник его Корюнт Татевосович Нахапетян показал нам главный диспетчерский пульт.

— Тут сконцентрирована самая современная техника управления,— говорит Корюнт Татевосович.— Нам служит автоматика, телемеханика, кибернетика. За стеной пульта — аппаратный зал. Все установки для телеизмерений и сигнализации работают на полупроводниках. А сравнительно недавно там стояли громоздкие ламповые устройства. Создан у нас и свой вычислительный центр. Вот «БЭСМ-4» — наш неутомимый друг и помощник. Посмотрите,— сказал Нахапетян, протягивая широкую ленту, испещренную колонками цифр.— В двенадцать часов машина получила задание, а в четырнадцать уже выдала ответ. На ленте график работы для всех пятидесяти четырех энергосистем ЕЭС на завтра. График на целые сутки вперед, на каждый час. В нем учтено множество компонентов, в том числе и такие, как долгота дня, температура воздуха на улице, какой день недели,— это имеет большое значение, суббота сегодня, например, или среда. В недалеком прошлом расчет этого же самого почасового графика производила большая группа людей, и все равно расчет был неточный, приблизительный, без учета экономичной работы энергосистем. Кроме того, «БЭСМ-4» каждый день производит посуточный расчет нагрузки для всей ЕЭС, устанавливает «персональный» график для таких больших волжских станций, как имени Ленина и XXII партсъезда. Бездельничать машине не приходится: некогда. Словом, она стала настоящим другом диспетчера...

Г. ВЛАДИМИРОВА

В вычислительном центре Объединенного диспетчерского управления ЕЭС. У пульта — начальник машины В. И. Агуреев.

Фото А. Бочинина.

...И СНОВА В ПОИСКЕ

— Неужели уже шестьдесят? Да не может быть! Он, кажется, на днях собирался лететь куда-то в дальние северные края...

Это разговор моих коллег. Он — это писатель-журналист Евгений Рябчиков. Ему исполнилось шестьдесят.

Его путь в литературу, журналистику, кино, радио начался более сорока лет назад в нижегородской комсомольской газете «Ленинская смена». С тех пор в газетах, журналах он опубликовал более пяти тысяч очерков, репортажей, корреспонденций, заметок, подготовил сотни больших радио- и телепередач, создал 34 документальных научно-популярных фильма, написал свыше тридцати книг.

Герои, о которых он повествует — будь то в репортажах о путешествии по Енисею с корреспондентским билетом «Огонька» или в киноповести о космонавтах,— люди мужественных профессий, о которых принято говорить — вот «делать жизнь с кого». Они зовут молодежь жить так, как живут, трудятся, дерзают, творят покорители воздушных и морских океанов, стратосферы и космоса, Антарктики и таежных просторов Сибири. Книги Евгения Рябчикова — «Северное сияние», «Пламя над Арктикой», «Вымпелы на Луне», «Засада на Черной тропе» и многие другие — принадлежат к той хорошей документальной литературе, в которой ничего не придумано, в которой пером талантливого писателя-репортера ведется агитация фактами за коммунизм.

Евгений Рябчиков владеет почти всеми жанрами журналистики. Но он прежде всего, и притом с гордостью, причисляет себя к семье репортеров. И не потому, что по роду своей общественной деятельности он возглавляет секцию репортеров Союза журналистов СССР. Он горячо любит эту профессию и мастерски владеет ею. Есть у него книга, которая так и называется: «Репортер». В предисловии к ней автор пишет: «...мы, репортеры,— счастливцы: мы встречаемся с замечательными людьми, видим жизнь в самых различных ее проявлениях и обо всем новом, важном, дорогом рассказываем со страниц газет, журналов, по радио, телевидению и в кино». К числу таких счастливцев принадлежит один из старейших советских репортеров — Евгений Рябчиков. Он и сегодня в поиске новых встреч с новыми интересными людьми.

Л. ЛЕРОВ

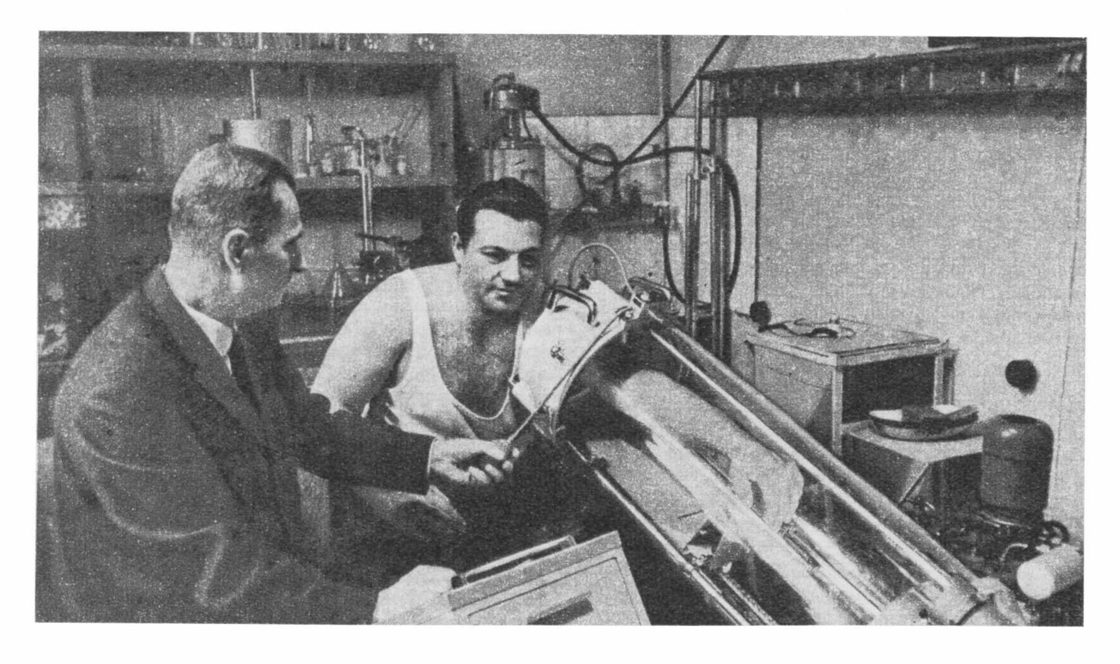
Авторские свидетельства № В-2019 и № В-2029, выданные Государственным комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, закрепили приоритет В. А. Кравченко на «способ усиления газового обмена в клетках тканей активной гиперемией и повышенной разностью барометрических давлений между организмом и барокамерой», а также на конструкцию «барокамеры активной гиперемии». Этот способ лечения и сама барокамера активной гиперемии запатентованы в ряде стран, в том числе в Бельгии, Италии и Франции.

БАРОКАМЕРЫ ВАСИЛИЯ КРАВЧЕНКО

М. ХРОМЧЕНКО

Этот снимок сделан осенью прошлого года. Тогда ни Иван Атанасов, ни Василий Кравченко не могли предвидеть, что через несколько месяцев болгарский штангист станет чемпионом Балканских стран.

Фото Н. Ногиной.

1

Основа жизни — обмен веществ, который протекает во всем организме, в каждой из сотен триллионов его клеток, будь то клетки мозга, сердца, печени или кожи. В этом едином процессе надо особо выделить обмен энергии. Ее накапливают в «силовых станциях клетки» — микроскопических митохондриях молекулы АТФ — удивительные химические соединения, именуемые аденозинтрифосфат.

В каждой клетке до двух тысяч силовых станций. В каждой такой станции неисчислимое множество молекул АТФ, каждая из которых хранит до восьми больших калорий. Нетрудно представить себе, какое количество жизненно необходимой энергии накапливает каждая из сотен триллионов клеток.

Но сколько бы клетки ни накопили энергии, тратят они ее постоянно и постоянно нуждаются в ее пополнении. Потому-то клеткам постоянно требуется кислород.

Правда, окисление продуктов питания, в процессе которого выделяется энергия, может происходить и без кислорода. Но, во-первых, лишь весьма незначительное время. Во-вторых, окисление в таких условиях затухает где-то на полпути, причем образующиеся при этом недоокисленные продукты превращаются в сильнодействующие яды клетки. Между прочим, именно накоплением таких ядов объясняется утомление интенсивно работающей мышцы. Наконец, в-третьих, с помощью кислорода из одной молекулы глюкозы образуется 38 молекул АТФ, тогда как без него — только 2.

Итак, с очередной порцией воздуха мы вдохнули и определенную дозу кислорода. Из легких он проникает в кровь и с нею отправляется в далекий путь — до мельчайших сосудиков. Их диаметр настолько мал, что эритроциты — красные кровяные шарики с трудом, а главное, чрезвычайно медленно, со скоростью примерно 2,5 сантиметра в минуту, протискиваются по ним друг за другом. Такие мельчайшие сосудики называются капиллярами.

Протяженность кровеносной системы человеческого тела — свыше 95 тысяч километров. Эти километры в основном складываются из капилляров, которые пронизывают буквально каждый участок нашего тела. Так, в одном квадратном миллиметре ткани мозга, клетки которой особенно заинтересованы в кислороде, их насчитывается до двух с половиной тысяч. Причем капилляры приближаются к каждой клетке на расстояние, не превышающее 0,125 миллиметра. Все это ради бесперебойного исполнения одной, но крайне важной задачи — снабжать клетки продуктами питания и забирать отходы жизнедеятельности.

Электронный микроскоп позволил увидеть, что стенка капилляров сложена из одного слоя клеток, плотно пригнанных друг к другу. Но как бы плотно они ни прилегали, пространство между ними сохраняется всегда. Через эти промежутки — поры — и протискиваются к клеткам тканей молекулы кислорода.

Всегда — но только в норме. К сожалению, бывают и отклонения. Организм постоянно подстерегают всевозможные опасности. Иные из них сказываются на изменении проницаемости сосудистой стенки. Уменьшенные размеры пор опускают перед молекулами кислорода шлагбаум. Клетки задыхаются без живительного газа, нарушается синтез АТФ, накапливаются ядовитые продукты обмена. Клетки теряют способность к сопротивлению вредным воздействиям, слабеют, преждевременно стареют и гибнут. Одна за другой.

Согласно представлениям современной медицины, изменение проницаемости сосудистой стенки является началом многих заболеваний. Где же выход? Как помочь клеткам, лишенным сообщения с капиллярами?

2

Василий Кравченко никакого отношения к медицине не имел, был инженером-строителем, кем, кстати, остается и по сей день. Свои поиски он начал задолго до Великой Отечественной войны, в годы, когда еще и биологи не успели проникнуть в глубинные тайны клетки.

Однако именно тогда в его жизни произошло нечто такое, что заставило инженера параллельно со своей основной специальностью отдавать свободное время, силы, помыслы благородному делу помощи тяжело больным людям. И если уж удивляться чему-либо в его биографии, так это в первую очередь тем трудно объяснимым преградам, что то и дело возникали на его пути, удивляться и преклоняться упорству, мужеству, воле, с которыми он эти преграды преодолевал. Я уверенно говорю об этом, потому что первый свой прибор Кравченко создал осенью 1932 года, весной следующего сдал на него заявку, а утверждено его открытие было лишь спустя... 35 лет!..

Все началось вот с чего.

Тяжело заболел друг. Врачи поставили диагноз: облитерирующий эндартериит — болезнь тогда почти неизлечимая. Известный в стране хирург мог предложить лишь крайнее средство: пока не поздно, ампутировать ногу. В то же время от такого же заболевания страдала родственница Кравченко.

Инженер Кравченко задумался над причинами, порождающими это заболевание. Выслушав жалобы больных, он уцепился за одну деталь: с изменением погоды в пораженной недугом ноге появляется боль. От чего это может быть?

Как известно, изменение погоды связано с изменением атмосферного давления. За миллионы лет эволюции организмы приспособились к жизни в условиях земной атмосферы, давление растворенных в крови газов, в том числе кислорода, уравновешивает давление воздуха на стенки сосудов. Но если общее — барометрическое — давление по обе стороны стенки капилляров одинаково и составляет, как правило, 760 миллиметров ртутного столба, то удельное давление газов, говоря языком нау-

ки,— парциальное — весьма различно. В частности, углекислого газа в клетках больше. Поэтому он с силой устремляется в капилляры, его подхватывают освободившиеся от кислорода эритроциты и уносят в легкие. Свободного кислорода в клетках ничтожно мало, а в капиллярах его парциальное давление равно примерно 20—40 миллиметрам ртутного столба. Поэтому, «вылезая» из эритроцитов, молекулы его упорно протискиваются сквозь поры сосудистой стенки в клетки.

Когда погода портится, барометрическое давление газов внутри капилляров становится выше наружного, и они устремляются из сосудов. Правда, молекулы, испытывая «облегчение», в некоторой степени раздуваются, их размер увеличивается, но соответственно увеличиваются и размеры пор сосудистой стенки за счет ее эластичности.

Так происходит у здорового человека. А у больного? Что будет, если эластичность стенки утрачена, как, скажем, у больных эндартериитом или ревматизмом? Тогда размеры пор останутся прежними или увеличатся недостаточно для того, чтобы раздувшиеся молекулы газа смогли беспрепятственно проходить сквозь них. В клетках снижается обмен веществ. Не давление ли раздувшихся молекул на стенки сосудов и снижение обмена в клетках вызывают боль?

А если это так, то не является ли первопричиной эндартериита именно нарушение проницаемости сосудистой стенки, вызванное спазмом или чем бы то ни было еще? Может быть, стоит лишь восстановить путь кислороду в одну сторону — к клеткам, а углекислому газу и воде в другую—к капиллярам, как в клетках восстановится нормальный обмен веществ и энергии, после чего они обретут прежнюю силу и победят болезнь?

Задача была сформулирована. Теперь оставалось «только» решить ее технически.

Представьте, что перед вами кольцо и мячик. Есть такой способ: понизив давление по одну сторону кольца и притягивая шарик в сторону пониженного давления, мы заставим его принять яйцеобразную форму, и в таком виде он пройдет сквозь кольцо.

Нечто подобное и предложил Василий Афанасьевич Кравченко. Он создал барокамеру — аппарат, с помощью которого мог либо повышать давление в капиллярах, сдавливая молекулы кислорода, либо снижать его над ними, несколько растягивая поры и изменяя форму молекул газа, а в результате того и другого воздействия проницаемость сосудистой стенки восстанавливалась.

Больше того. Созданная разность барометрических давлений в аппарате и в тканях организма вызывала усиленный приток крови, а следовательно, и кислорода к пораженным участкам. Через них за то же время проходило больше крови — кислорода. Это должно было способствовать восстановлению проницаемости сосудистой стенки, обмена веществ и энергии и даже усиливать его.

Самое удивительное, что уже первая конструкция аппарата оказывала несомненный лечебный эффект. Во всяком случае, инженер сумел добиться того, что не под силу было врачам: он избавил от эндартериита и своего знакомого и родственницу.

А затем? А затем потекли годы, десятилетия, потраченные на то, чтобы доказывать тем, от кого зависело внедрение барокамер и способа лечения в клиническую практику, что белое есть белое, а никак не черное.

Вначале мешало обычное недоверие медиков к представителям других специальностей, которые, мол, берутся не за свое дело, мало понимая в сложных взаимоотношениях организма. Чтобы спорить с врачами на их языке, инженер, как говорится, без отрыва от производства успел закончить медицинское училище.

Потом помешала война. Кравченко ранен, попадает в госпиталь. Одно из последствий: рука потеряла чувствительность, слабела, сохла. Традиционные методы лечения не помогали. Раненый отпросился в мастерские, собрал барокамеру, за несколько дней восстановил свою собственную руку и вернулся в строй.

Слух о чудесном аппарате и не менее чудесном излечении дошел до военного начальства. Кравченко на три месяца откомандирован в распоряжение медиков Волховского фронта. В четырех госпиталях врачи испытывали его детище на тяжело травмированных людях, которым грозила ампутация рук или ног. Новый метод не замедлил доказать свою действенность: барокамера Кравченко спасла многих раненых от ампутации и инвалидности.

Кончилась война. Василий Афанасьевич демобилизован, возвращается к своей мирной профессии строителя и к своим барокамерам, сражение за которые возобновилось с прежней силой, словно ничего в прошлом и не было.

3

Трудно поверить, но придется: врачи и руководители здравоохранения с упорством, достойным иного применения, отказывались признавать очевидный эффект баротерапии. Правда, не все. Вот несколько отзывов крупнейших советских медиков.

1937 год — академик Н. Н. Бурденко:

«Идея хорошая, аппарат нужно применять при периферическом расширении кровообращения».

1950 год — академик Н. Н. Аничков:

«...Предложение может иметь некоторое значение в практике физиотерапии».

1964 год — академик Б. В. Петровский:

«С помощью данной барокамеры, работающей по предложенному способу, можно добиться значительных результатов в консервативном лечении заболеваний периферических сосудов, так как возможности способа лечения далеко не исчерпаны, а, наоборот, только начинают проявляться».

А на практике? Все эти годы В. А. Кравченко доказывал пользу своего аппарата и метода различным врачам, в различных лечебных учреждениях. Иных врачей удавалось убедить, другие с сомнением качали головой, исходя из принципа «не верь глазам своим». Скептики оправдывали свое недоверие ссылками на то, что баротерапия помогала не всем больным и некоторым из них приходилось прибегать к помощи барокамеры не раз и не два. Что ж, то было правдой. Но зато большое число больных способ Кравченко спасал от ампутации, и они, естественно, готовы были сколько угодно подвергаться воздействию баротерапии, лишь бы не становиться инвалидами. Но независимо от результатов лечения, независимо от того, что сторонников нового метода становилось больше, дело с мертвой точки не сдвигалось.

Изменилась ли позиция министерства в последние годы? И да и нет.

Да — если сказать, что два изобретения В. А. Кравченко признаны Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, что барокамеры выпускает отечественная медицинская промышленность и в настоящее время они имеются во многих городах страны.

Нет — если вспомнить последние слова заключения академика Б. В. Петровского, теперь к тому же министра здравоохранения: «...возможности способа лечения далеко не исчерпаны, а, наоборот, только начинают раскрываться». Однако этот способ лечения до сих пор министерством внедряется медленно.

Как я уже писал, В. А. Кравченко остается инженером-строителем. Тем не менее в феврале этого года он сдал заявки на пятнадцатое (!) и шестнадцатое (!) изобретения по баротерапии, предназначенные для новых способов лечения.

Баротерапия и баропрофилактика оказались весьма полезными в арсенале средств современной спортивной медицины. Услугами ее, в частности, пользовались члены сборной команды штангистов Советского Союза перед первенством Европы прошлого года и Олимпиадой — В. Куренцов, Б. Селицкий, В. Беляев, Д. Шанидзе, В. Алексеев, А. Калиниченко и А. Кидяев. Достоинства нового метода быстро оценили два кандидата медицинских наук — врач сборной команды СССР С. К. Сарсания и старший тренер сборной, заслуженный мастер спорта А. Н. Воробьев. Вот, в частности, что сказал С. К. Сарсания:

«Мы применяли барокамеру для лечения некоторых травм, только что полученных спортсменом, например, плеча, при которых травматологи рекомендуют холод и полный покой до тех пор, пока поврежденный кровеносный сосуд затромбируется, а кровотечение в мышцу прекратится. Автор способа лечения и барокамеры утверждал обратное. И что же? Первые же сеансы опрокинули традиционные представления: барокамера увеличивала кровенаполнение поврежденных связок плечевого сустава, а боль прекращалась. Так и повелось в дни тренировок: появилась боль — спортсмены тут же бежали в кабинет баротерапии. И не было случая, чтобы они уходили без резкого улучшения».

Вместе с советскими спортсменами оценил помощь барокамеры и болгарский тяжеловес Иван Атанасов. Перед очередным соревнованием прошлого года, перетренировавшись, он повредил локтевой сустав. Атанасов пропускал одну тренировку за другой, слабел. Руководство команды включило его в состав сборной Болгарии для участия в первенстве Европы, пожалуй, только в память его прошлых заслуг и в слабой надежде, что боль пройдет и в решающий момент спортсмен выйдет на помост.

Так Атанасов оказался в Дубне, где болгарские штангисты готовились к соревнованиям вместе с советскими друзьями. Здесь он впервые принял несколько сеансов баротерапии. Несомненный эффект помог ему настоять на повторном посещении Советского Союза. Результат лечения: Иван Атанасов, на котором иные специалисты уже было поставили крест, в конце прошлого года стал чемпионом Балканских стран. Ему, в частности, подчинился в жиме колоссальный вес — 190 килограммов!

Поразительно и другое: Атанасов вначале внимательно «приглядывался» к больной руке, нагружал ее постепенно. А затем обнаружил, что ею он может поднимать даже бо́льшие веса, нежели здоровой. Тогда он решил проверить себя и сравнил объем бицепса на больной и здоровой руках. Оказалось, что первый превысил размер второго на два сантиметра. Вот к чему привело усиленное снабжение пораженного участка кровью и кислородом с помощью барокамеры.

Влияние баротерапии сегодня усиленно изучают сотрудники лаборатории биоэнергетики Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры. Предоставляю слово заведующей лабораторией, кандидату медицинских наук Т. А. Аллик:

«Результаты экспериментов по применению барокамеры В. А. Кравченко показали, что процедуры ее снимают боль в мышцах ног у бегунов, спины, рук и ног у гребцов и штангистов, улучшают общее самочувствие спортсменов. Применение барокамеры на предолимпийском сборе в Цахкадзоре убедило нас, что баропроцедуры возвращают к норме повышенное давление крови. После восьми сеансов мы избавили спортсмена от не заживающей в течение месяца язвы в области коленного сустава, вызванной ожогом».

Не исключена возможность, что этот же способ поможет продлить активную трудовую жизнь человека. В наш век одно из необходимых условий развития организма — активное движение, физическая культура и спорт. Однако активизация дыхания и кровообращения требует усиленной работы сердца, предъявляет повышенные нагрузки всему организму, а некоторым пожилым людям они могут быть противопоказаны. Барокамера позволяет усиливать кровоснабжение отдельного органа, не перегружая организм и сердце».

Почему же так получается, что Атанасов случайно (!) узнал о существовании баротерапии? (Не могу не вспомнить по аналогии рассказ Валерия Брумеля, также случайно узнавшего о курганском хирурге-кудеснике Г. Илизарове.) Почему предложением В. А. Кравченко всерьез заинтересовались только спортивные врачи? Почему в конце концов остались практически равнодушными специалисты Министерства здравоохранения СССР, кому по долгу службы и профессии в первую очередь пристало проявлять заинтересованность, нещадно эксплуатировать талант изобретателя, не отталкивать его всевозможными придирками, а, наоборот, помочь, если это необходимо, «довести» аппарат и метод лечения хотя бы даже одного тяжелейшего заболевания, подключив к работе специалистов в области медицинской техники?

Облитерирующий эндартериит, физическое переутомление и травмы спортсменов... Не слишком ли узок диапазон использования от-

крытия В. А. Кравченко? Сегодня имеются данные, пусть предварительные, которые позволяют предполагать, что метод и конструкции изобретателя могут найти гораздо более широкое применение в медицине. Обмен веществ и энергии, зависимый от притока кислорода,— процесс, общий для всего организма, и нет никакой уверенности в том, что он не страдает — и тем самым не влияет — при многих различных заболеваниях.

Недавно по страницам мировой печати пронеслась очередная сенсация. Началось с того, что профессор Оккерт Стефанус Хейнс из Витваттерстрендского университета применил в акушерской практике для облегчения родов метод декомпрессии—понижения давления над животом беременной женщины. Метод оправдал себя. Тогда профессор решил воспользоваться им в последнем периоде беременности, за десять недель до родов. На животе будущей матери устанавливали легкий пластмассовый купол и откачивали из-под него воздух. Как известно, одной из грозных опасностей для плода является кислородное голодание. Под влиянием декомпрессии возрастал приток крови, а с нею и кислорода к голове плода.

Вслед за профессором Хейнсом метод декомпрессии стали применять во многих акушерских клиниках и родильных домах Европы и Северной Америки. И вот почему. По сообщениям газет, всестороннее обследование психиатрами около десяти тысяч детей, рожденных с применением нового метода, показало необыкновенное развитие их умственных способностей.

А ведь декомпрессия — это та же баротерапия, или, если угодно, баропрофилактика.

4

Разумеется, нельзя без тщательной и всесторонней проверки вмешиваться в интимные процессы развития живого организма. Предварительные, пусть даже прекрасные результаты спустя несколько лет могут обернуться непоправимой бедой. Рекламная шумиха и погоня за сенсацией, характерные для медицинской практики Запада, уже снискали печальную известность, в частности, недавней трагической историей с препаратом талидомид, ставшим причиной появления на свет тысяч детей-калек. Поэтому осторожность, проявляемая при оценке любого нового метода, предложенного нашими или зарубежными специалистами, понятна и оправданна.

Понятна и оправданна осторожность, но никак не бездействие.

Все это имеет самое непосредственное отношение к истории изобретений В. А. Кравченко. Энтузиазм автора прекрасен. Но этот, пусть даже не такой редкий, не столь экзотический цветок требует к себе предельно бережного, непредвзятого, истинно заинтересованного внимания. Внимания и трезвой поддержки. Наконец, широкого внедрения нового, эффективного метода в широкую клиническую практику.

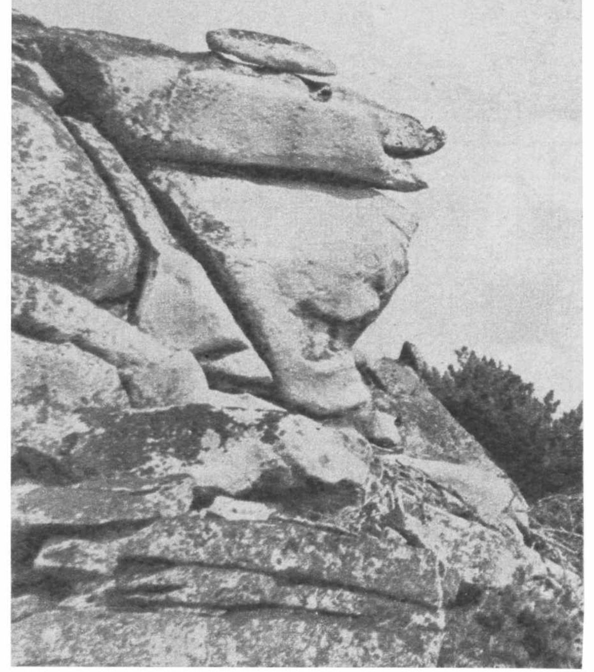
Передо мной статья «У истоков нового метода», напечатанная в газете «Правда» 21 сентября 1966 года. Статья посвящена методу баротерапии и аппарату В. А. Кравченко. В заключении авторы пишут:

«Как всякий новый способ, она (баротерапия.— **М. Х.**) требует дальнейшего изучения и развития. Настала пора организовать специальную клинику баротерапии с хорошей, подлинно научной лабораторной базой. В ней можно с участием автора и уже накопивших опыт врачей-экспериментаторов совершенствовать способ и его технические средства, всесторонне исследовать их возможности при лечении сосудистых заболеваний, проводить практическую подготовку врачей».

С тех пор прошло почти два с половиной года. Но и сегодня мало что можно добавить к этим разумным словам.

ОТ РЕДАКЦИИ. Очерком нашего корреспондента М. Хромченко мы открываем новую рубрику—«В зоне энтузиазма». Одновременно мы надеемся получить ответ специалистов Министерства здравоохранения СССР на вопросы, поднятые в публикуемом материале.

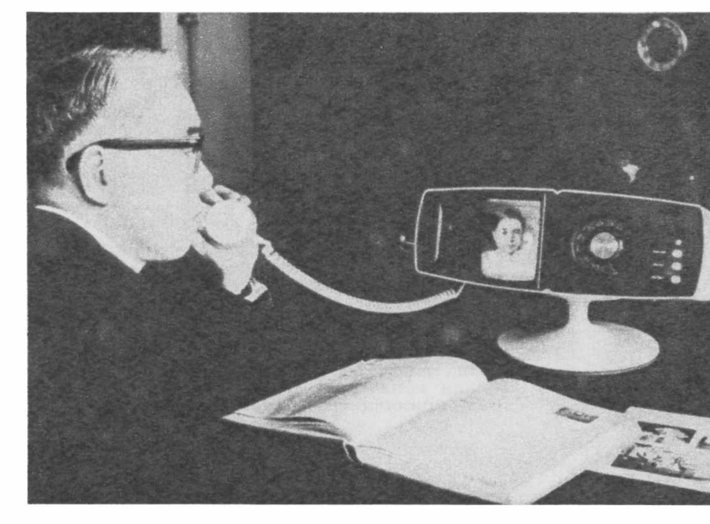
КАМЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Этого необычного зверя, застывшего на гранитном постаменте, я сфотографировал в Якутии.

А. ВОЛКОВ

ПОЗВОНИТЕ МНЕ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ...

Одна японская фирма выпустила компактный телевизионный телефон.

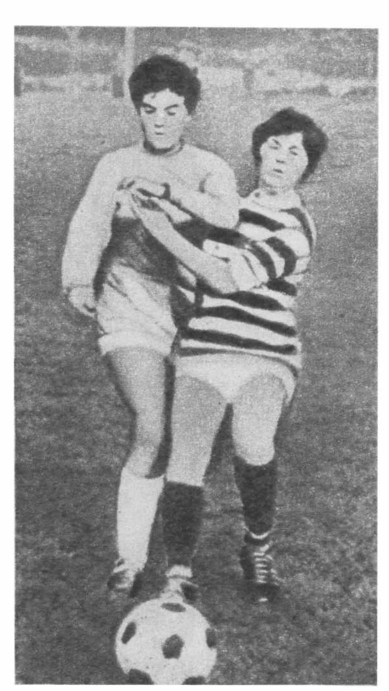
ВЕЛОСИПЕДЫ ПРАБАБУШЕК

В Лондоне состоялась распродажа средств передвижения второй половины прошлого века. Большой интерес вызвал велосипед почти столетней давности, на котором прокатилась в платье времен королевы Виктории артистка Сюзан Кейм.

ЕЩЕ ОДНА КОМАНДА

«Летон ледис» — так называется женская футбольная команда, которая начала выступать в Англии. Самые главные и страстные болельщики спортсменок — их дети.

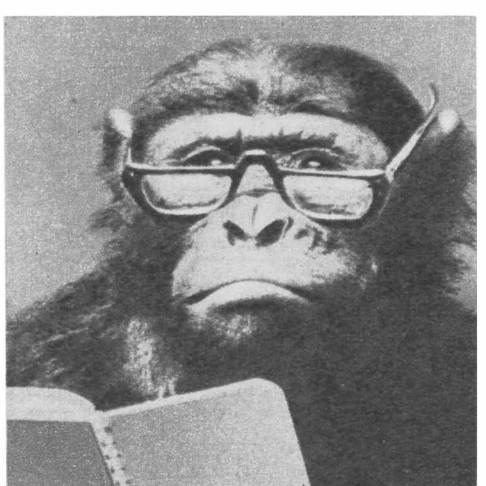

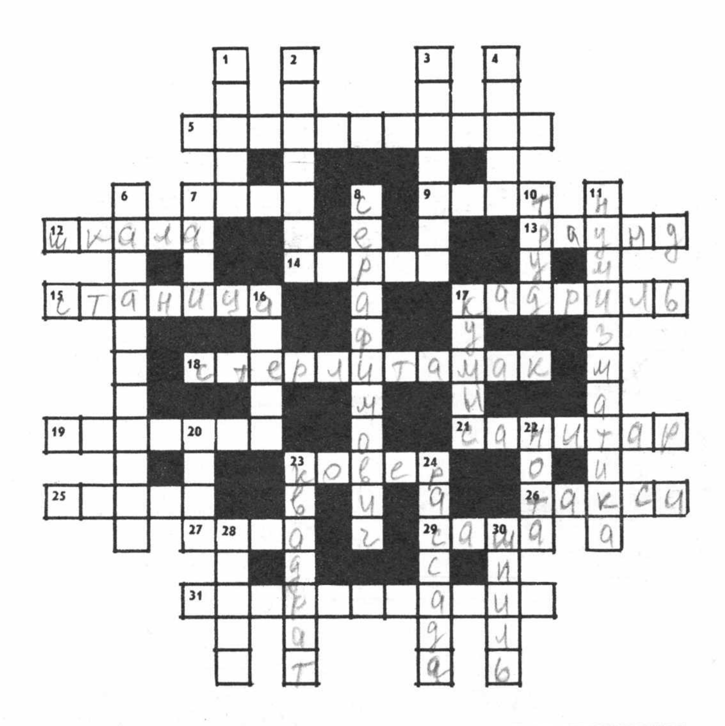
ПРЕДАННОСТЬ ХОЗЯИНУ

Перед вами собака Лели, которая проделала путь в 1 200 километров, чтобы найти своего хозяина, итальянца Панкрацио Скарано.

ПОЗНАВАЯ ГРАМОТУ

По утверждению специалистов, эта обезьяна, живущая в зоопарке города Сан-Диего (США), обладает редкостными способностями. Она, например, может часами сидеть за книгой.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский живописец-передвижник. 7. Советский скульптор. 9. Стержень с резьбой. 12. Линейка или циферблат с делениями в различных приборах. 13. Промежуток времени в схватке боксеров. 14. Пристань на реке Сура. 15. Селение на Дону, Кубани. 17. Танец. 18. Город в Башкирии. 19. Промысловая рыба. 21. Медицинский работник. 23. Художественное текстильное изделие. 25. Скопление бревен в узких местах реки. 26. Городской транспорт. 27. Индийская разменная монета. 29. Поэма Н. А. Некрасова. 31. Вид декоративно-прикладного искусства.

По вертикали:

1. Южное плодовое дерево, кустарник. 2. Государство в Европе. 3. Советский писатель. 4. Рассказ М. Горького. 6. Грузинский поэт XIX века. 7. Река в Центральной Африке. 8. Автор романа «Железный поток». 10. Название газеты. 11. Наука о монетах. 16. Персонаж повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 17. Молочный продукт. 20. Горный массив Южного Урала. 22. Музыкальный знак. 23. Равносторонний прямоугольник. 24. Растения, выращиваемые для пересадки. 28. Американский страус. 30. Остроконечный стержень, венчающий здание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

3. «Березка». 8. Фарватер. 9. Карамзин. 11. Астрахань. 12. Пегас. 14. Стенд. 16. Бисквит. 20. Габардин. 21. Одеколон. 23. «Ариадна». 24. Нарва. 26. Штора. 27. Баркарола. 28. Сингапур. 30. Перстень. 32. «Соловей».

По вертикали:

1. Десерт. 2. Оксана. 4. Казбек. 5. Палас. 6. Вальс. 7. Сирень. 10. Баркас. 13. Афанасьев. 15. Термостат. 16. «Баядера». 17. Теберда. 18. Палисадник. 19. Концертина. 22. Плакат. 25. Абзац. 26. Шасси. 29. Удод. 31. Елец.

На первой странице обложки: Первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет «ТУ-144».

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Памятник национальному герою башкирского народа Салавату Юлаеву в Уфе. Скульптор С. Тавасиев.

Фото Л. Шерстенникова.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00342. Сдано в набор 25/II-69 г. Подписано к печ. 11/III-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 406. Заказ № 556.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Говорят, что, когда дюжина мастеров отлично справляется со своим делом, тринадцатому трудно работать не повторяясь. На арену Московского цирка падали букеты к ногам Карандаша — взрослого человека с сердцем ребенка; Олега Попова, покорявшего публику неистощимым оптимизмом; наивно-лукавого и отнюдь не старающегося смешить Юрия Никулина... Советский цирк знает многих талантливых клоунов. И у каждого из них свое лицо. Евгения Майхровского можно назвать лириком в клоунаде.

Вот он выходит на арену. Широкие полосатые брюки, белая рубашка и красный жилет, на непокорных кудрях черная шляпа. Ему очень хочется показать зрителям свой номер, и он торжественно готовится к выступлению. Но инспектор манежа упорно прогоняет клоуна. Тот идет на различные хитрости: скрывшись за правой кулисой, он стремительно, в ту же секунду выскакивает из левой (правда, скажем по секрету: это не он, а его дублер. А дублером у Жени Майхровского работает жена Наташа).

Клоун пугает инспектора спрятанной в сумку собакой. Чего только он не предпринимает! И, наконец, исполнив свой номер, уходит, весьма удовлетворенный. За две минуты пребывания на манеже он успел расположить к себе зрителей. Его актерское обаяние, его юмор покорили сердца; следующий выход клоуна публика уже встречает смехом.

Коверный клоун работает между выступлениями других артистов. Ему принадлежат те паузы, во время которых униформисты убирают манеж, чтобы приготовить его для следующего номера. Клоун должен отвлечь внимание публики от рабочих на себя — в этом задача его жизнелюбивого искусства, нелегкого, но очень светлого.

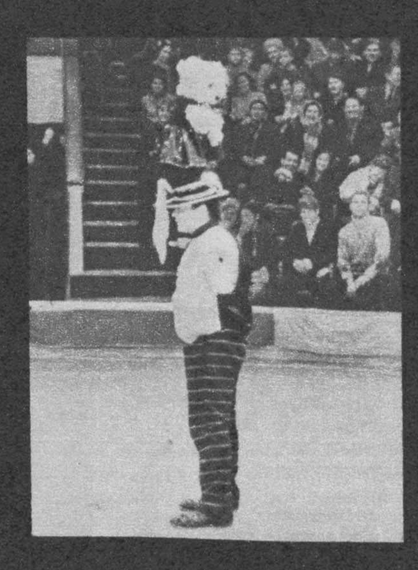
Майхровский выходит на арену почти без грима. Он ставит своей задачей рассмешить людей не костюмом и не маской. Он создает комический характер, непосредственный и эксцентричный. Шутки его всегда неожиданны, а репризы многожанровы. Он отличный жонглер и иллюзионист, а в самых любимых своих номерах — с собаками — выходит на сцену как дрессировщик.

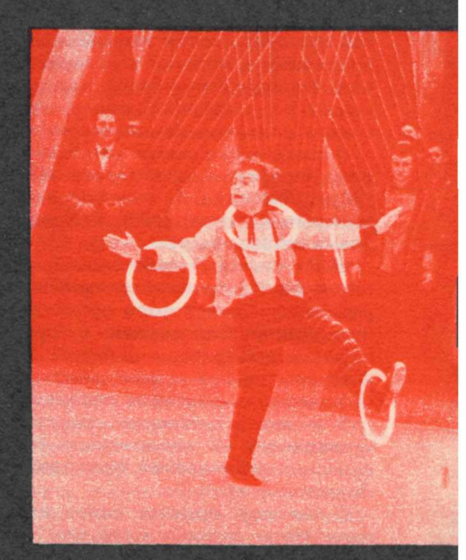
Родители Майхровского в прошлом тоже артисты цирка. Женя не был уверен в том, хочет ли продолжать семейную профессию; его больше привлекала журналистика; окончив школу, он пошел работать,— правда, пока в типографию. Как-то его попросили принять участие в соревнованиях по конькам; он не стал отказываться — впервые в жизни надел коньки и побежал. Смех на трибунах поднялся такой, что Женя тут-то и понял: будет клоуном! Много лет спустя эпизод преобразился в одну из удачных его реприз. Сейчас Евгений Майхровский учится на пятом курсе ГИТИСа. Коверным клоуном работает три года.

...Уходят последние зрители. Гаснут огни. В коридорах раздаются гулкие шаги служителей, торопящихся домой. С улицы кажется, что в цирке уже никого нет. Но вот в это-то время и оживает снова цирковая арена: многие артисты тренируются, оттачивая мастерство.

Часто коверный клоун Евгений Майхровский последним покидает цирк.

Татьяна ЛОТИС

ЛИРИ-ЧЕСКИЙ КЛОУН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.